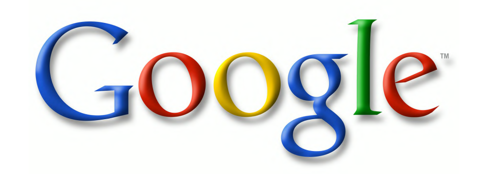

Книжка 64.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ IV — Годъ XVI

1907

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1907.

ОТДѢЛЪ I.

Канунъ по Сибирскимъ селеніямъ.

(Восточная Сибирь. Енисейская губернія).

Изучая жизнь сибирскихъ крестьянъ въ короткіе промежутки этнографическихъ поѣздокъ отъ Имп. Русскаго Географическаго Общества въ Енисейскую губернію и въ болѣе продолжительное время своего невольнаго пребыванія въ ней, приходилось подмѣчать среди нихъ удивительные обряды и обычаи, восходящіе подчасъ до глубокой древности. И теперь я намѣренъ предложить читателямъ сгруппированныя свѣдѣнія объ обычаѣ сибирскихъ крестьянъ варить канунъ.

Считаю долгомъ оговориться при этомъ, что моя задача— не изслѣдованіе этого вопроса во всей его ширинѣ и глубинѣ для всей Сибири, какъ желательно было бы и для меня, а лишь скромное освѣщеніе обряда кануна новыми указаніями изъ живой дѣйствительности въ предѣлахъ Енисейской губерніи, и ими пополнить этнографическую сокровищницу, изъ которой будутъ черпать желающіе заняться „кануномъ“ во всемъ его объемѣ.

Крестьяне данной губерніи устраиваютъ канунъ [1]) въ память святыхъ, избранныхъ покровителями того или иного селенія; ради нихъ сибирскіе крестьяне установили по своимъ селеніямъ храмовые, а по мѣстному „съѣжжи“ праздники.

---

[1]) Приблизительно такое же толкованіе этому слову даетъ и Даль (См. Толк. Словарь, 210) для Европейской Россіи; по нему: канунъ—медъ, пиво, брага, сваренная къ празднику или на память усопшаго“; канунить—„пировать, праздновать погулкой“.

Ко дню такого праздника съѣзжаются родственники и знакомые изъ другихъ селеній. Послѣ общаго молебна, сопровождающагося нерѣдко крестнымъ ходомъ за селенія, къ „крестикамъ“, духовенство носитъ „святы“ (иконы) по избамъ. Хлѣбосольные хозяева приглашаютъ своихъ гостей отвѣдать „ѣствы“. Хлопотливыя хозяйки заблаговременно приготовили на этотъ случай разныхъ горячихъ „похлебокъ“, „жарко“, пирожковъ и пр., даже хмельнаго пива наварили. „Хозяинъ“ припасъ „вина“— водки... Веселье разгорается и длится день-два, а то и дольше. Это общее явленіе въ Сибири. При этомъ случается, что „своедѣльски“ пивà варятъ не только индивидуально у себя дома, для семейной гулянки, но и въ честь празднуемаго святого—тогда пиво варятъ міромъ и міромъ публично распиваютъ. Это будетъ канунъ святому.

Съ технической стороной и цѣлью кануна читатели познакомятся ниже; а пока ихъ вниманію можно предложить ссылку на одинъ историческій фактъ, указывающій на то, что вареніе кануна справляется въ Сибири со старины. Это извѣстный „Циркулярный указъ Енисейской Воеводской канцеляріи 14 марта 1771 года“ [1]). Въ немъ между прочимъ говорится слѣдующее:

„Неоднократно посыланными изъ здѣшней канцеляріи во всѣ присуды указами было подтверждаемо и запрещаемо, чтобы *канонов* (нашъ курсивъ) и братчинъ отнюдь не было; но и затѣмъ оказалось, въ Анциферовскомъ присудѣ [2]) была варима братчина и послѣдовало отъ оной посадскому Локасову отъ ясачнаго Вѣшнякова смертное убивство, за что тотъ ясачный Вѣшняковъ, въ страхъ другимъ, и наказанъ кнутомъ, а зачинщикъ того варенья братчины плетьми; а чтобы и паки таковыхъ братчинъ варимо не было, и во всемъ оныя присѣклись опредѣлено: послать паки указы и велѣть оныя братчины, страшаясь вышеописаннаго, а паче и жесточайшаго наказанія, нигдѣ не варить“.

Можно предположить, что и до описаннаго въ этомъ циркулярномъ указѣ случая, сколь раньше трудно, конечно, сказать, многократно посылались строгіе указы во всѣ „присуды“ Енисейскаго Воеводства, чтобы „каноновъ и братчинъ“ отнюдь не было, ослушниковъ били батогами и наказывали плетьми. Однако ничего не помогало. Жизнь народная, вопреки канцелярскимъ циркулярамъ и воеводскимъ репрессіямъ, и въ Сибири шла своимъ чередомъ: она донесла къ намъ чрезъ 136 лѣтъ, считая отъ даты цитированнаго документа, во всей почти ар-

---

[1]) Кн. Костровъ. „Онскія селенія“, стр. 257.

[2]) Нынѣ Анциферовская волость въ сѣверной части Енисейскаго уѣзда.

ханческой цѣлости одинъ изъ любопытнѣйшихъ народныхъ обычаевъ, занесенный, разумѣется, изъ Европейской Россіи [1]).

Кануны варились въ Сибири и продолжаютъ быть варимы включительно по наши дни.

Современнымъ „зачинщикамъ" варенія „кануна" и участникамъ онаго сибирское начальство до поры до времени не грозитъ своими скорпіонами. Само же коренное сибирско-русское населеніе этихъ „зачинщиковъ" называетъ не иначе, какъ *желательны мужики, доброжелатели, трудники*, т. е. люди, по доброй волѣ и собственному почину принимающіе на себя трудъ варки кануна, сопряженный съ немалыми хлопотами, ради благоугодной цѣли.

Въ чемъ заключается доброхотное трудичество „желательныхъ мужиковъ", какіе результаты оно приноситъ и чѣмъ способствуетъ „трудникамъ" деревенскій міръ, будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ фактическихъ данныхъ, собранныхъ мною по селеніямъ Маклаковской, Казачинской, Кежемской и частью Пинчужской волостямъ Енисейскаго уѣзда. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли еще въ половинѣ XVII столѣтія по пути водной артеріи „Енисей-Ангара", которыми шло извѣстное время историческое заселеніе Восточной Сибири русскими выходцами. Начну съ изложенія своихъ наблюденій, относящихся къ Кежемской волости, гдѣ жители въ большинствѣ случаевъ все еще продолжаютъ исполнять обрядъ кануна.

Село Пановское, Кежем. в. „Трудники по желанію своему, сообщила уроженка этого села, вздумаютъ и ходятъ по дворамъ, собираютъ муку на канунъ „Николѣ вешному" (9 мая); либо „Кирику-Улиты" (15 іюля); къ „Петрову дню" (29 іюня); кажной отъ желанья свово даетъ, а которы есть и по коробицѣ даютъ. Потомъ пива [2]) сварятъ ушатовъ пять, а то и десятокъ; остатнюю муку продадутъ на хмѣль для пива, а если таковой былъ собранъ, то деньги Богу отдадутъ.

„Въ „Николу вешнова", либо въ Петровъ день, либо въ „Кирики-Улиты" вынесутъ въ „ограду" (дворъ) которова-нибудь трудника ушатъ ли—два пива; постановятъ столъ, скатеркой

---

[1]) Обычай варенія кануна распространенъ по Сѣверу Россіи и, между прочимъ, въ Вятской губерніи. По крайней мѣрѣ *Д. Зеленинъ* въ своемъ этнографическомъ изслѣдованіи о „Троецыплятницѣ" говоритъ, что къ воскресенью, на которое назначено молебствіе и пиршество съ приготовленіемъ троецыплятницы, тамъ варятъ „канунъ", въ родѣ пива, безъ хмелю, подслащенный медомъ, а иногда и безъ меду и пиво".—Стр. 3.

[2]) Рецептъ „своедѣльскаго" пива указанъ въ приложеніи.

„браной“ (узорной) покрытой; постановять на нево ковшики, кружки, стаканья, чашки; постановять и тарелочки для сбора денегъ.

„Станетъ приваливать народъ опосля обѣдни: хто копейку положитъ на тарелку, хто двѣ — хто еечикъ притащитъ и пьетъ канунъ — пиво. Трудники то и дѣло подтаскиваютъ ушатамъ...

„Деньги въ церкви Богу прикладаютъ, еечки, пряжу продадутъ и Богу отдадутъ.

„Варятъ пива хороши, хмельны. Мужики до послѣду сидятъ въ оградѣ, имъ подаютъ пива, не отказуютъ. Бабы, дѣвки выпьютъ и уходятъ. По домамъ также пьютъ „вино“ и пива домашней стряпни. По гостямъ съ пѣснямъ ходятъ. Дѣвки съ парнямъ еечки варятъ, короводомъ ходятъ и всякимъ играмъ играютъ на палянкахъ. Народу съѣжжатца не мало. Кажной годъ варятъ канунъ“, закончила разсказчица.

Въ деревнѣ Алешкиной (Кежем. в.) „Желательны мужики варятъ канунъ кажной годъ. Муку сбираютъ по дворамъ. Пить пиво приходятъ съ своей посудой. Общу молитву не творятъ. Кажной перехреститца и скажетъ: „Господи благослови“! Ему нальютъ пива. Тотъ кладетъ деньги, либо то, чево принесетъ. Пьютъ пиво на мѣстѣ, либо уносятъ къ себѣ“.

Сборы поступаютъ въ мѣстную часовню. Обѣдню служитъ кежемскій священникъ.

Въ селѣ Кежмѣ варятъ канунъ къ „Николѣ вешному“ (9 мая). Муку заранѣе собираютъ съ міра трудники; они канунное пиво варятъ и завѣдуютъ его распродажей въ день праздника тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ с. Пановскомъ. Выручку передаютъ церковному старостѣ для обращенія ея на нужды мѣстной церкви, на свѣчи „Николѣ“.

Канунъ сопровождается обычнымъ гульбищемъ. Дѣвицы яйца варятъ, на полянкахъ разныя „игрыща“ устраиваютъ.

„Варить канунъ рѣже стали“.

Кануны варятъ по такому же образцу въ деревняхъ: Мозговой на праздникъ Иннокентія Иркутскаго (26 ноября) и Аксеновой на Митрофанія (23 ноября), въ той же Кежемской волости.

Д. Кежемская Заимка. „Къ Николѣ вёшному (9 мая) и къ „Казанской“ (22 октября) трудники сбираютъ съ міра муку и варятъ пива: доспѣютъ ево ушатовъ 30.

„Часы отойдутъ (если священникъ не пріѣдетъ изъ Кежмы), тогда сбираютца свои деревенски и пріѣжжи гости въ ограду, ежели въ „Николу“, которово-нибудь трудника, канунъ пить. Хто пьетъ кружкой, хто ведро беретъ, кладетъ на тарелку:

ейца, рыбей клей, [1]) куделю, а то 2—3 и пять копеекъ; за цѣльной ушатъ пива и по 30 коп. берутъ; хошь въ оградѣ пей, хошь тащи, куда тебѣ надо. Съ тово кануна зачинатца гулянка на всю деревню,—гулятъ народъ и два дни и четыре.

„Въ „Казанску" канунъ пьютъ у трудника въ избѣ [2]). Што наторгуютъ за пиво, трудники чесовенному старостѣ отдадутъ; клей, куделю, еечки продадуть, ему же отдадутъ — Богу на свѣчки", въ „заимску чесовню".

Что касается Пинчужской волости, смежной съ Кежемской, то мнѣ извѣстенъ пока одинъ примѣръ варки кануна, а именно въ деревнѣ Пашутиной ко дню „Николы зимнево" (6 декабря); она лежитъ при Мурскомъ порогѣ рѣки Ангары и имѣетъ въ хорошей сохранности старинную часовеньку съ слюдяными окнами.

Въ деревнѣ Порожинской (Казачинской волости), стоящей надъ Казачинскимъ порогомъ рѣки Енисея, тоже сохранился обычай варить общественное пиво къ нѣкоторымъ праздникамъ. Въ мое посѣщеніе этой деревушки въ 1904 году, ея населеніе, по моей просьбѣ, нарочито демонстрировало пивовареніе по тому образцу, какъ у нихъ совершается.

Передъ домомъ зажиточного крестьянина Токарева небольшая полянка, заваленная разнымъ хозяйственнымъ матеріаломъ; на ней постоянное мѣсто занимають стоймя установленные другъ противъ друга, на разстояніи двухъ саженей, два старыхъ улья, толщиною 10—12 вершковъ, повышеніемъ 2 арш.; съ одного на другой перекинута вершковъ трехъ въ отрубѣ березовая слежка, нѣсколько длиннѣе двухъ саженей; то былъ станъ для подвѣшиванія котла, въ которомъ кипятится вода и т. п.; поодаль немного, на плотныхъ чуркахъ, стоялъ солидный пивной „чанъ", около 6 четвертей высотою и 5 четвертей въ діаметрѣ верхняго отверстія, сколоченный изъ лиственничной тростины съ черемуховыми обручами; рядомъ съ чаномъ лежало на чуркахъ вмѣстительное долбленое корыто, подставляемое подъ дно чана, когда спускаютъ „сусло"; такихъ корытъ полагается нѣсколько для охлажденія готоваго сусла.

Изъ „анбара" Токарева (онъ же церковный староста) вынесли желѣзный котелъ (выс. 3/4 ар., діам. 1 ар.) съ ушами

---

[1]) Перечисленныя селенія Кежемской волости лежатъ при рѣкѣ Ангарѣ (Верхняя-Тунгузка), богатой красной рыбой, изъ которой добывается клей, поступающій въ продажу и на домашнія нужды.

[2]) Къ этому времени обыкновенно устанавливаются санный путь и морозы, дѣлающіе неудобнымъ питье кануна на открытомъ воздухѣ.

и подвѣсили на желѣзныхъ крюкахъ къ слежкѣ описаннаго выше стана; бабы натаскали ушатами воды, развели подъ котломъ костеръ, притащили ведеръ, „грузилку", „веселку"; по общему приговору мужиковъ и бабъ приставили къ чану *пивовара* съ *пивоварихой*... Собрались, будто бы на „слевки пивы", мужики, парни, дѣвицы, дѣтвора. Говоръ, смѣхъ, дѣловая суета... Въ этотъ моментъ щелкнулъ затворъ моего фотографическаго аппарата... Я былъ новичекъ въ этомъ искусствѣ и допустилъ сильную передержку, испортившую негативъ. Осталось запечатлѣннымъ только то, что мною было предусмотрительно зарисовано.

Въ селѣ Стрѣловскомъ (при устьѣ р. Ангары) населеніе справляетъ *канунъ* „Егорью" (23 ар.). Этотъ обычай тамъ нѣсколько отличается отъ вышеописанныхъ по Кежемской волости.

Отстоявъ, какъ водится, обѣдню въ мѣстной церкви и, отобѣдавъ, жители этого села и смежныхъ съ ними деревень Коновщины, Саввиной и Новосельцы (одной и той же Маклаковской волости) отправляются на домъ къ церковному старостѣ. Въ его избѣ начисто вымыто и пріубрано; столъ въ „переднемъ углу" (подъ образами) застланъ чистой скатертью, на немъ *таремка* съ теплящеюся восковой свѣчею; по „лавкамъ", придѣланнымъ, какъ водится, вдоль стѣнъ, и на отдѣльныхъ скамьяхъ и табуретахъ размѣстились принаряженныя бабы и кое-кто изъ дѣвицъ; онѣ не съ пустыми руками пришли; у одной „туесокъ" (берест. посуда), у другой стеклянный „кукшинъ" (кувшинъ) или глиняная чашка, а иная, смѣха ради, принесла цѣлую „корчагу" [1]); посуды не пустыя, а наполнены хмельнымъ *пивомъ*—кануномъ, домашняго приготовленія. Оно принесено *для продажи*.

Стали и покупатели въ избу заходить: мужики, парни и кое-кто изъ „чистый публики". Бабы и дѣвицы встрѣчаютъ гостей съ поклонами и предложеніемъ испить „ейнова пива". Между продавщицами возникаетъ естественное соревнованіе. Онѣ расточаютъ „ласковы—привѣтливы" слова, пускаютъ въ ходъ милыя шутки, чтобы обратить на себя вниманіе гостей и завербовать покупателя на „свое пиво"; тѣ отвѣчаютъ своими любезностями, сопровождая ихъ иногда довольно прозрачными

---

[1]) Большой горшокъ съ крохотнымъ отверстіемъ у доннаго вѣнчика, затыкающимся „чепикомъ" (дер. затычка)—для варенія *корчажнаго* пива.

комментаріями. И все это тонетъ въ громкомъ говорѣ, веселомъ смѣхѣ и шуткахъ.

Согласившійся испить пиво-канунъ отъ болѣе „поглянувшейся“ ему обладательницы, долженъ подойти къ столу, на которомъ рядомъ съ тарелкой уже водруженъ порядочной величины „кухоль“ (кувшинъ). Продавщица, предложеніе коей было принято, должна налить пивомъ кухоль дополна; перекрестясь на „святы“ (иконы), покупатель опоражниваетъ кухоль, стараясь выпить содержимое, какъ говорится, „единымъ духомъ“; это считается молодецкою удалью; осилившій подобное испытаніе вызываетъ одобреніе среди прекраснаго пола; на не выпившаго до дна кухоль пива, наоборотъ, сыпятся со всѣхъ сторонъ забористыя остроты, благодушныя насмѣшки, предназначаемыя преимущественно для вящаго увеселенія „чесной“ компаніи. Выпившій свою долю кануна кладетъ на тарелку какую нибудь *монетку* и отходитъ, уступая мѣсто слѣдующему...

Въ этомъ же родѣ продажа *кануна* производится и въ „оградѣ“ церковнаго старосты. Продавцами здѣсь—мужской персоналъ, покупательныцами являются „бабы“ и „дѣвки“...

Собранныя деньги въ концѣ концовъ поступаютъ къ церковному старостѣ и расходуются на покупку свѣчей „Егорью“ и т. под. нуждъ мѣстной церкви.

Въ поименованныхъ селеньяхъ, какъ и во всей Маклаковской волости, съ возникновеніемъ золотопромышленности въ Енисейскомъ горномъ округѣ, привлекшей ихъ населеніе къ себѣ, и продолжавшемуся вплоть до открытія сибирской желѣзной дороги сплаву по Ангарѣ чаевъ, выгрузкой коихъ стрѣловскіе и коновскіе крестьяне долгое время были заняты, совершенно пало земледѣліе, плохо къ тому же развивавшееся, благодаря суровости климата и плохому качеству почвы. Хлѣбъ для питанія сталъ пріобрѣтаться по преимуществу на сторонѣ. Посторонніе заработки были не всегда удовлетворительны. Наступила необходимость экономить матеріальныя средства въ томъ числѣ и хлѣбъ. Это обстоятельство быть можетъ и повліяло на то, что, ради той же экономіи, жители стали варить пивà у себя по домамъ, въ ограниченныхъ даже размѣрахъ, для семейныхъ пирушекъ и остановились на возможности для себя удѣлять *кануну* извѣстную долю пива домашняго приготовленія [1]).

[1]) Нѣчто подобное дѣлается и въ Вологодской губерніи, гдѣ по Далю „туесъ (буракъ) съ пивомъ приносится въ церковь, для освященія къ празднику“, это называется по тамошнему тоже кануномъ.

Въ данномъ случаѣ уже ясно обрисовываются черты несомнѣннаго разложенія религіозно-мірского обряда, какимъ является канунъ въ Сибири.

Перечисленные только-что примѣры, такъ сказать, факты современнаго варенія *кануна* въ селеніяхъ Енисейскаго уѣзда. Интересныя подробности выясняются также изъ фактовъ прошлаго.

Не знаю, какъ дѣло обстоитъ въ бывшемъ „Анциферовскомъ присудѣ" т. е. въ нынѣшней Анциферовской волости, но за то въ цѣломъ рядѣ селеній, напримѣръ, Казачинской волости, того же Енисейскаго уѣзда до недавняго сравнительно времени варили *кануны*.

Въ селѣ Рождественскомъ (въ 12 вер. въ сторону отъ с. Казачинскаго) варили *канунъ* ко дню Вознесенья, путемъ общественнаго сбора муки и пр. Перестали это дѣлать лѣтъ 40 тому назадъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что въ названномъ селѣ издавно находился Рождественскій женскій монастырь, переведенный впослѣдствіи въ г. Енисейскъ; его мѣсто заняла понынѣ существующая церковь. И она была свидѣтельницей варки кануна въ ея приходѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ деревень [1]). Изъ словъ почтеннаго и религіознаго разсказчика И. Варыгина можно было заключить, что этотъ обычай самъ по себѣ пережилъ. Впрочемъ, въ виду его географически широкаго распространенія по Сибири въ то старое время, едва ли было по силамъ монастырю и бѣлому духовенству бороться съ проявленіемъ древняго пережитка въ самомъ селѣ, жители котораго, понаѣхавъ частью изъ „Московской губерніи" (Варыгины...) или обрусѣвъ подъ вліяніемъ „москвичей" изъ тунгусовъ (Бекетовы...) и татаръ (Горнаковы...), до сихъ поръ склонны крѣпко держаться „досельщины" (старины). Съ другой стороны мѣстному, особенно бѣлому, духовенству врядъ ли было выгодно чинить препятствія исполненію *кануна*: какъ ни какъ, а цѣлью его было все же увеличеніе матеріальныхъ средствъ мѣстной церкви, въ чемъ ощущается хроническій недостатокъ... За молебствія и посѣщенія избъ съ „святыми" въ дни съѣзжихъ праздниковъ и кануна духовенство также взимало, какъ взимаетъ и теперь, въ свою пользу извѣстную мзду. Этими соображеніями отчасти можно объяснить, почему обы-

---

[1]) Деревни: Лопаткина, Чащина (Челнокова), Бѣлоусова (Водовозова), Зеледѣева, Вароковщина.

чай варки кануна сравнительно долго держался въ с. Рождественскомъ.

Выгоды для церкви, впрочемъ получались грошевыя. Тотъ же И. Варыгинъ передаетъ, что въ *канунъ* набирали рубля два: выпивая канунъ, клали на *тарелку* все больше *грошики*... А пили „сколь душа примала; были питаки, говорилъ В., которы по ведру выпивали,—съ просядкой, какъ говорится... Со старинки велось такъ.“.

Такова была сила традиціи, пока сама „модомъ“ (постепенно) не исчахла.

Въ канунъ подбавляли меду или водки; пили, добавилъ В., какъ и вообще пивà, дома: чашками глиняными, круглой формы, съ зеленой обливой и ручками съ изображеніями птицъ и т. п.; употреблялись также „нотаковки“,—родъ бокаловидныхъ стаканчиковъ, точеныхъ изъ дерева или литыхъ изъ оловянной композиціи.

Деревня Лопаткина отдѣляется отъ с. Рождественскаго неширокою рѣчушкою („Чорная“); въ настоящее время жители обоихъ селеній составляютъ одно сельское общество. Въ этой деревнѣ также міромъ варили канунъ къ „Рожеству Христову“ (25 декабря) и къ „Николѣ вешнему“ (9 мая). Заглохла эта „досельщина“ вѣроятно въ то же время, какъ и въ Рождественскомъ.

Въ деревнѣ Челпоковой (Чащина) лѣтъ 40 тому назадъ варили канунъ къ Ильину дню (20 іюля), путемъ сбора доброхотныхъ пожертвованій мукою среди однодеревенскихъ и другихъ прихожанъ. Въ ней, какъ передавали, сохранилось мірское зданіе—п о в а р н я, гдѣ раньше варили канунъ, а теперь продолжаютъ варить въ складчину пивà къ годовымъ праздникамъ, къ свадьбамъ и т. п. (О поварнѣ см. описаніе д. Сполошной).

Въ деревнѣ Сполошной (Казачинской вол.) перестали варить канунъ 30—35 лѣтъ тому назадъ. Это былъ обычай „обчествомъ“ варить пивà наканунѣ „Егорья вешнова“ (23 апрѣля), „Успеньева дня“ (15 августа), почитаемыхъ сполошинцами за свои „съѣзжи“ праздники; „обчествомъ“ распивали канунъ и жертвовали при этомъ „Егорью на свѣчи“ и т. п.

Сполошная, надо сказать, возникла, судя по преданію, на мѣстѣ нѣкогда бывшаго сторожевого поста, на которомъ енисейскіе казаки „били сполохъ“ — жгли огни, когда замѣчали вражеское движеніе воевавшихъ съ ними инородцевъ. Сама деревня пріютилась на низменности праваго берега рѣки Енисея. На противуположномъ берегу той же рѣки, лежалъ „Казачій

Лугъ", гдѣ паслись казачьи лошади и заготовлялось сѣно; при немъ возникло сельцо того же названія [1]), переименованное впослѣдствіи въ село Казачинское (Казачье тожъ). Теперь жители этого села съ сполошинцами составляютъ одно сельское общество и одинъ церковный приходъ.

И все же въ д. Сполошной имѣется собственная „Чесовня" во имя „Егорья", не менѣе старинной постройки, чѣмъ церковь въ Казачьемъ. По крайней мѣрѣ я видѣлъ въ ней, кромѣ книги „Поученіе повседневное" за 1815 годъ, еще „Слѣдованный псалтырь" съ датой 1698 года; ему, такимъ образомъ, не менѣе 209 лѣтъ; сама же „чесовня" можетъ быть даже старше. Доказывая старинное происхожденіе ея, сполошинцы говорятъ, что было время, при ихъ дѣдахъ, когда русло рѣки Енисея между „Казачьимъ Лугомъ" и Сполошной было настолько узко, что удалые молодцы могли перекинуть съ берега на берегъ камень. Тоже самое я слышалъ отъ стариковъ с. Казачинскаго. Такъ на нынѣшней косѣ, у нижней „изголовли" села, гдѣ весною пристаютъ пароходы, стояла церковь, перестроенная въ каменную и освященная въ 1800 году на теперешней площади; неподалеку отъ старой церкви находился „могильникъ" (кладбище). Могучій Енисей давно уже смылъ съ берегомъ мѣста старинной церкви и кладбища... Помнится, когда Енисей вошелъ въ берега, послѣ весенняго разлива 1895 г., то на обнажившейся церковной площади я нашелъ могильный черепъ человѣка; а въ слѣдующемъ 1896 выкопалъ въ обвалившемся берегу церковной площади человѣческій костякъ и послалъ въ Енисейскій городской музей. — Енисей продолжаетъ размывать также берегъ д. Сполошной. Это чрезвычайное обстоятельство заставило три раза переносить мѣстную часовню на новыя мѣста.

По архитектурѣ зданіе часовни ничѣмъ особенно не отличается отъ типа русско-сибирской избы; сложено въ одинъ этажъ изъ кондоваго сосняка, длиною въ 19 аршинъ, шириною въ 12 ар., повышеніемъ аршинъ четырехъ слишкомъ, съ крышей на четыре ската, крытой тесомъ подъ карнизъ и съ крылечкомъ подъ тесовымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ при входѣ фигурными колонками; за сѣверной стѣной подвѣшенъ

---

[1]) Въ казачьемъ церковномъ архивѣ сохранились грамоты: Митрополита Тобольскаго и Нерчинскаго Антонія 1730 года, Архіепископа Тобольскаго и Нерчинскаго Варлаама за 1780, 1781, 1788 и 1800 года; въ этихъ актахъ сельцо „Казачій Лугъ" упоминается не разъ.

къ столбу съ перекладиной и навѣсикомъ „оповѣщальный колоколъ“, малыхъ размѣровъ, игравшій при канунѣ видную роль. Внутри часовни мрачно и убого, по стѣнамъ развѣшены немногочисленныя иконы стараго письма, имѣются рѣзныя изъ дерева паникадила и рѣзныя деревянныя изображенія святыхъ. Сбоку у входа небольшой чуланчикъ: въ немъ, между прочимъ, сохранялся „обчественный“ инвентарь,—мѣдный котелъ, деревянная посуда и прочія принадлежности [1]), бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной.

Вотъ что разсказалъ по этому поводу мѣстный крестьянинъ Трифонъ Шестаковъ, которому, когда мы бесѣдовали (въ 1904 г.), исполнилось 84 года.

Наканунѣ означенныхъ выше праздниковъ „чесовенной“ староста, въ сопровожденіи „доброжелателевъ“ варить канунъ, обходилъ своихъ сельчанъ и объѣзжалъ сосѣднія деревни: Борки, Захарову, Башкиры, Падерену и Омутовщину, гдѣ собиралъ доброхотныя приношенія натурою, въ видѣ муки, хмеля и проч. Сборъ одной только муки бывалъ по 15 — 20 пудовъ. Значительная ея часть, а то и все количество пудовъ переваривалось на канунъ или поминальное пиво.

Техникой и внутреннимъ распорядкомъ обрядоваго пивоваренія заправлялъ *пивоваръ*; сполошинцы выбирали его, какъ мастера своего дѣла, каждый разъ изъ среды своего общества; приставляли къ нему помощниковъ — „доброжелателевъ“ и помощницъ — „доброжелательницъ“, подчинявшихся всецѣло указаніямъ пивовара.

Мѣстомъ варки кануна служила *поварня*; она была построена въ сторонкѣ отъ жилыхъ помѣщеній силами „обчества“ для соотвѣтственныхъ общественныхъ нуждъ (варки кануна, пива къ свадьбамъ и т. п.). Я уже засталъ поварню въ полуразрушенномъ состояніи; въ свое время она представляла изъ себя сравнительно малыхъ размѣровъ невысокую избушку, срубленную „по черному“ четырехстѣнкой изъ мелкихъ бревешекъ, съ плоскою землей крытою крышею; крытый земляными же „пластамъ“ присѣнокъ защищалъ отъ непогоды низенькую входную дверку, прорубленную съ восточной стороны; маленькое оконце съ запада, затянутое „брюшиною“, пропускало тусклый свѣтъ въ поварню; внутри стѣны ея были чернымъ-черны и лоснились, располированныя дымомъ и копотью,

---

[1]) Куплены мною у сполошинскаго „обчества“ для Этнографическаго отдѣла Рус. Музея И. А. III., въ 1904 г.

въ избыткѣ наполнявшими избушку, когда топили сооруженную въ ней „каменку“ (печь изъ дикаго камня), лишенную дымовника. Въ фронтонной стѣнѣ, сбоку, невысоко отъ земли было прорублено еще продолговатое оконце: въ него всовывался деревянный желобъ, по которому „слевали“ холодную воду, кипятокъ въ стоявшіе въ поварнѣ пивные чаны [1]), и обратно готовое „сусло“ (хлѣбный наваръ) въ наружныя „кади“ (кадки, перерѣзы).

На улицѣ вблизи поварни были вкопаны другъ противъ друга столбы высотою 2,5—3 арш.; на нихъ клался брусъ, къ нему подвѣшивался на желѣзныхъ крючьяхъ мѣдный котелъ, вмѣстимостью въ 10—15 ведеръ, купленный „обчествомъ“, какъ и прочій инвентарь, на „Егорьевски“ сборы: въ немъ согрѣвали кипятокъ для сусла и переваривали послѣднее съ хмелемъ. Дрова для пивоваренія поставляли „помочью“ тѣ же сполошинцы.

Готовому суслу давали время остыть, разливая по „карытьямъ“ и другимъ „посудинамъ“... Пивоваръ тогда приступалъ къ перевариванію сусла съ хмелемъ...—Когда полученное такимъ путемъ пиво „укисало“, его сливали въ одно мѣсто.

Съ высоты „чесовенной“ колокольни билъ „оповѣщальной колоколъ“, бѣгая подъ окнами, „зватаи“ и ребятишки скликали народъ на „слевки“, выкрикивая: „Тупайте на слевки, у ково волосы крѣпки“! Являлись сполошинцы съ ведрами, ушатами и уносили пиво въ чаны, помѣщенные на храненіе въ „ямахъ“ (погребушки) „чесовеннова“ старосты и „доброжелателей“.—Наваривали ушатовъ по 40 и болѣе. Пиво было пьяное, „что твоя водка“. Отвѣдывать запрету не было. Помочане этимъ правомъ пользовались въ достаточной степени, упивались изрядно... Не обходилось безъ ссоръ и дракъ... Отсюда и возникла означенная форма приглашенія „зватаями“ мирянъ на „слевки“ сусла и пива.

Ко дню кануна въ Сполошную съѣзжались гости—жертвователи, родственники, пріятели. Со своими собиралось, говорилъ Т. Шестаковъ, человѣкъ 200 и болѣе.

---

[1]) „Егорьевскихъ“ чановъ было два, одинъ въ 15, другой въ 25 ведеръ. Въ одномъ изъ такихъ чановъ, разсказчикъ Т. Шестаковъ, будучи 7—8 лѣтъ, спрятался съ сверстникомъ-товарищемъ, чтобы безъ помѣхи полакомиться „крадче“ нарванными въ огородѣ огурцами. Мать товарища, Толстихина, „прислѣдила“ и отхлестала проказниковъ прутомъ въ „егорьевскомъ“ же чану.

Въ день кануна пріѣзжало изъ с. Казачинскаго духовенство и совершало часы, а потомъ ходило съ иконами по избамъ. Такъ, съ полденъ, вокругъ часовни ставились скамейки, „лавы", „столъ съ браной скатеркой" для пивной посуды, приносили ушаты съ пивомъ. „Чесовенной" староста билъ въ „оповѣщальной", колоколъ, приглашая народъ на канунъ. Сполошинцы и гости размѣщались по лавкамъ (сколько хватало мѣстъ). Часовенный староста разливалъ канунъ—пиво большой „поваренкой" въ ковшики, чашки, скобкари [1]), а свои деревенскіе „доброжелатели" („мужики, бабы, дѣвки") подносили желающимъ. Таковыми оказывались всѣ. Пили и клали „грошики" и копейки на носимыя между пьющими деревянныя и оловянныя тарелочки. Партіи смѣняли одна другую... Такъ продолжалось дня два—три. Веселье становилось общимъ и сопровождалось обычнымъ пѣньемъ, ѣздой въ экипажахъ по улицѣ... Вырученныя деньги отъ кануна и продажи остатковъ муки и пр. прикладывали „Егорью" или „Усиленью", смотря по тому, въ память кого справляли обрядъ. Были даже „кошели" для денегъ—одинъ „Егорью", другой „Усиленью". А въ общемъ канунныя деньги расходовались на нужды „чесовни" и даже, какъ говорилось выше, на нихъ пріобрѣтался пивоваренный инвентарь.

И въ этомъ яркомъ примѣрѣ, какъ мы видимъ, богоугодное дѣло совмѣщалось съ мірскимъ увеселеніемъ. Таково было значеніе кануна и въ д. Сполошной.

Закончивъ фактическую сторону своего сообщенія, попытаемся сдѣлать анализъ существенныхъ чертъ затронутаго нами обычная варки кануна и попробуемъ опредѣлить отношенія къ нему духовныхъ и свѣтскихъ властей.

Какъ обычай, обрядовое пивовареніе теряетъ свое начало въ глубинѣ сѣдой старины. Въ позднѣйшемъ его видѣ обрядъ кануна разбивается на двѣ характерныя части—религіозную и мірскую (соціальную).

Канунъ варятъ къ днямъ почитаемыхъ святыхъ; а денежные сборы во время совершенія обряда, равно какъ получаемыя отъ продажи приношеній (натурою), въ концѣ концовъ, поступаютъ на благолѣпіе храма, на свѣчи святому и пр.; самый обрядъ освящается молебномъ, „часами"... Все это и составляетъ религіозную подкладку кануна.

---

[1]) Описаніе ихъ дано въ концѣ статьи.

Мірское или соціальное значеніе этого обряда выражается въ слѣдующемъ. Канунъ варятъ силами и иждивеніемъ деревенскаго міра или „обчества", какъ говорятъ сибиряки. Имъ даются отъ „желанья свово" мука и другіе сельскохозяйственные продукты, что переводится отчасти на канунъ, отчасти на деньги и прилагается также Богу; „обчество" устраиваетъ „поварни", снабжаетъ ихъ дровами, водой; оно выбираетъ изъ своей среды даже „пивовара", какъ главнаго руководителя техникой обрядоваго пивоваренія, даетъ ему помощниковъ и помощницъ; приходитъ къ нему на „помочь", когда „оповѣщальной колоколъ" или „звтаи" пригласятъ итти на „слевки" сусла или пива—кануна. Безъ участія „желательныхъ мужиковъ", „трудниковъ" и „доброжелателей",—этихъ главныхъ мѣстныхъ иниціаторовъ кануна — какъ выяснилось, не обходится не только подготовительный процессъ обряда, но и его завершеніе. Ихъ усилія были бы, намъ кажется, тщетны или мало продуктивны, не будь само „обчество" сочувственно расположено къ устройству кануна. Оно не только относится симпатично къ тому, чтобы потрудились для Бога тѣ или другіе однообщественники, но матеріально и физически содѣйствуетъ ихъ благому начинанію. „Обчество" является, наконецъ, главнымъ платнымъ потребителемъ кануннаго пива, чѣмъ также способствуетъ улучшенію денежныхъ средствъ своей церкви, своей часовни. Мірская рука и религіозно-бытовая мораль „обчества", сказали бы мы, вѣковой обычай обрядоваго пивоваренія сохраняютъ въ Сибири до настоящаго времени.

Противъ міра и его „трудниковъ" въ цѣляхъ, якобы, искорененія пагубной его слабости къ кануну, а вѣрнѣе въ цѣляхъ фиска, предержащей властью „добраго стараго времени" были пущены, какъ указано выше, „батоги и плети". Тѣ, кто хотѣлъ, выражаясь фигурально, „плетью обухъ перешибить"—не перешибъ. Иными словами, народъ и въ Сибири немало претерпѣлъ гоненій и каръ за свою приверженность къ кануну, но продолжаетъ быть вѣрнымъ выношенной въ его душѣ традиціи, вѣрнымъ своему исконному обычаю обрядоваго пивоваренія. Несомнѣнно, и сама традиція, и дѣдовскій обрядъ находятся теперь въ состояніи разложенія (какъ, напр., въ с. Стрѣловскомъ) и постепеннаго умиранія. Мы можетъ быть наблюдаемъ ихъ въ послѣдней стадіи, за которой наступитъ полное исчезновеніе, въ чемъ насъ убѣждаютъ примѣры селеній Казачинской волости и цѣлыхъ уѣздовъ: Красноярскаго, Ачинскаго, Минусинскаго также Енисейской губерніи, гдѣ о канунахъ и помину

нѣтъ. На это въ Сибири, однако, потребовались столѣтія стихійнаго теченія событій и все цивилизующее время: они то, какъ на мельничномъ жерновѣ, неустанно перетираютъ сибирскую „досельщину“ и прививаютъ сибирякамъ новыя привычки новые обычаи.

Остается отмѣтить въ немногихъ словахъ отношеніе духовенства къ народному кануну. Въ жестокостяхъ бывшаго преслѣдованія, въ частности, сибирскаго „обчества“, за канунъ быть можетъ были не менѣе повинны и представители высшаго духовенства „добраго стараго времени“. Въ архивахъ сохранились документы (наилучшимъ выразителемъ которыхъ является извѣстный „Стоглавъ“), свидѣтельствующіе о чрезвычайно суровыхъ бичеваніяхъ духовною властью соблазновъ мірскихъ увеселеній и остатковъ язычества. Это не могло не отразиться на характерѣ репрессій свѣтской власти, преслѣдовавшей въ свою очередь подобнаго рода явленія въ народной жизни. Что касается мѣстнаго сибирскаго чернаго и бѣлаго духовенства, то оно по своему поведенію въ то время было ничуть не лучше міранъ, и поэтому, вѣроятно, не обладало достаточнымъ авторитетомъ, чтобы успѣшно бороться съ консервативной приверженностью своей духовной паствы къ обряду кануна и его мірскимъ удовольствіямъ. Впрочемъ, ему и ссориться съ приходомъ было невыгодно. Какъ никакъ, а отъ *кануна*, повторяемъ перепадали матеріальныя „крохи“ и сибирскому духовенству, и церкви.

Въ настоящее время отношеніе свѣтской власти къ обычаю варки „кануна“ въ Сибири пока что безразличное. Отношеніе духовенства къ нему теперь пока что доброжелательное. Историческій опытъ наглядно, надо думать, убѣдилъ тѣхъ и другихъ что „батогами и плетьми“ не переломишь народныхъ вѣрованій, не перегнешь народнаго духа въ желательную для нихъ сторону.

Алексѣй Макаренко.

Приложеніе I.

Праздники и селенія съ кануномъ.

„Егорей“ (23 апр.)—канунъ въ селѣ Стрѣловскомъ (жит. об. пола 338+203—д. Коновщины) Макл. в. [1])

„Иннокентей Иркутской“ (26 ноябр.)—канунъ въ д. Мозговой (жит. об. пола 380), Кеж. вол.

[1]) Цифры о населеніи взяты за время всеобщей переписи 1897 г.

„Казанска“ (22 окт.)—канунъ въ д. Кежемская Заимка (жит. об. пола 632).

„Кирики—Улиты“ (15 іюля)—канунъ въ с. Пановскомъ (жит. об. пола 753), Кеж. вол.

„Митрофаньевъ день“ (23 ноябр.)—канунъ въ д. Аксеновой (жит. об. пола 127), Кеж. вол.

„Никола вешной“ (9 мая)—кануны: 1) въ д. Кежемская Заимка, 2) въ с. Пановскомъ и 3) въ с. Кежмѣ (жит. об. пола 1058).

„Никола зимней“ (6 декабр.)—канунъ въ д. Пашутиной (жит. об. пола 194), Пинч. вол.

„Петровъ день“ (29 іюня)—канунъ въ с. Пановскомъ.

(Безъ обозначенія дней)—канунъ въ д. Алешкиной (жит. об. пола 394), Кеж. вол. и въ д. Порожинской (жит. об. пола 101), Казач. вол.

Приложеніе II.

Праздники и селенія безъ кануна.

„Вознесенье“—варили канунъ въ с: Рождественскомъ (жит. об. пола 1050), Казач. вол.

„Егорей“ (23 апр.)—варили въ д. Сполошной (жит. об. пола 183), Казач. вол.

„Ильинъ день“ (20 іюля) — варили въ д. Челноковой, Казач. вол.

„Никола вешной (9 мая)—варили въ д. Лопаткиной (см. с. Рождественское), Казач. вол.

„Рожество“ (25 декабр.)—варили въ д. Лопаткиной.

„Успленье“ (15 авг.)—варили д. Сполошной.

Приложеніе III.

Способы варки „своедѣльскова“ пива, а равно и „кануна“.

Если нѣтъ ячменнаго солода, то пекутъ „квасники“—родъ пресныхъ хлѣбовъ изъ низкаго сорта ржаной муки. На полпуда квасниковъ засыпаютъ въ пивной „чанъ“ крупно смолотой ржаной муки 30 — 40 ф. [1]) Квасники „перепекаютъ“ два раза; и третьимъ разомъ, продержавъ всю ночь въ печи, ихъ съ утра ломтями складываютъ въ кадочку и размачиваютъ,

[1]) Съ этого количества муки получается ушатъ сусла въ 3—4 ведра.

подливая „по ковшичку“ кипятку и изрѣдка размѣшивая легонько „веселкой“, пока не получится гуща. Въ тоже время засыпаютъ немного муки въ чанъ, завариваютъ кипяткомъ, размѣшиваютъ, кладутъ въ нее „мелкихъ“ накаленныхъ камышковъ, чтобы заторъ „солодѣлъ“; выливаютъ въ чанъ квасники, доливаютъ кипяткомъ (по одной чугункѣ или „мѣднику“ заразъ), хорошенько размѣшиваютъ веселкой, подсыпятъ муки и дольютъ кипяткомъ, пока не получится въ чанѣ требуемой густоты хлѣбная брага. Потомъ „садятъ на стырь“. Деревянный стержень съ четырехграннымъ нижнимъ концомъ, которымъ накрѣпко съ сначала заколачиваютъ четырехгранное отверстіе въ днѣ чана; верхній конецъ его нѣсколько возвышается надъ чаномъ. На „стырь“ надѣваютъ свитое изъ соломы кольцо, опускаемое до доннаго отверстія; на „стырь“ же своимъ центромъ надѣвается „кита“ или „китка“—кругъ изъ соломы; сверху „кресты“ и затѣмъ съ помощью „грузилокъ“ (двоерогія палки) все это одавляютъ на дно, и въ тоже время на „кресты“ опускаютъ „пожоги“—крупные дикіе камни, накаленные въ печи до-красна; подъ ихъ тяжестью „кита“ не можетъ всплыть; жаръ ихъ на-столько силенъ что брага очень скоро закипаетъ, хотя при этомъ пожоги стараются класть въ чанъ „потолику“—по-немногу, чтобы брага „не сбѣгла“. Послѣдняя кипитъ ключемъ, и пѣнится; а когда „ключь уходиться“, можно пускать „сусло“. Тогда слегка раскачиваютъ „стырь“: у него на четыряхъ граняхъ бороздки и столько же на днѣ чана, по нимъ сусло сбѣгаетъ медленно безъ гущи въ подставленное подъ чаномъ корыто. Затѣмъ сусло разливаютъ по разнымъ „посудинамъ“; а когда остынетъ, стаскиваютъ въ чаны, помѣщаемые въ „ямахъ“ (погребушки).

Въ тоже время заготовляютъ „приголовокъ“. Извѣстное количество студенаго сусла съ положеннымъ числомъ фунтовъ хмеля (на 1 пудъ муки—1 фунтъ хмеля) перепарятъ въ мѣдникѣ или котлѣ и заквасятъ дрожжами; а когда „приголовокъ“ засолодѣетъ „размолаживаютъ“ свѣжимъ сусломъ до извѣстнаго предѣла и со всѣмъ его „гнѣздомъ“ опускаютъ частями по всѣмъ чанамъ, куда было слито вторично все сусло перепаренное съ хмелемъ. По желанію подливаютъ медъ, водку.

Сусло для „корчажнаго“ пива варится въ „корчагѣ“ (глин. горшокъ) изъ однихъ квасниковъ и солода, завариваемыхъ кипяткомъ; брага съ корчагой держится извѣстное время въ печи; на утро разбавляется кипяткомъ и также садится на „стырь“ при помощи соломеннаго кольца и „китки“, вводимыхъ внутрь корчаги. Сусло получается слаще, гуще и чернѣе.

Варятъ пива „травяныя". Сусло корчажное или чанное перепаривается безъ хмеля съ сборомъ медоносныхъ и пахучихъ травъ (Богородская малая—Thymus serpyllum, Васильки и др. См. А. Макаренко: „Матеріалы по народ. медицинѣ" Ужурской в., Ачин. ок., Енисейской губ., съ прил. „Сборника народномедицин. средствъ", отд. IV, стр. 410, журн. „Живая Старина" за 1896—1897 гг.).

Приложеніе IV.

Котелъ, деревянная посуда и прочія принадлежности бывшаго варенія кануна въ д. Сполошной (стр. 189).

Котелъ мѣдный: высота 46 снт., діамевръ 75 вѣсъ 2 пуда; уши желѣзныя, крючья, служащіе для подвѣшиванія котла, тоже желѣзные. Пріобрѣтенъ отъ сельскаго общества д. Сполошинской.

„Кита", „кйтка"—снопикъ ржаной соломы, колосья которой заломлены внутрь и перевязаны веревочкой, въ видѣ крутой головки: „кита" надѣвается головкой на „стырь" пивного чана, сверхъ соломеннаго же кольца, и разламывается комельками круглымъ вѣеромъ, удерживаемымъ въ такомъ положеніи „крестами"; погружается „грузилками" въ хлѣбную брагу, содержащуюся въ чанѣ; кромѣ того „кита" придавливается еще „пожогами". Въ общемъ „кита" имѣетъ, въ процессѣ деревенскаго пивоваренія, значеніе фильтра.

„Кресты" изъ сосновыхъ узкихъ драничекъ, связанныхъ веревочками, въ видѣ равнобедренныхъ треугольниковъ.

„Грузилка"—березовая палка съ короткими развилинками на одномъ концѣ; длина 1,30 метр. Употребляется для погруженія „киты" съ „крестами".

Веселка сосновая, длиною въ 1,17 метра—употребляется для помѣшиванія пивного затора.

„Пожоги"—камни: накаливъ на огнѣ докрасна, ими кипятятъ воду или пивную брагу въ какой-либо деревянной посудѣ.

Черпакъ березовый съ овальнымъ вмѣстилищемъ и съ прямой, крючкомъ приподнятой кверху ручкой (дл. 35 снт.). Старинный образецъ; купленъ при котлѣ.

Черпакъ березовый съ плоскимъ дномъ и ручкой съ крючкомъ, приподнятой кверху (дл. 19 снт.). Старинный образецъ, купленъ при котлѣ.

Скобкарь—большихъ размѣровъ березовая чаша съ двумя ручками: на одной изображена голова гуся, на другой —

подобіе хвоста. Въ этой чашѣ, по словамъ сплошинскихъ крестьянъ, подавался прихожанамъ „канунъ". Старинный образецъ, тожественный съ скобкарями сѣверо-восточной полосы Европ. Россіи. Занесеніе этого сосуда оттуда весьма вѣроятно. Мѣстные жители назвали его просто „чаша".

Братина—деревянная чаша малаго размѣра съ ручкой, изображающей голову утки (мордочка удлиненная, горбоносая). Изъ этой „чаши" прихожане пили „канунъ". Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія.

Ковшъ деревянный, большой емкости (діам. 27 снт.), на плоскомъ донышкѣ, съ прямой короткой ручкой (дл. 21 снт.) и небольшимъ язычкомъ на противоположной сторонѣ круглаго вѣнчика. Имъ разливался „канунъ" по разнымъ посудамъ. Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія, названа—„поваренка".

Ковшикъ малаго размѣра, изъ березовой щетки, съ язычкообразной маленькой ручкой, сверху покрытый политурой—служилъ для питья „кануна". Экземпляръ старинный, не мѣстнаго происхожденія. Работа чистая.

Ковшикъ изъ березовой щетки, малаго размѣра, съ короткой язычковидной ручкой. Работа не совсѣмъ чистая; возможно, что дѣлался на мѣстѣ. Служилъ для питья „кануна".

Тарелочка деревянная, круглая (діам. 18 снт.), выточенная, глубокая—служила въ дни „кануна" для сбора „грошиковъ" (обычное подаянье пившихъ канунъ).

Тарелочка деревянная, выточенная, круглая (діам. 18 снт.), мелкая,—служила для сбора „грошиковъ" (мелкія монетки) за питье „кануна".

Оловянныя тарелочки (діаметръ одной 22,$_5$ снт., другой—18 снт.), употреблявшіяся при сборѣ „грошиковъ" на часовню, на „свѣчи Егорью" и т. п.

Шайки деревянныя, одноручныя, названныя „ведрами", имѣющія на ручкахъ вырѣзные иниціалы. Относятся къ числу посуды, употреблявшейся при варкѣ „кануна".

Ларецъ сосновый, въ формѣ лежачей конторки, съ откидной покатой крышкой, на желѣзныхъ шарнирахъ, окованный желѣзными полосами и съ двумя, на бокахъ, желѣзными ручками. Служилъ при часовнѣ, вѣроятно, для храненія свѣчей и денегъ. (Списки коллекцій Этнографич. Отдѣла Русск. Муз. Имп. Алекс. III, № 575).

А. М.

Среди нищей братьи.

Богомольцы, посѣщающіе Кіево-Печерскую Лавру, направляясь отъ главнаго собора къ Дальнимъ пещерамъ, должны пройти длинные ряды нищихъ, которые образуютъ собою настоящую viam dolorosam—дорогу скорби. Обиліе нищихъ по русскимъ монастырямъ — явленіе давнее, повсемѣстное. Кіево-Печерская Лавра не исключеніе; нищихъ въ ней даже больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ для богомолья. Ни одна русская святыня не посѣщается въ такомъ большомъ количествѣ богомольцами, какъ Печерская Лавра, и естественно, что сюда привлекается за подаяніемъ болѣе всего нищей братіи, какъ изъ ближайшихъ мѣстъ и окрестностей Кіева, такъ и изъ другихъ губерній Россіи. Главнымъ образомъ лаврскіе нищіе являются изъ приднѣпровскихъ губерній, такъ какъ калѣкамъ и больнымъ очень удобно передвигаться по воднымъ путямъ.

На лаврской via dolorosa можно видѣть всевозможные случаи человѣческихъ увѣчій и уродствъ. Тутъ и природныя уродства, и послѣдствія несчастныхъ случаевъ, и результаты страшной болѣзни, грызущей живого человѣка. Безрукіе и безногіе сравнительно мало обращаютъ на себя вниманіе и въ пищенской борьбѣ за существованіе отстаютъ: богомолецъ часто проходитъ мимо нихъ, не раскошеливаясь. Но чѣмъ больше уродство человѣка, чѣмъ онъ ужаснѣе на видъ, чѣмъ больше бьютъ по нервамъ язвы, тѣмъ болѣе выигрываетъ обладатель ихъ на этой аренѣ борьбы между обездоленными жизнью людьми.

Богатая Лавра, собирающая дань рѣшительно со всѣхъ концовъ Руси, нищелюбіемъ и щедростью не отличается. На ночь нищіе должны оставлять стѣны монастыря, да и днемъ они не пользуются ничѣмъ со стороны монаховъ. Въ Лаврѣ есть безплатная столовая, но только для богомольцевъ, причемъ обычно въ столовую пускаютъ только людей безъ узловъ и какой-либо другой поклажи, которую необходимо оставлять въ гостин-

ницѣ за 15 копѣекъ. А такъ какъ изъ-за воровства на дворѣ ничего нельзя оставить, то волей-неволей приходится отдавать свои вещи на храненіе въ монастырскую гостинницу. Такимъ образомъ, по виду безплатные обѣды на самомъ дѣлѣ обходятся совсѣмъ недешево.

Но богомольцы крестьяне, хотя ихъ кошели и очень оскудѣваютъ во время пребыванія въ Лаврѣ отъ всѣхъ ея соблазновъ: пузырьковъ со свяченою водою, кусочковъ ладона и всевозможныхъ религіозныхъ амулетовъ, которые такъ манятъ простой народъ,—все же не забываютъ и нищую братію. Достойно даже примѣчанія то, что нищіе, главнымъ образомъ, питаются крестьянскими грошами. Городскіе жители, пріѣхавшіе на богомолье, отличаются меньшею щедростью, а интеллигентные посѣтители Лавры совсѣмъ не подаютъ нищимъ. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ нищій не уходитъ или не выползаетъ изъ Лавры безъ подаянія, которое колеблется ежедневно отъ 20 до 50 копѣекъ. Разсказывали мнѣ сами нищіе, что наиболѣе увѣчные собираютъ до пяти рублей въ день, но этому трудно вѣрится.

Живя прошедшимъ лѣтомъ вблизи Лавры, я часто обходилъ ряды нищихъ и заговаривалъ съ ними, чтобы узнать ихъ настроеніе и мысли о себѣ и своей судьбѣ. Это намѣреніе, однако, не всегда кончалось удачно. Часто вопросы встрѣчали уклончивые и недружелюбные отвѣты, а иногда прямо нежеланіе разговаривать. И замѣчательно то, что болѣе недружелюбно, иногда враждебно встрѣчали меня нищіе, менѣе всего страдающіе и даже совсѣмъ здоровые. Очевидно, среди нихъ были люди, которые и могли что-либо дѣлать, но, вслѣдствіе какого-нибудь незначительнаго физическаго недостатка, отлынивали отъ дѣла и предпочитали перебиваться милостынею. Совсѣмъ злобное отношеніе я встрѣтилъ со стороны женщинъ, вѣроятно по той же причинѣ: женщинъ—бездѣльницъ и обманщицъ среди нищихъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчинъ. При томъ большинство женщинъ-нищихъ—пьяницы.

Но среди многихъ мужчинъ-нищихъ я встрѣчалъ самое радушное отношеніе, и они цѣнили не только мои копѣйки, но и самое доброе слово, съ которымъ я обращался къ нимъ. Проходя какъ-то по via dolorosa, я разговорился съ однимъ калѣкою, у котораго ноги, какъ веревка, были скручены въ узелъ,—ужасная, безжалостная игра природы. Нищій говорилъ со всѣми типическими оттѣнками бѣлорусскаго говора и оказался изъ Могилевской губерніи. Я сталъ разспрашивать его о житьѣ-бытьѣ, и онъ повѣдалъ мнѣ всѣ нищенскія скорби.

— „Вѣрно послѣднія времена наступаютъ, говорилъ онъ. Вотъ сказывается въ Евангеліи, что нищихъ за имя Христово будутъ мучить всяческими муками и карами. Можетъ, не мы, а, можетъ, и мы будемъ, когда это положеніе объявится. Да ужъ оно и близко. Недавно вотъ тоже идетъ господинъ, какъ вы, съ палкою. А я у него попросилъ милостыни ради Христа. Онъ ничего не далъ, да еще палкою на меня замахнулся, разсердился. Я себѣ и думаю: вѣдь это онъ не меня отгоняетъ палкою, а Христово имя".

— Да, можетъ, онъ нехрещеный какой, — замѣтилъ его сосѣдъ.

— „Какъ нехрещеный! Хрещеный! Зачѣмъ бы онъ въ Лавру пошелъ, если бы не хрещеный былъ. Вотъ монахи тоже хрещеные, это извѣстно. И даже отцы. А развѣ они лучше? За что, скажи, они меня десять лѣтъ назадъ изъ кухни выгнали? сдается, я у нихъ ни украду, ни худа имъ не сдѣлаю. Гдѣ мнѣ! А выгнали. Эхъ! злость на меня тогда противъ монаховъ напала; хотѣлъ было проклянуть ихъ, да Господь не допустилъ до страшнаго грѣха. Христосъ, думаю, вонъ какое дѣло дѣлалъ, да и то пострадалъ. А я что? Кому я такой нуженъ? Такъ что жъ я такъ себя ставлю, что меня и обидѣть нельзя? Такъ и отлегло отъ сердца, и успокоился. А только времена наступятъ страшныя. Былъ тутъ странникъ и говорилъ онъ про то, что въ концѣ Библіи написано: будетъ время, и скажутъ паны, попы и купцы: „Не надо намъ нищихъ. Давай ихъ утопимъ или убьемъ всѣхъ до одного". И захотятъ они насъ утопить или убить. Можетъ, это не съ нами еще будетъ, а будетъ непремѣнно. Да вотъ, найдется одинъ человѣкъ; можетъ быть, онъ будетъ царь какой заморскій. И скажетъ онъ нашему царю, не теперешнему, а другому царю, какой тогда будетъ въ нашемъ царствѣ: продай мнѣ нищихъ со всего твоего царства. Ну что жъ? Онъ продастъ всѣхъ нищихъ, ему нипочемъ. И соберутъ ихъ, и отправятъ въ другую землю къ тому самому царю, что купитъ ихъ. А въ Россейской землѣ не будетъ совсѣмъ нищихъ. И станутъ тогда паны, попы да купцы весело жить и радоваться, что нѣту въ ихней землѣ нищихъ, и не надо объ нихъ заботу имѣть и давать имъ милостыню. Начнутъ они пить и гулять. И такъ будутъ пить они долго, пока не наступитъ голодъ въ Русской землѣ. Всѣ тогда начнутъ убиваться, а отчего голодъ, не знать-то. Тогда вотъ, можетъ, имъ кто разскажетъ объ насъ, а, можетъ, они сами вспомнятъ, только скажутъ паны, попы и купцы: „а гдѣ наши нищенки? Отчего мы имъ милостыню

не подаемъ? Отчего отъ нихъ за здравіе не слышимъ, отчего они сродниковъ нашихъ не поминаютъ. Вѣрно, оттого у насъ неурожай по всей землѣ". Вспомнятъ они, что продали нищихъ въ другую землю, захотятъ поворотить ихъ назадъ. Да поздно ужъ это будетъ. Возьметъ Господь Іисусъ Христосъ нищихъ до себе на небо и пріидетъ самъ на землю со ангелы небесными. Про это вотъ странникъ сказывалъ".

Эта нищенская легенда, созданная на via dolorosa, поощрила меня искать плоды литературнаго творчества нищихъ, и я сталъ разспрашивать ихъ про тѣ причитанія, которыми обыкновенно нищіе по ярмаркамъ и базарамъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе среди гула и говора торгующей и покупающей толпы. Мнѣ хотѣлось записать преимущественно украинскія причитанія, которыхъ я совсѣмъ не встрѣчалъ въ этнографической литературѣ. Даже въ „Каликахъ перехожихъ" Безсонова нѣтъ украинскихъ нищенскихъ причитаній, да и великорусскихъ съ бѣлорусскими тамъ очень мало.

На мою просьбу „проказаты" мнѣ причитаніе одинъ нищій малороссъ отвѣчалъ: „Я не вмію такъ. Я тильвы трохы вмію: дайте рады Хрыста, та й годи. То слипы жинкы „прозьбують", а мы просымо. У йихъ голосъ делыхатный, тонкый, такъ йимъ и подходяще, а у насъ голосъ товстый: ничого не выходыть". Но это не совсѣмъ вѣрно; правда, „прозьбують" больше женщины и при томъ слѣпыя, но встрѣчаются причитанія и среди мужчинъ. Мнѣ удалось записать два нищенскихъ причитанія, изъ которыхъ одно было записано отъ слѣпца, а другое отъ слѣпой женщины. Первое причитаніе идетъ изъ Екатеринославской губерніи, и записалъ я его на пароходѣ, слѣдуя по пятамъ за нищимъ, обходившимъ третьеклассную публику. Обычно нищій имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторый запасъ стиховъ, который онъ, доведя до конца, начинаетъ сначала, при чемъ причитаніе прерывается молитвами за подающихъ. Вотъ это причитаніе:

Дайте мени, господа мылосердныи,
Хочъ одну копіечку.
Та зробыть мени, таточку,
Хочъ маленькее мылосердя,
Що я божого свита не выдаю,
Та черезъ чужыи очы по свиту скытаюсь.
Та я жъ не можу заробыты,
Та я жъ не можу заслужыты.
Да лучче мени, мій батечку, та не жыты,

Нижъ мени на свити, на земли
За чужымы оченьками,
Та чужымы копійкамы
Тужыты.
Дайте жъ мени, господа мылосердныи,
Хочъ маленькый хлиба кусочокъ,
Да Господь запышытъ вашы дары во святыхъ
канонàхъ.

Записавъ это „прозьбуванне", я вспомнилъ что-то читанное мною, и, обратившись къ „Калѣкамъ перехожимъ" Безсонова, нашелъ почти подобное же сербское нищенское причитаніе, перепечатанное изъ Вука Караджича:

Даруйте ме, мила братё,
Так' овако не гледали!
Слепа чеда не имали
Ни у дому, ни у роду,
И у свет га не спремили,
Како мене моя майка,
Што е у свет оправила
У незнану тудю землю
А за туђим очицама...
Мене воде туде очи,
Мене ране ваше руке,
Ваше руке, тешке муке.

(Безсоновъ, I, 29).

Такъ одинаковыя условія создали одинаковое настроеніе и почти одни и тѣ же слова причитанія.

Другое причитаніе женское было записано мною въ Кіевѣ на базарѣ. Несмотря на весьма неудобную обстановку для записыванія, стоя въ толкотнѣ и приводя въ недоумѣніе ближайшихъ торговцевъ, я нѣсколько разъ прослушалъ это причитаніе и провѣрилъ его съ точностью.

Дайте, моя паниматеньку,
Дайте, моя выноградоньку,
Дайте мылостыньку, моя матинко,
И возмылуйтесь;
Дайте мылостыньку, моя матинко,
И возжалуйтесь.
Дайте копіечку, моя матинко,
На мое горькое содиваніе.

Дайте копієчку, моя матинко,
На мое слезное собуваніе.
Дайте копієчку, моя матинко,
А щобъ я мыру божому не докучала;
Дайте копієчку, моя матинко,
А щобъ я дорижечкы—стежечкы не зосидала.
Дайте копієчку, моя матинко,
А щобъ я до вашыхъ слидочкивъ не прыпадала.
Дайте копієчку, моя матинко,
А щобъ я голивонькы моій матинкы не клопотала,
А і у васъ бы копієчкы не прохала.
А що мы моій матинкы
Просымо-перепросымо,
Що мы по чужому слидочку ходымо.
Дайте копієчку, моя матинко,
А на стежечкы, моя матинко, указаніе,
На дорижечкы, мій татоньку, провожданіе.
А якъ бы я, моя матинко, очы мала,
Краще бъ, моя матинко, тотъ свитъ выдала.
Дайте копієчку, моя матинко,
За свое здоровье благословеніе.
Дайте копієчку, моя матинко,
За упокой своихъ родытеливъ,
Не мынайте.
Рады денечка божественного,
Рады Господа мылосердного,
Рады царьствія небесного.
А возмылуйтесь, мій татоньку,
А возмылуйтесь, мій батеньку,
Надъ нامы,
Якъ Господь мылосердный надъ вамы.
Надъ нищимы, моя матинко,
Нищетою,
А надъ темнымы, моя матинко,
Темнотою,
А надъ нищею, моя матинко,
Каликою.
А вы отець, мій татоньку,
А надъ дитками надъ своимы.
Дайте мени копієчку,
Розризныте;

Отця—свою матинку
Прыпомяныте.
Хто отця—свою матинку
Прыпомынае,
Тому Господь мылосердный посылае.
А хто нищетонькы не мынае,
Тому Господь мылосердный посылае.
А мыни, моя матинко, свитъ замурованій,
А тымы двиречкамы свитъ запрытвореній.
Я жъ не бачу сонця праведного,
Я не бачу свита божого.
Я не бачу, моя матинко,
Якъ хмарна годына наступае;
Я жъ не бачу, моя матинко,
Якъ темна ниченка сумеркае;
Я жъ не бачу, моя матинко,
Якъ свитъ просвитае.
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заробыты;
Я не бачу, моя матинко,
Пойты заслужиты.
Ой горенько, моя матинко,
Та й неволенька,
А безъ вичочокъ прожываты,
А свита Божого не выдаты.
Дайте мыни копіечку,
Дайте мылостыньку
И возмылуйтесь,
Дайте мылостыньку
И возжалуйтесь.

В. Даниловъ.

Очерки Бѣлоруссіи.

III. Ловля вьюновъ.

„Вьюнуо̂ў ни пу̂ой, ни карми́, ту̂ольки ў̂ кошыкъ беры. На чо́рта-бъ, здае́тца, та́я гразь, да тамъ вьюнъ и кара́сь. Усе людзямъ на карысь (корысть)“.

Изъ бѣлорусскихъ прислові́й.

Говорятъ, что Россія страна земледѣльческая. Такое положеніе непримѣнимо къ огромной мѣстности, лежащей широкой полосой вдоль рѣки Припети по лѣвымъ ея притокамъ. Песчаная и болотистая почва этого края не годна для земледѣлія. И хотя здѣсь жители обрабатываютъ поля и много затрачиваютъ труда на веденіе сельскаго хозяйства, но хлѣба родится такъ мало, что его не достаетъ даже до декабря. Это вынуждаетъ мѣстныхъ жителей различными промыслами снискивать средства къ существованію. Сюда относятся: скотоводство, рыболовство, звѣроловство, пчеловодство, собираніе грибовъ и ягодъ, лѣсной промыселъ и др.

Въ этой части Бѣлоруссіи большое подспорье въ хозяйствѣ даетъ особенный, свойственный только данной мѣстности промыселъ, — это ловля вьюновъ (родъ небольшого угра, длиною 15—20 снт.). Множество топкихъ торфяныхъ болотъ, грязныхъ озеръ и гнилыхъ рѣчекъ благопріятствуетъ изобилію здѣсь вьюновъ, живущихъ въ тинѣ. Вьюновъ ловятъ во всякое время года, но особенно богатый уловъ бываетъ лѣтомъ, когда нѣсколько подсохнутъ болота, и вьюны соберутся въ болѣе глубокія мѣста въ озера и въ такъ называемые „вы́жары“ (углубленія среди болотъ, наполненныя тиной), и зимою, когда вода покроется льдомъ, и вьюны собираются въ незамерзшія „прѣлыя“ мѣста. Въ этихъ мѣстахъ ихъ бываетъ такое множество, что можно ловить руками, безъ особыхъ приспособленій. Зимою на озерахъ

или „выжарахъ“ въ незамерзшей „продушинѣ“ (полынья) или, прорубая ледъ, ставятъ особое рѣшето и покрываютъ его вишарникомъ [1]) или навозомъ, чтобы вода не замерзала. Рѣшето это устраиваютъ слѣдующимъ образомъ: дно обечайки отъ рѣшета обшивается холстомъ такъ, что представляетъ конусъ, доходящій почти до половины обечайки. Въ вершину конуса вставляется трубочка изъ бересты въ 10 снт. длиною, 3 снт. въ діаметрѣ. Вьюны ищутъ продушины, пролѣзаютъ сквозь трубочку въ рѣшето и остаются въ немъ, ибо не могутъ попасть обратно въ трубочку.

Одинъ промышленникъ ставитъ нѣсколько такихъ снарядовъ и, переходя отъ одного къ другому, выбрасываетъ вьюновъ на ледъ. Лѣтомъ ловля вьюновъ производится „сачкóмъ“. Это небольшая конусообразная, съ одной плоской стороной, корзина изъ прутиковъ; высота 70—100 снт., діаметръ основанія 50—70 снт.; къ основанію придѣлана вилообразная ручка (длина 150—200 снт.). На челнокѣ пробираются въ озеро или „выжаръ“, опускаютъ „сакъ“ плоской стороной внизъ и погружаютъ его въ тину. Тутъ рыбакъ, поддерживая одной ногой „сакъ“, другой оставаясь въ челнокѣ, хлопаетъ весломъ предъ отверстіемъ „сака“, чтобы загнать вьюновъ, потомъ быстро за ручку приподнимаетъ и выбрасываетъ вьюновъ въ челнокъ. Такія манипуляціи продѣлываетъ рыбакъ до тѣхъ поръ, пока челнокъ наполнится вьюнами. Тутъ остается только доставить вьюновъ на берегъ. Но это самое трудное дѣло, такъ какъ по тинѣ челнокъ еле подвигается, а до сухого мѣста не близко. Вотъ почему обыкновенно для ловли вьюновъ отправляются въ далекія озера недѣли на двѣ; избираютъ гдѣ-нибудь среди озеръ возвышенный берегъ для стоянки и отсюда отправляются на ловлю. Вечеромъ разводятъ костеръ, по сторонамъ котораго вбиваютъ въ землю „субшки“ (столбики) и кладутъ на нихъ жердочки. Вьюновъ нанизываютъ головками на прутики (длина 50—60 снт.) вплотную и цѣпляютъ эти „мётки“ на жердочки надъ жаромъ. Вьюны поджариваются, а потомъ засушиваются на солнцѣ. Шестьдесятъ „мётокъ“ составляютъ „кóпу“, а шестьдесятъ „копъ“—„тростъ“.

Каждый хорошій рыбакъ до тѣхъ поръ не возвращается домой, пока не заготовитъ „троста“ вьюновъ. Не легкая это работа: цѣлый день стоитъ на одной ногѣ въ зыбкомъ челнокѣ, рискуя каждую минуту свалиться въ тину, питается только

[1]) Вишарникъ, вишъ или ветошь—скошенная по льду трава.

одними вьюнами, спитъ на голой землѣ подъ открытымъ небомъ во всякую погоду, а тутъ миріады комаровъ и мошекъ сосутъ кровь, забираются въ носъ, глаза, уши и причиняютъ нестерпимыя мученія. Только огрубѣвшая кожа полѣшука въ состояніи отчасти защитить отъ смертельныхъ страданій.

Но всѣ эти трудности переносятся безропотно, ибо несчастные обитатели этихъ мѣстъ не видятъ лучшей жизни. Дика и безжалостна полѣсская природа; она не балуетъ своихъ дѣтей. Съ другой стороны нужда гонитъ человѣка въ тяжелыя условія и заставляетъ преодолѣвать всевозможныя трудности.

Когда вьюны на „мётках" просохнутъ, ихъ на челнокахъ перевозятъ домой. Здѣсь часть для своего употребленія снимаютъ съ „мётокъ" и складываютъ въ „урѣзки" (разрѣзанныя пополамъ бочки), пересыпаютъ солью и закрываютъ деревяннымъ кругомъ. Лучшій, болѣе крупный сортъ вьюновъ идетъ въ продажу. Обыкновенно полѣшуки вывозятъ вьюновъ въ полевыя мѣста и тамъ обмѣниваютъ ихъ на хлѣбъ, ленъ, коноплю и т. п. продукты домашняго обихода или продаютъ по 2—5 коп. за „мётку". Въ зимнее время вьюновъ сушатъ въ вытопленной печи на соломѣ. Этотъ сортъ вьюновъ дешевле цѣнится и больше идетъ для своего употребленія. Вьюны мѣстными жителями употребляются въ пищу въ разныхъ видахъ. Свѣжіе вьюны поджариваются на сковородѣ и подаются гостямъ, какъ лакомое блюдо. Въ сухомъ видѣ ихъ ѣдятъ, посыпая солью. Въ вареномъ видѣ вьюны кладутся въ борщъ, щи, супъ, кашу и т. п. Вообще въ полѣсской части Бѣлоруссіи вьюны составляютъ главнѣйшую часть пищи.

Бываютъ мокрые годы: рѣчки и озера выходятъ изъ береговъ, и вода разливается по болотамъ, тогда вьюны расходятся въ разныя мѣста и не поддаются улову. Такіе годы—истинное бѣдствіе для полѣшука. Болота, которыя даютъ почти всѣ средства къ жизни простолюдина, при обиліи дождей превращаются въ сплошныя озера, на которыхъ разгуливаютъ стаи дикихъ утокъ и другихъ водяныхъ и голенастыхъ птицъ. Трава погибаетъ не скошенной; вьюны и другія рыбы расходятся по всему болоту; ни скоту, ни человѣку не пробраться черезъ топкія торфяныя мѣста; полѣсье буквально отрѣзывается отъ всего остального міра—тогда полѣшуки сильно голодаютъ. Разсказываютъ, что послѣ одного такого мокраго лѣта крестьяне сами питались дикими яблоками, грушами, желудями и даже пыреемъ, а скотъ всю зиму пасли по лѣсамъ.

IV. Талака̀.

Въ Толковомъ Словарѣ живого великорусскаго языка В. Даля подъ словомъ „помо̀чь“ между прочимъ сказано: „по̀мочь сѣв. и вост. толо̀ка южн., работа міромъ, за угощенье“. Толо̀ка или, какъ произносятъ бѣлоруссы, талака̀, т. е. помощь міромъ въ исполненіи большого или тяжелаго дѣла, не посильнаго одному семейству, въ полѣсской части Бѣлоруссіи до послѣдняго времени примѣняется очень часто въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Признакъ угощенія при работахъ талакою не можетъ считаться существеннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ мѣсто только въ такихъ случаяхъ, когда талаку собираютъ помѣщики, священники, волостные писаря и т. п. лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ. Талака́— древній народный обычай. Онъ распространенъ по всей Бѣлоруссіи. Въ крестьянскомъ быту талака, какъ и всякая другая помощь, обходится безъ угощенія. Нерѣдко міромъ исполняются большія работы лишь за словесную благодарность. Бѣлоруссъ отличается добротой и состраданіемъ; у него мягкій, покладистый характеръ. Этими качествами народнаго характера и существующимъ обычаемъ безвозмездной помощи при большихъ и трудныхъ работахъ воспользовались „паны“ съ корыстной цѣлью и устраиваютъ талаку за угощеніе водкой. Здѣсь, какъ и всюду на Руси, простолюдины имѣютъ склонность къ вину. Зная эту народную слабость, „паны“ довольно часто собираютъ талаку въ такихъ случаяхъ, когда почему-либо нельзя нанять рабочихъ или не желательно платить за работу большія деньги, тогда какъ угощеніе участниковъ талаки обходится гораздо дешевле. Но это уже исковерканый „панами“ прекрасный обычай помогать другъ другу въ несчастіи или при выполненіи трудныхъ и непосильныхъ работъ. Здѣсь довольно низкія корыстныя цѣли, тогда какъ въ народномъ быту талака имѣетъ основанія и задачи болѣе высокаго нравственнаго и соціальнаго порядка. Сюда относятся работы по устройству жилищъ, плотинъ, „езовъ“ (перегородки рѣки для ловли рыбы), колодцевъ и т. п. До послѣдняго времени талака въ своемъ чистомъ видѣ имѣетъ мѣсто, по преимуществу, въ такихъ случаяхъ, когда одной семьѣ не подъ силу справиться съ большой, тяжелой работой или стихійными бѣдствіями. Такъ, напримѣръ, пожаромъ или наводненіемъ уничтожены постройки или другія хозяйственныя сооруженія; одна семья безсильна, и она прибѣ-

гаетъ къ общественной помощи. Главные работники въ семьѣ подверглись тяжелой и продолжительной болѣзни и не могли убрать своевременно сѣно или хлѣбъ—тутъ собираютъ талаку, которая безъ всякаго угощенія или платы производитъ необходимыя работы. Надо доставить тяжелые матеріалы для построекъ, или поднять ихъ на значительную высоту, а хозяинъ одинокій, бѣдный человѣкъ, у котораго и лошаденка-то еле передвигаетъ ноги—собираются сосѣди и талакою исполняютъ все, что нужно. Народный обычай требуетъ не отказываться отъ приглашенія на талаку. Кто уклоняется отъ помощи другимъ, тому и общество не поможетъ въ бѣдѣ. „Усіэ падъ Богомъ ходзимъ", говорятъ бѣлоруссы, а потому они строго соблюдаютъ этотъ обычай и идутъ на талаку даже къ зажиточнымъ односельчанамъ, которые могли бы нанять рабочихъ, не прибѣгая къ общественной помощи. „Нехай намъ Буогъ заплацицъ", говорятъ, когда богатые люди приглашаютъ на талаку, ссылаясь на бѣдность, и добавляютъ: „за непраўду ихъ Буогъ скараe".

Насколько въ Бѣлоруссіи распространенъ обычай собирать талаку, позволю себѣ привести нѣсколько бытовыхъ сценъ изъ этой области, которыя мнѣ пришлось лично наблюдать.

Въ бѣлорусскомъ Полѣсьѣ еще и въ настоящее время многія рѣчки дѣлятся крестьянами на участки, и находящаяся въ каждомъ изъ этихъ участковъ рыба считается собственностью отдѣльныхъ домохозяевъ. Участки отгораживаются „езами". Поперекъ черезъ рѣчку вбиваются на разстояніи одинъ отъ другого въ $^1/_2$ аршина длинные колья, выходящіе изъ воды на 2—3 аршина; колья привязываются къ горизонтальнымъ жердямъ, идущимъ отъ одного берега до другого. Между кольями плотно набивается фашинникъ, и „езъ" готовъ. Это настоящая запруда, сильно задерживающая теченіе воды. Чтобы напоръ воды не опрокинулъ „еза", его укрѣпляютъ противъ теченія подпорками изъ крѣпкихъ бревенъ. Въ продѣланныя отверстія еза вставляются коши, жаки, венцера и т. п. рыболовные снаряды. Кромѣ прямого назначенія—ловли рыбы—езы служатъ мостиками для перехода черезъ рѣчки. Мѣстные жители обоего пола, всѣхъ возрастовъ, осторожно ступая на жердь или фашинникъ и ловко цѣпляясь обѣими руками за полусгнившіе колья, словно пауки за паутину, быстро перебираются черезъ рѣчки; иногда они совершаютъ такой переходъ даже съ тяжелой ношей за плечами. Жутко смотрѣть, когда иная женщина, съ положеннымъ въ колыбель за плечами груднымъ ребенкомъ,

идетъ по такому мосту. Подъ ногами шумитъ и клокочетъ вода, езъ шатается, колья трещатъ, а мать съ какимъ-то окаменѣлымъ, безстрастнымъ выраженіемъ на лицѣ медленно и плавно подвигается впередъ, продѣлывая руками какіе-то магическіе пасcы. Страшно. Невольно думается, что вотъ-вотъ одинъ невѣрный шагъ, или неловкое движеніе руки и несчастная женщина вмѣстѣ съ ребенкомъ ринется въ омутъ. Дѣйствительно, несчастные случаи здѣсь нерѣдки. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ на Полѣсье, кажется въ 1894 году, въ д. Чудинѣ, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, одна женщина свалилась съ еза вмѣстѣ съ годовымъ ребенкомъ; къ счастью быстрымъ теченіемъ ее отнесло къ торчащему изъ воды колу изъ стараго езовища. Бѣдняжка около часа держалась на водѣ, ухватившись одной рукой за колъ, а другой поддерживая ребенка, пока случайные рыбаки подоспѣли на помощь. Мощный напоръ воды довольно часто опрокидываетъ такіе езы. Для исправленія разрушеннаго еза и для возведенія новаго сплошь и рядомъ созывается талака, такъ какъ одна семья не можетъ справиться съ теченіемъ рѣки. Но особенно характерна талака, имѣющая цѣлью оказать помощь хозяину, пострадавшему отъ пожара или наводненія, когда требуется возвести новыя жилыя или служебныя постройки. Въ такихъ случаяхъ на талаку являются всѣ, кто чѣмъ можетъ оказать помощь: мужчины— одни пѣшіе съ топорами, пилами и другими плотничьими инструментами—другіе на лошадяхъ или волахъ для вывозки бревенъ и прочихъ строительныхъ матеріаловъ, женщины и даже подростки для копанія глины, изготовленія кирпичей, заготовки моха и т. п. Кромѣ личнаго труда нерѣдко участники талаки приносятъ съ собою по „кулю“ (снопъ) соломы или „чаратў“ (болотное растеніе изъ породы тростника или камыша), по нѣскольку кирпичей или другихъ строительныхъ матеріаловъ. Тутъ нѣкоторые, кромѣ физическаго труда, оказываютъ помощь своими строительными способностями и указаніями. Само собою разумѣется, что при такихъ обстоятельствахъ, когда на талаку собирается вся деревня, не можетъ быть и рѣчи объ угощеніи въ томъ или иномъ видѣ. Вечеромъ или по окончаніи работъ хозяинъ благодаритъ принявшихъ участіе въ талакѣ, говоря: „дзя́куй вамъ! нехай вамъ Буогъ заплацицъ за турба́цу!“ Этимъ и оканчивается талака. Бываютъ случаи, когда талака служитъ своего рода спортомъ. Тутъ собираются лучшіе работники или работницы и устраиваютъ своеобразныя состязанія въ ловкости и умѣніи трудиться. Конечно, такія состязанія могутъ быть

при разныхъ видахъ работъ, когда собирается много рабочихъ и есть предъ кѣмъ щегольнуть ловкостью или похвастать силой и умѣніемъ. На талакѣ какъ нельзя болѣе состязанія достигаютъ своей цѣли, а потому чаще практикуются. Вотъ, почему-либо, приглашаютъ на талаку для кошенія травы. Косцы берутъ лучшія косы, долго клеплютъ ихъ и оттачиваютъ, а потомъ принимаются за косьбу въ перегонку. Сначала косцы выступаютъ стройной шеренгой и быстро подвигаются впередъ по діагонали. Скоро нѣкоторые изъ нихъ уходятъ впередъ, другіе же, обкошенные противниками, выбиваются изъ строя и занимаютъ мѣсто на правомъ флангѣ. Весело сверкаютъ на солнцѣ длинныя косы, трава ложится, словно по мановенію волшебнаго жезла, работа кипитъ, раздаются бодрящіе возгласы, крики одобренія и насмѣшливыя замѣчанія и остроты по адресу отставшихъ. Все это вызываетъ шутки, прибаутки, смѣхъ и создаетъ такое веселое, бодрое настроеніе, при которомъ продуктивность работы сильно повышается. Подобныя состязанія въ работѣ устраиваются и женщинами во время жатвы талакою. Тутъ нѣкоторыя, особенно взрослыя дѣвицы—невѣсты напрягаютъ всѣ усилья, чтобы заявить предъ міромъ о своей ловкости и трудоспособности. И слѣдуетъ замѣтить, что судьба бѣлорусской дѣвушки въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ того успѣха въ работѣ, какимъ она (дѣвушка) заявила себя во время талакъ. Аналогичныя состязанія ведутся при разнообразныхъ работахъ, которыя производятся талакою. Эти состязанія съ одной стороны возбуждаютъ бодрость и стараніе при безплатныхъ работахъ и тѣмъ увеличиваютъ продуктивность труда, съ другой стороны понуждаютъ лѣнивыхъ и пріучаютъ ихъ добросовѣстно относиться ко всякому дѣлу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ состязанія принимаютъ довольно уродливыя и даже опасныя формы. Такъ, напримѣръ, иногда поднимаются споры о томъ, кто изъ присутствующихъ сильнѣе. Споры оканчиваются состязаніями, которыя сплошь и рядомъ влекутъ за собою несчастные случаи: одинъ подниметъ чрезмѣрную тяжесть и тѣмъ разстроитъ свое здоровье, другой при малѣйшей неловкости подвергаетъ себя большой опасности и т. п. Тутъ обыкновенно присутствующіе устраиваютъ пари: кто побѣдитъ, тотъ получаетъ призъ, а кто останется побѣжденнымъ, тотъ платитъ этотъ призъ или угощаетъ всю компанію водкой. Въ с. Комаровичахъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи жилъ лично мнѣ извѣстный плотникъ—бочаръ, котораго называли Янкомъ Бондаромъ. Онъ отличался такою ловкостью, что много

разъ бралъ самые рискованные призы. Янко Бондаръ по виду самый обыкновенный безсильный и неуклюжій полѣшукъ, а на самомъ дѣлѣ въ немъ скрывалась большая физическая сила и необыкновенная ловкость. Такъ, одинъ разъ на талакѣ, при вывозкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, для построекъ крестьяне заспорили, кто подниметъ наибольшую тяжесть. Янко влѣзъ подъ лошадь, понатужился и понесъ ее на плечахъ, за что̀ получилъ гарнецъ водки, которую онъ очень любилъ пить. Дальше онъ много разъ продѣлывалъ такіе примѣры ловкости: обыкновенно беретъ три топора и бросаетъ ихъ по одиночкѣ по направленію сосны на разстояніи 10 шаговъ. Топоръ дѣлаетъ въ воздухѣ нѣсколько оборотовъ и вбивается въ сосну съ такою силой, что Янко по этимъ топорамъ взбирается на сосну, какъ по лѣстницѣ. Но самый опасный примѣръ ловкости Янкомъ продѣлывался много разъ такимъ образомъ: вотъ онъ кладетъ на бревно лѣвую руку съ растопыренными пальцами ладонью внизъ, а въ правую руку беретъ большой и тяжелый топоръ и со всего размаха рубитъ бревно съ такимъ расчетомъ, чтобы лезвее топора поочередно попадало между пальцами. Только одинъ разъ такой пріемъ былъ неудаченъ для нашего гимнастера—топоръ задѣлъ безымянный палецъ и отхватилъ полоску кожи. Впрочемъ Янко повторилъ свой пріемъ и окончилъ его удачно, за что̀ присутствовавшимъ при этомъ помѣщикомъ былъ награжденъ ведромъ водки.

Само собою разумѣется, что подобныя состязанія и споры могутъ имѣть мѣсто не только при исполненіи работъ талакою, но и во всякое другое время. Но на талакѣ, когда собирается много работниковъ, когда индивидуальный трудъ на виду у всѣхъ, состязанія въ работѣ и т. п. стремленія личности заявить о себѣ, похвастать своею силой и ловкостью предъ товарищами, имѣютъ свое психологическое основаніе.

Талака въ Бѣлоруссіи сохранилась и до настоящаго времени, но къ ней теперь больше прибѣгаютъ лица, не принадлежащія къ крестьянской средѣ, съ чисто корыстными цѣлями. Къ такимъ „господамъ“ крестьяне идутъ на талаку по необходимости, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Не даромъ существуютъ пословицы—„Бога хвали й чорта не гнѣви“ или: „пана на шыбеницу (виселица) ведуць, а мужыкъ шапку здымай, бо якъ атарветца, та й атрыгнетца“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Сержпутовскій.

Туркменскій поэтъ-босякъ Кöръ-Молла, и его пѣсня о русскихъ.

(Этнографическій набросокъ).

I.

„Кöръ-Молла“, „Шагыръ“, „Кари“ [1])—подъ этими прозвищами извѣстенъ въ Мервскомъ оазисѣ и даже за предѣлами его Текинецъ отдѣла Утомышъ, подотдѣла Бахшы, рода Топазъ, аула Хырланды, настоящее имя („чин-ады“) котораго Субханъ-верди. Онъ неграмотенъ, и въ 1906 году ему было 30 лѣтъ.

Отецъ Кöръ-Моллы, Эвезъ-берди былъ поэтомъ, и прозвище его было Молла-Сакаръ. Молла-Сакаръ зналъ грамоту и написалъ въ прозѣ и стихахъ исторію текинцевъ, „Теке-намэ“. Книга эта попала въ руки одного кавказца, Тарланъ-бега, который уже умеръ, — и гдѣ она теперь, никому пока неизвѣстно. Что „Теке-намэ“ дѣйствительно была написана, объ этомъ намъ приходилось слышать неоднократно, но ни одного отрывка этого крайне интереснаго сочиненія въ наши руки не попало.

Братъ Кöръ-Моллы, какъ и отецъ, грамотенъ.

До 25-лѣтняго возраста Субханъ-верди жилъ въ своемъ аулѣ и занимался хлѣбопашествомъ. Въ 25 лѣтъ онъ сталъ народнымъ пѣвцомъ, „бахшы“, [2]) а нынѣ уже извѣстенъ подъ именемъ „шагыра“, поэта, импровизатора. До 25 лѣтъ Кöръ-Молла, по его признанію, стиховъ вовсе не сочинялъ. Вступить въ профессію „бахшы“ Субханъ-верди побудили, вѣроятно — его склонность къ праздной жизни, сиротство (отецъ его въ то время уже умеръ), заманчивость профессіи, члены которой всегда могутъ имѣть даровой лакомый кусокъ и довольно часто

[1]) Шагыръ = арабскому ша'ыр, „поэтъ“, а кари по-арабски значитъ „чтецъ“.

[2]) По-туркменски бахшы — только „народный пѣвецъ“, а по-казакъ-киргизски баксы (= бакшы) — „знахарь“. О другихъ значеніяхъ этого санскритскаго слова см. въ словарѣ Будагова.

новый, хотя и неважный, халатъ и другіе подарки,—но, главнымъ образомъ, пожалуй, то обстоятельство, что Субханъ-верди сталъ слѣпнуть и терять способность управлять сохой. А матеріаловъ, потребныхъ для „бахшы", т. е. прежде всего популярныхъ пѣсенъ разныхъ туркменскихъ поэтовъ, начиная съ Махтумъ-Кули, [1]) и пѣсенныхъ отрывковъ изъ распространенныхъ по всему мусульманскому востоку романтическихъ поэмъ въ родѣ „Іосифа и Зулейхи", „Зехра и Тагыра", затѣмъ сказокъ, анекдотовъ, пословицъ, прибаутокъ и загадокъ [2])—въ богатой памятью головѣ Субханъ-верди къ 25 лѣтамъ накопилось достаточно, несмотря на то, что онъ неграмотенъ: до чего бываетъ развита память у неграмотныхъ сказителей всѣхъ народовъ, хорошо извѣстно. Сыну грамотнаго поэта и брату грамотнаго муллы запастись всѣмъ нужнымъ для „бахшы" было еще удобнѣе.

Что касается творческаго дара Кӧръ-Моллы, то онъ у него весьма и весьма скроменъ, и, не будь Субханъ-верди „терьякешемъ", не кури онъ опіума, такъ раздражающаго фантазію человѣка,—возможно, что онъ вовсе не былъ бы и „шагыромъ". Не говоря уже о томъ, что всѣ произведенія Кӧръ-Моллы—у насъ ихъ записано 17, но это не все—исключительно подражательныя,—такова вообще туркменская поэзія, какъ часть джагатайской,—и подражатель-то Кӧръ-Молла далеко не выдающійся. Этимъ, однако, онъ тоже интересенъ, какъ одинъ изъ большинства, изъ средней массы туркменскихъ пѣвцовъ-импровизаторовъ.

Кӧръ-Молла, собственно, не поетъ свои произведенія, а декламируетъ нараспѣвъ.

Онъ уменъ, остроуменъ, язвителенъ. Большой циникъ. Весьма неряшливъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ средняго роста; выразительное лицо изрыто оспой и покрыто желтизной; лѣвый глазъ едва видитъ, а правый почти совсѣмъ уже ослѣпъ,—

[1]) Объ немъ см.: 1) Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, 1842 г. стр. 389—394; Березинъ, Турецкая Хрестоматія, 1857 г., т. II, вып. 1; Бакулинъ, Пѣсни у туркменъ и поэтъ ихъ Махдумъ—Кули (Изв. Кавказск. Отд. Р. И. Географич. Общ., т. I, 1872—3 гг.); Vambéry, Die Sprache der Turkomanen und der Diwan Machtumkuli's (Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, т. 33).

[2]) О туркменскихъ пословицахъ и поговоркахъ см.: Агабековъ, Учебникъ тюркменскаго нарѣчія съ приложеніемъ сборника пословицъ и поговорокъ тюркменъ закаспійской области, Асхабадъ, 1904; объ ихъ загадкахъ см.: Текинскія загадки (Туркестанскія Вѣдомости, 1906 г., № 141).—Послѣдняя замѣтка написана нами.

отсюда и прозвище „Кöръ-Колла", „Слѣпой Мулла" [1]). Субханъ-верди заболѣлъ глазами лѣтъ 10 тому назадъ, и ни туркменскіе знахари („табибъ", онъ же часто и кузнецъ, „уста"), ни русскіе врачи ему, по его словамъ, не помогли, вѣрнѣе же, по нашему, что онъ, какъ терьяк-кешъ, плохо лечился.

Глазныя болѣзни, какъ извѣстно, страшно распространены среди туркменовъ, но и удачно излечиваются нашими врачами, если больные серьозно и терпѣливо относятся къ лѣченію. Среди всѣхъ закаспійскихъ туркменовъ отъ Аму-дарьи до Астрабада пользуется извѣстностью и довѣріемъ мервскій глазной докторъ Г. В. Епинатьевъ, котораго туркмены зовутъ просто „гöз-дохтóръ"...

Растительность на лицѣ Кöръ-Моллы весьма слабая. Волосы на головѣ, вопреки мусульманскому закону, запущены; въ нихъ уже проглядываетъ преждевременная сѣдина. Какъ мы замѣтили, Кöръ-Молла не носитъ, въ отличіе отъ своихъ единовѣрцевъ, тюбетейки („такъя"), а прямо мохнатую рыжую барашковую туркменскую папаху („тельпек") [2]). Здѣсь проглядываетъ небреженіе, можетъ быть, демонстративное, обрядовой стороной своей религіи. Поверхъ грязной бѣлой рубахи и такихъ же штановъ („кöінек" и „балак") надѣтъ грязный, рваный, ватный халатъ („пахта-дон"), подвязанный вмѣсто кушака скрученнымъ грязнымъ ситцевымъ платкомъ („яглык"). На босыхъ въ болячкахъ ногахъ — стоптанныя туфли („коуш"). Въ рукѣ кривая палка... Такимъ мы видѣли его въ первый разъ, 3 сентября 1906 года въ агыр-башскомъ (колѣно рода бегъ отдѣла тохтамышъ) аулѣ, что въ мѣстности Перренгъ-чага, подъ самымъ Мервомъ.

Болѣе чѣмъ скромный видъ—у всѣхъ бахшы средней руки, но бѣдность Кöръ-Моллы — отъ его страсти къ опіуму. На это зелье идутъ всѣ его заработки и деньгами, и вещами,—все, что ему перепадаетъ въ чай-ханахъ и вертепахъ Мерва и на „той'

---

[1]) Если имя Молла указываетъ на духовный санъ, то ставится въ началѣ полнаго имени лица, напримѣръ, Молла — Сабиръ, а если это имя является только прозвищемъ, даннымъ не духовному лицу, то оно ставится въ концѣ полнаго имени лица, напр., Кöръ — Молла. Надо еще замѣтить, что у туркменовъ, собственная школа которыхъ (мектебъ, медресе)—чисто духовнаго направленія, всякій грамотный является уже и моллой, а отсюда и двойное значеніе слова молла: „духовное лицо" и „грамотный человѣкъ".

[2]) Тельпеки бываютъ разныхъ цвѣтовъ: черные, бѣлые, рыжіе. Есть разница въ формѣ тельпековъ мервскаго и ахальскаго: послѣдній выше. Намъ объясняли, что мода носить высокія папахи перенята ахальцами у милиціонеровъ туркменскаго дивизіона, а послѣдніе подражаютъ нашимъ казакамъ.

ихъ“, т. е. народныхъ торжествахъ въ аулахъ. Оттого у него и болѣзненный, нервный видъ. Онъ не сидитъ спокойно: если онъ не въ терьякъ-ханэ, то во рту у него все-же шарики опіума и зеленый жевательный табакъ („нас“); лицо подергиваетъ, руки постоянно въ движеніи,—то онъ чешется, то что-нибудь крутитъ между пальцами. Душа его часто вступаетъ въ бесѣду съ Богомъ, ибо онъ всегда болѣе чѣмъ сытъ. Онъ безустали плюется зеленой отъ жевательнаго табаку слюной и тѣмъ дѣлаетъ свое присутствіе въ кибиткѣ („öi“) или саклѣ („там“) крайне стѣснительнымъ для ихъ хозяевъ...

Несчастный видъ поэта и умное выраженіе его лица (вѣдь не одни глаза могутъ придавать лицу то или другое выраженіе!) побудили насъ спросить его: пріятна ли, по его мнѣнію, человѣческая жизнь? на что онъ отвѣтилъ стереотипной мусульманской фразой: „бу дӱньö бивепа! Бакы дӱньö — о!“ т. е. „эта жизнь ненадежна! Вѣчна жизнь — та!“. И при этомъ онъ показалъ рукой на небо. Мы дальше спросили, доволенъ ли онъ все-таки *своей* жизнью, а онъ отвѣтилъ: „Если я и недоволенъ буду, то что смогу подѣлать?! Я не могу не быть довольнымъ Божьимъ предопредѣленіемъ, текдир'омъ!“...

До насъ никто не записывалъ произведеній Кöръ-Моллы. Не только для того, чтобы побольше отъ него „выудить“, но и искренне подъ первымъ впечатлѣніемъ желая прочной памяти его не столь ужъ въ сущности цѣннымъ для широкой публики пѣснямъ,—мы сказали Кöръ-Моллѣ, что ему слѣдовало бы давать ихъ записывать, а то онѣ умрутъ вмѣстѣ съ его смертью, — но онъ въ отвѣтъ промолвилъ: „а ну ихъ къ чорту!“ — „Какой симпатичный философъ“, подумали мы тогда, впослѣдствіи же намъ пришлось разочароваться: диктуя свои произведенія, поэтъ настойчиво требовалъ, чтобы передъ каждой пѣсней отмѣчалось: „газаль-и-Кöръ-Молла“, или „пѣсня Кöръ-Моллы“. Непріятное впечатлѣніе невольно создавалось отъ разлада между возвышеннымъ, мистическимъ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ исполнявшихся имъ пѣсенъ и той грубой прозой, которой онѣ прерывались и сопутствовались: жеванье табаку, плеванье, почесыванье, отрыжка, циничная ругань, если забудется стихъ... Не хотѣлъ ли поэтъ такимъ поведеніемъ показать неуваженіе, презрѣніе къ этому обманчивому міру, приходило намъ на мысль и мы вспоминали при этомъ, какъ на старомъ Аѳонѣ, въ 1900 году, монахи наивно-искренне разсказывали намъ про одного подвижника: „вотъ какимъ униженіямъ подвергалъ себя этотъ святой человѣкъ въ сей жизни, чтобы быть вознесеннымъ

въ жизни будущей: онъ напивался допьяна, валялся по землѣ и ругался скверными словами на глазахъ у всей братіи!“...

Спеціальность Кöръ-Моллы, какъ поэта — пѣсни хвалебныя, панегирики и хулительныя, сатиры. Онъ восхваляетъ народныхъ героевъ ближайшаго прошлаго и народныхъ благодѣтелей современности, въ чемъ сказывается, между прочимъ, его туркменскій патріотизмъ; онъ поетъ хвалу тѣмъ, кто дѣлаетъ ему подношенія; онъ прославляетъ знаменитыхъ коней, столь любимыхъ туркменами, — побѣдителей на скачкахъ; чай — этого неизмѣннаго спутника туркменскаго кейфа; мальчиковъ-бачей, которыми соблазняютъ городскіе притоны наименѣе стойкихъ изъ чистыхъ еще душой сыновъ степей. Хулу свою Кöръ-Молла направляетъ на невѣрныхъ, или на тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые жестоко обращаются со своей меньшой братіей, или же, наконецъ, на тѣхъ, кто просто не угодилъ поэту.

Постояннаго пристанища Кöръ-Молла не имѣетъ. Если онъ не въ аулахъ, гдѣ какое-нибудь торжество, то въ городѣ Мервѣ,— на базарѣ, въ чайныхъ, въ притонахъ. И для каждаго мѣста и случая у него имѣется подходящій жанръ. Для вертеповъ — порнографическій, въ смѣшанномъ, восточно-европейскомъ духѣ, какъ и должно быть въ полувосточныхъ, полуевропейскихъ городахъ Туркестана. Цинизмъ Кöръ-Моллы, его распущенность, его босячество пожалуй, главное его отличіе. Въ остальномъ, какъ мы замѣтили, онъ является довольно типичнымъ туркменскимъ пѣвцомъ — импровизаторомъ средней руки [1]).

II.

Первая пѣсня, которую исполнилъ для насъ Кöръ-Молла, была „Пѣснь о Коушутъ-ханѣ“. Въ коротенькомъ прозаическомъ предисловіи къ этой пѣснѣ поэтъ выразился о себѣ такъ: „чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти (Коушутъ-хана) объявился нѣкій поэтъ, очень-то отъ Бога не кормящійся, народомъ питаемый,— по имени Кöръ-Молла“. Пѣсня эта воспѣваетъ двухъ текинскихъ героевъ второй половины XIX вѣка, Коушутъ-хана и его спод-

---

1) Не беремся судить, поскольку на Кöръ-Моллѣ сказалось вліяніе средне-азіатскаго монашества, „дервишей“. Яркимъ полулегендарнымъ типомъ такого средне-азіатскаго „святого отца“, память котораго весьма чтится населеніемъ, является Мешребъ. Съ его оригинальными своей нескромностью подвигами можно познакомиться по статьямъ: Н. С. Лыкошина, Диван-и-Машрабъ (Туркест. Вѣдомости за 1901—1902 г.г.) и М. Гартмана, „Mešrelb, der weise Narr und fromme Ketzer. Ein zentralasiatisches Volksbuch“ (Der islamische Orient, Band I, Berlin, 1905).

вижника Аманъ-Сахатъ-сердара, прославившихся войнами съ персами (особенно 1860 года подъ Мервомъ) и хивинцами (особенно 1855 года подъ Серахсомъ, гдѣ тогда погибъ хивинскій ханъ Мухаммедъ-Эминъ) [1]).

Какъ извѣстно, во всей Закаспійской области и въ частности въ Мервскомъ оазисѣ вопросъ о водѣ является самымъ насущнымъ, первостепеннымъ вопросомъ; какъ-бы хороша ни была земля, а если ее нечѣмъ оросить,—она не имѣетъ никакой цѣны для тѣхъ изъ туркменовъ, которые существуютъ земледѣліемъ, а таковыхъ въ 1900 г. было уже 80% [2]). И потому вполнѣ естественно, что вода, равно какъ и лица, близко стоящіе къ дѣлу орошенія, играютъ видную роль и въ поэзіи Кöръ-Моллы. Нами записано двѣ пѣсни, восхваляющихъ тохтамышскаго „пенджуара", или надсмотрщика за Коушутбендской плотиной на Мургабѣ, Гарры-бега, сына еще здравствующаго „пенджуара" временъ самого Коушутъ-хана, Рамазанъ-хана. Одна пѣсня посвящена Гарры-Кызыль-пенджуару, двѣ пѣсни—прорыву и возстановленію Коушутъ-ханъ-бенда; въ первой изъ двухъ послѣднихъ пѣсенъ порицается жестокость „старшины и пенджуара" Куль-хана и русскаго техника (сехникъ-баяръ), безпощадно каравшихъ нерадивыхъ работниковъ.

Въ остальныхъ изъ записанныхъ нами пѣсенъ воспѣваются: Юсупъ-ханъ, сынъ знаменитыхъ супруговъ Нур-берди-хана и Гуль-Джамаль [3]); Гарры-ханъ, сынъ Юсупъ-хана; Мел'атъ,

[1]) Данныя по новѣйшей мервской исторіи см.: Алихановъ, „Мервскій оазисъ и дороги, ведущія къ нему". СПБ. 1883 г.; Алихановъ-Аварскій (тотъ-же авторъ), „Закаспійскія Воспоминанія (Вѣстникъ Европы, томъ V, 1904 г.); O'Donovan, The Merv oasis, т. II, гл. XXXIX; Бартольдъ, Историко-географическій обзоръ Ирана, СПБ. 1903 г. стр. 32.

[2]) Ѳ. А. Михайловъ, Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь, Асхабадъ, 1900 г., стр. 60. Съ земле-водопользованіемъ туркменовъ можно познакомится по трудамъ: Матеріалы по землеводопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Д. И. Суботича, Асхабадъ, 1903; Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собр. Я. Таировымъ, Спб. 1904.

[3]) Французскій профессоръ Cahun въ своемъ интересномъ, но малонаучномъ трудѣ „Introduction à l'Histoire de l'Asie", Paris, 1896 г. пустилъ слѣдующую сплетню про эту выдающуюся туркменскую женщину: „Chez les Turcomans de l'Oxus, restés si fidèles au vieux droit coutumier, on a vu, récemment, la veuve du chef des Turcomans Tekké transmettre régulièrement ses pouvoirs territoriaux et politiques à la Russie, *par mariage* (курсивъ нашъ!) *avec le colonel russe Ali-Khanoff*, sans qu'aucun de ses sujets ait soulevé motif d'opposition" (стр. 65). Источники не указаны! См. собственныя показанія одной изъ жертвъ этой сплетни въ цитованныхъ выше „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ".

скаковый конь ахальца Аширъ-Кечэ; неизвѣстная красавица, которая въ слѣдующей пѣснѣ уже поносится, на чемъ свѣтъ стоитъ, ибо чѣмъ-то прогнѣвила поэта; чай и, наконецъ, мальчики-бача. Двѣ пѣсни являются подражаніемъ мистическимъ стихотвореніямъ Махтумъ-Кули.

Пѣсня, которую намъ сообщилъ Кöръ-Молла не безъ колебаній, и которую мы ниже приводимъ въ переводѣ, называется „Пѣсня о русскихъ". Она сочинена въ архи-турецкой формѣ 11-слоговыхъ четверостишій, приспособленныхъ къ арабско-персидской формѣ „муребба" [1]), числомъ 12; совершенно лишена поэтическихъ достоинствъ; построена довольно нескладно, неискусно; не вездѣ легко понимается какъ потому, что изъ-за стиха поэтъ не всегда ясно выражаетъ свою мысль, такъ и потому, что поэтъ высказывается больше намеками; но при всемъ томъ пѣснь эта весьма интересна по содержанію.

Подъ идолами II четверостишія разумѣются иконы. Ушастыя собаки того-же четверостишія — диковинка для туркменовъ, имѣющихъ обыкновеніе подобно нашимъ крестьянамъ обрубать уши у своихъ собакъ. Хотя и у туркменовъ, плохихъ мусульманъ, положеніе женщины не такъ низко, какъ у другихъ ихъ единовѣрцевъ [2]), но все-таки русскіе на ихъ взглядъ слишкомъ ужъ много даютъ воли своему слабому полу, на что намекаетъ 3-й стихъ все того-же II четверостишія. Насчетъ „водки—вина" IV четверостишія справедливость требуетъ замѣтить, что и до прихода „невѣрныхъ" „правовѣрные" туркмены не всѣ были трезвенниками [3]). Стихи 1—3 четверостишія V заимствованы у Махтумъ-Кули. Данныя о неоконченной крѣпости Коушутъ-

[1]) Несовершенство формы этой пѣсни состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что не выдержано единства рифмы 4-аго стиха всѣхъ 12 четверостишій, какъ это полагается въ „муребба".

[2]) См. цитованную выше брошюру Михайлова, стр. 51.

[3]) „O'Donovan, The Merv oasis", t. II, стр. 130: „Opium smoking and arrack drinking are the common and wide-spread vices. In fact, the Mervli are Mussulmans in very little more than name". Шинкарями въ свободномъ Мервѣ были евреи. Посудой при Донованѣ служили бутылки изъ-подъ содовой воды съ русскими ярлыками. Бутылки попадали въ Мервъ изъ Хивы и Бухары, а водка дѣлалась на мѣстѣ евреемъ по имени Matthi (стр. 285). Прошлое—на отвѣтственности отважнаго англичанина, нынѣ-же пьянство среди туркменовъ мы наблюдали только въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, только какъ исключеніе. Какъ всюду въ средней Азіи, и у туркменовъ съ приходомъ русскихъ мусульманство сдѣлало, повидимому, замѣтные успѣхи. Это хорошо, поскольку отъ этого становится лучше народъ, и это плохо, поскольку съ успѣхами правовѣрія растетъ темное вліяніе своекорыстнаго духовенства.

хана (VI четверостишіе) собраны покойными О' Донованомъ и Алихановымъ-Аварскимъ [1]). Въ поясненіе 2—3 стиховъ того-же четверостишія и 1-аго стиха X четверостишія слѣдуетъ указать, что по убѣжденію текинцевъ Коушутъ-ханъ былъ отравленъ авганско-англійскимъ шпіономъ („эмиссаромъ"), извѣстнымъ подъ именемъ „Сіяхъ-поша"; взявшись лѣчить болячку на ногѣ хана, шпіонъ впустилъ будто-бы въ тѣло хана ядъ на остріѣ хирургическаго инструмента [2]). Упоминаніе, начиная съ VI четверостишія, Коушутъ-хана, приведшаго текинцевъ въ 50-ыхъ годахъ XIX вѣка изъ Серахса въ Мервъ и бывшаго послѣднимъ выдающимся правителемъ мервскихъ текинцевъ, а также Нуръ-берди-хана (X четверостишіе), послѣдняго славнаго правителя ахальскихъ текинцевъ—оба они умерли до прихода русскихъ въ Ахалъ и Мервъ — [3]) звучитъ какъ-бы сожалѣніемъ, что ханы эти не дожили до появленія новыхъ завоевателей: только они, „опоры мусульманства" и могли-бы отстоять родину! Стихъ 3-ій VII четверостишія передаетъ поговорку, извѣстную и казакъ-киргизамъ; ее произносятъ, когда хотятъ сказать, что времена измѣнились къ худшему [4]). Та-же мысль,

---

[1]) The Merv oasis, т. II, 143; Мервскій оазисъ гл. IV, стр. 51.

[2]) О „Сіяхъ-пошѣ" см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ", стр. 89, 104, 445, 446, 451, 453, 454, 455, 456, особенно двѣ послѣднихъ страницы. Пенджуаръ, т. е. надсмотрщикъ за плотиной временъ Коушутъ-хана, Рамазанъ-ханъ (80 лѣтъ; нынѣ живетъ на покоѣ у мѣста своей былой службы, на Коушутъ-бендѣ), дѣлясь съ нами своими воспоминаніями, упомянулъ, что Коушутъ-ханъ и его современникъ Абдулла-Ишанъ (медресэ его имени находится въ аулѣ Гёкча) умерли отъ лекарствъ какого-то англичанина. Если это былъ дѣйствительно Сіяхъ-пошъ, то является вопросъ, точно-ли онъ появился въ Мервскомъ оазисѣ только въ 1882 году, какъ показываетъ Алихановъ (стр. 455)? Вѣдь Коушутъ-ханъ умеръ въ 1878 году! Мы постараемся выяснить это въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ работъ о Мервѣ.

[3]) Коушутъ-ханъ умеръ въ 1878 г. (По Алиханову, Воспоминанія, стр. 87; по О' Донovану, Merv-oasis, II, стр. 122). Его характеристику и его заслуги см. въ „Закаспійскихъ воспоминаніяхъ", стр. 87. Нуръ-берди-ханъ умеръ въ 1880 г. (по Алиханову, тамъ-же, стр. 88; по Гродекову, Война въ Туркменіи, т. I, стр. 71). Его біографію съ нѣкоторыми хронологическими опечатками см. въ названномъ сочиненіи Н. И. Гродекова, стр. 67—71.

[4]) См. Готовицкій и Пфеннигъ, „Двѣ статьи о киргизскихъ и сартскихъ народныхъ пѣсняхъ" (Этнографич. Обозрѣніе, III, 73). Изъ пѣсни по умершемъ мужѣ: „Время измѣняется; ишакъ сталъ перегонять быстраго бѣгуна".—Ишакъ у туркменовъ принадлежитъ къ числу „неблагородныхъ" животныхъ, и слово ишакъ является браннымъ на ряду съ именами другихъ животныхъ: собаки (итъ), свиньи (донгузъ), верблюды (дўђ); сюда-же относятся: собачій сынъ (ит-оглы), свинячій сынъ (донгузъ-оглы). Въ ходу у туркменовъ ругань: эшек-эрмени (оселъ-армяшка), которую отмѣтилъ и О'Донованъ (цитованное сочиненіе, т. II, стр. 406).

повидимому, выражена и во 2-омъ стихѣ IX четверостишія. Въ противоположность умершимъ героямъ поэтъ невысокаго мнѣнія о своихъ современникахъ; противоположеніе это ярко резюмировано въ 1—2 стихахъ VIII четверостишія (см. также четверостишія III и IV). Красноголовыми (VIII четверостишіе) не одни только туркмены называютъ персовъ, имѣющихъ обыкновеніе, какъ извѣстно, красить себѣ волосы; своихъ южныхъ сосѣдей туркмены зовутъ еще „пюрсіанъ", „веляетъ" и просто „куль"; второй терминъ изъ трехъ послѣднихъ мы должны понимать какъ „люди, подчиненные власти" въ противоположность „туркменчликъ"—„туркменству" (равно нашему „казачеству"), т. е. людямъ ни отъ кого независимымъ, каковыми были нѣкогда сами туркмены. Третье названіе значитъ „рабъ"; оно обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что персы являлись для туркменовъ до прихода русскихъ прежде всего „живымъ товаромъ", объектомъ работорговли [1]). Стихъ 1-ый XI четверостишія, надо полагать, заключаетъ въ себѣ намекъ на побѣду Коушутъ-хана надъ персами въ 1860 г., когда дѣйствительно сильно упала цѣна на персидскихъ рабовъ,—такъ много попало ихъ тогда въ текинскій плѣнъ [2]).

---

[1]) Ср.: „Histoire générale du IV siècle à nos jours" par Lavisse et Rambeau т. I, стр. 705: такъ какъ къ IX вѣку западные славяне были порабощены германцами, то „dès 828, le mot de Slave (sclavus) est employé comme synonyme de serf". Здѣсь имя народа стало нарицательнымъ, а у туркменовъ нарицательное имя стало именемъ народа.

[2]) Закаспійскія воспоминанія, стр. 88: „Цѣна на рабовъ спала съ 300 р. на 5".

Пѣсня о русскихъ.

I. Если долго среди насъ останется эта нацiя,
Мало-по-малу она нашъ народъ отъ вѣры отлучитъ!
„Джиннамъ" словно подобные, какъ свиньи...... [1])
Мало-по-малу нашъ народъ отъ вѣры отлучатъ!

II. Бога они не вѣдаютъ, идоловъ признаютъ!
При себѣ ушастыхъ собакъ допускаютъ!
У самихъ воли нѣтъ,—женщинъ признаютъ!..
Отъ старѣйшихъ, отъ святыхъ они (насъ) отлучатъ!

III. Нѣкоторые (изъ нашихъ) спѣсивятся, медали навѣсивъ,—
Половина ихъ весьма легки, что ихъ накалываютъ!
Нѣкоторые (изъ нашихъ) отъ вѣры отступаютъ, предъ идолами преклоняясь...
Насъ ото всѣхъ мусульманъ отлучатъ!

IV. Половина (нашихъ) собственный стыдъ теряютъ,
Половина отъ сладостной души отказываются,
Неправду говорятъ, „водку-вино" пьютъ!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!

V. Богатство фальшиво у скупыхъ богачей!..
Глаза нищаго не насытятся, сколько онъ ни броди по народу!..
Пока не умрешь, неси службу Богу!..
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!

VI. Неоконченной осталась Коушутъ-ханова крѣпость...
Самъ онъ ушелъ, постигла его черная бѣда,—
Что на острiѣ иглы Сiяхъ-пошевой—пуля!

VII. Нѣсколько лѣтъ воевали (русскiе), взяли Ахалъ.
Коушутъ-хану не суждено было удержать невѣрныхъ!..
„Оселъ сталъ дороже лошади"!
Богъ мой отъ этихъ невѣрныхъ избавитъ, друзья!

VIII. Взяточники для собственной особы (чужой) халатъ стаскивали,
А тотъ Коушутъ-ханъ изъ-за вѣры исламской душой болѣлъ.

---

[1]) Вотъ какъ нѣкогда, по словамъ генерала Гродекова, представляли себѣ туркмены русскихъ: „Брака у русскихъ нѣтъ, также какъ нѣтъ и семьи. Солдатъ разводятъ табунами женщинъ, въ которые пускается нѣсколько рослыхъ, сильныхъ и храбрыхъ мужчинъ. Остальные же мужчины, входя къ какой-нибудь женщинѣ, должны передъ входомъ втыкать палку и вѣшать на нее шапку, чѣмъ и даютъ знать другимъ, что мѣсто уже занято". (Война въ Туркменiи, т. I, стр. 86).

До прихода русскихъ—„красноголовыхъ“ много онъ (на себѣ) перенесъ!
Еще Коушутъ-ханъ придетъ, друзья!..
IX. Вслѣдъ за Ахаломъ взяли (русскіе) Мервъ,
За наши веревки для жеребятъ привязалиословъ своихъ!..
Никто не займетъ Коушунъ-ханово мѣсто!
Еще Коушунъ-ханъ придетъ, друзья!
X. У Коушунъ-хана на ногѣ появилась болячка...
Столько лѣтъ онъ, какъ перомъ писалъ, рѣзалъ невѣрныхъ!..
Народа предводитель, о, Нуръ-берди!..
Еще Коушутъ-ханъ придетъ, друзья!
XI. Подешевѣла цѣна на „красноголовыхъ“...
Ахальскую крѣпость наполняетъ пушечный дымъ...
Тѣ два хана—столпы мусульманства!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!
XII. Чѣмъ дальше, все увеличиваются мученія Кöръ-моллы!
Не можетъ быть для невѣрныхъ пріятной жизни!
Когда они отправятся (на тотъ свѣтъ), разверзнутся (предъ ними) адовы врата!..
Невѣрныхъ больше, чѣмъ мусульманъ, друзья!..

Для предупрежденія разныхъ кривотолковъ мы считаемъ своимъ долгомъ подчеркнуть въ заключеніе широко и твердо господствующій среди туркменовъ взглядъ на новую стадію ихъ исторіи, положившую начало кореннымъ измѣненіямъ въ ихъ быту. Разумно перешагивая чрезъ немалочисленные недочеты закаспійской современности, туркмены искренне заявляютъ: „однимъ отживающимъ свой вѣкъ старикамъ, бредящимъ еще былой бездѣятельной свободой и былыми быстро обогащавшими разбоями—аламанами, (да лицемѣрнымъ ханжамъ, прибавимъ мы отъ себя) не въ моготу помириться съ новой жизнью, которая требуетъ постояннаго, мирнаго труда и которая только за такой трудъ вознаграждаетъ“.

Туркмены несомнѣнно приспособились къ новой жизни, имѣютъ свѣтлое будущее и, можно надѣяться, не дадутъ сбыться мрачнымъ пророчествамъ, нѣкогда про нихъ пущеннымъ въ обращеніе [1]).

А. С—чъ.

---

[1]) „Война въ Туркменіи“, т. I, стр. 87. Иначе: Михайловъ, Туземцы Закаспійской области, стр. 78—79.

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

(Продолженіе).

Б. Менерикъ.

Разряженіе безъ отношенія къ обществу людей. Нѣтъ опредѣленнаго объекта, нарушающаго психическое равновѣсіе.

1. Эрюка Антипина самый сильный Омерякъ [1]) двухъ наслеговъ: 1-го Байдунскаго и 4-го Мятюжскаго.

Родилась она въ шаманствѣ, дѣвочкой 6—10 лѣтъ ее окрестили. Она—человѣкъ двухъ вѣръ. Православіе преобладаетъ надъ шаманствомъ, „наслежныя" родовыя традиціи—надъ закономъ государственнаго строя.

Женщина очень разсудительная... Любитъ вспоминать старину... Охраняетъ тщательно культъ „наслега".

„Рыбу свѣжаго промысла нельзя варить съ солью".

„Нельзя, нехорошо топить камелекъ березовыми дровами: не будетъ промысла... Эрюкѣ представляется голодъ всего народа. Нѣтъ промысла,—русскіе варятъ рыбу съ солью и топятъ березою...

Она посылаетъ своихъ взрослыхъ внучекъ шпіонить за русскими.

Ко мнѣ на Родчево пріѣхалъ товарищъ Шоргородскій въ 1891—92 году. Онъ думалъ заняться земледѣліемъ. Садилъ капусту, бураки, картошку, сѣялъ другую огородину; немного ржи и ячменю.

За нимъ-то и шпіонила Эрюка... Якуты скоро увидали, что я соблюдаю ихъ интересъ и не варю рыбы съ солью. Я жилъ около года „дюкакомъ", т.-е. постояльцемъ. Пользовался орономъ... Все дѣлалъ на глазахъ якутовъ. Шоргородскій жилъ отдѣльно.. Якуты видѣли, что онъ носитъ березу на дрова...

На его грядахъ начали появляться кости рыбы и птицъ. Это Эрюка хотѣла показать землѣ, что якуты не оскорбляютъ

---

[1]) У якутовъ нерѣдко мӓнӓрік и ӧмӯрӓх совмѣщаются въ одномъ лицѣ. *Ред.*

ея насиліемъ, не будутъ хлѣборобами. Она костями, остатками своей обычной пищи, какъ бы закрывала желаніе русскаго измѣнить родъ пищи и перейти на такой, при которомъ уже можно обойтись безъ рыбы и птицъ—этого дара земли и воды.

Русскій Богъ любитъ хлѣбъ, якутскій—рыбу и мясо. Русскій Богъ—сильнѣе, онъ нужнѣе послѣ смерти; якутскій—нуженъ здѣсь, на землѣ.. Надо уважать обоихъ—рѣшаетъ разсудительная якутка.

Она инстинктивно чувствуетъ, что „русскій Богъ" станетъ между человѣкомъ и обществомъ, научитъ людей лицемѣрію, разрушитъ культъ наслега съ его дѣвственной вѣрой во взаимную помощь другъ другу. Нужность человѣка въ человѣкѣ замѣнится нужностью Бога для человѣка.

Тяжело на душѣ Эрюки. Эрюка задумывается иногда;ходитъ грустная со своею любимою внучкою, 4-хлѣтней Джекджей, вокругъ огорода, этой угрозы якутскаго благополучія...

Былъ прежде одинъ русскій; жилъ смирно, соблюдалъ наши обычаи.. У него было ухо, былъ ящикъ. Потомъ пріѣхалъ другой; этотъ ѣстъ нашу пищу, не вредитъ намъ и нашимъ промысламъ... Теперь пріѣхалъ третій. Онъ варитъ рыбу съ солью, топитъ камелекъ березою, не выгребаетъ березовыхъ углей и золы, на березѣ варитъ рыбу новаго промысла... Онъ ломаетъ наслегъ...

Лѣтній вечеръ. Сидитъ Эрюка, задумчивая, на скамейкѣ въ юртѣ. Дверь изъ шкуры немного приподнята. Тлѣетъ, дымитъ сухой навозъ коровій снаружи у порога юрты... Струи дыма тянутся около щели приподнятой покрышки-двери, не пускаютъ въ юрту комаровъ...

Около нея вертится ея любимица—младшая внучка Джекджа...

Безучастно смотритъ Эрюка на все окружающее, безсознательно любящей рукой гладитъ грязную со спутанными волосиками головку бойкой востроглазой дѣвчурки...

Ее гнететъ наступающая бѣда; бѣда идетъ, она давитъ ее. Нужно быть сильнымъ богатыремъ. Сильные богатыри борются съ духами. Да они сами—духи, сильные большіе духи!

Эрюка привскакиваетъ на скамейкѣ. Она чувствуетъ въ себѣ силу... Она—сильный богатырь... Она—духъ.

Теперь она не слабая старуха Эрюка... Мужественнымъ голосомъ, речитативомъ поетъ она. Въ этой пѣснѣ-рѣчи она изливаетъ свою душу. Ея мотивъ и слова—мотивъ и слова изъ якутскихъ былинъ вперемежку со злобою настоящаго дня, съ предсказаніями, иногда, будущаго... Она излагаетъ, что она чувствуетъ, чѣмъ она стала. Она—духъ умершаго родственника или знакомаго, предсказываетъ чью-либо смерть или выздоро-

вленіе, удачу или неудачу промысла. Говоритъ о болѣзни скота, о неурожаѣ или урожаѣ сѣна.

Эрюка во время своего психическаго разряженія то садится на скамью, то вскакиваетъ; машетъ руками.

Ея блуждающій духъ можетъ совершенно уйти... Нужно закрыть плотно двери, занавѣсить окна.

Во время психическаго разряженія присутствующіе якуты сидятъ смирно. Собакъ выгоняютъ изъ юрты; лай собаки можетъ прекратить психическое разряженіе...

Послѣ непрерваннаго психическаго разряженія, субъектъ разряженія чувствуетъ усталость и душевное облегченіе.

2. Марфа Малая очень хочетъ имѣть дѣтей... Она три раза была беременна: разъ былъ выкидышъ, разъ ребенокъ умеръ въ день рожденія, а послѣдній умеръ черезъ три-четыре дня послѣ рожденія... Она менерячитъ три-четыре раза въ годъ... Видъ чужихъ дѣтей, особенно моихъ, вызываетъ у нея иногда, когда организмъ подавленъ, слёзы... Она плачетъ о своемъ горѣ:

— „У всѣхъ есть дѣти, у меня нѣтъ. Богъ далъ тебѣ близнецовъ... Ты—старикъ и твоя жена—старуха... У меня нѣтъ ни одного, мой мужъ молодъ“...

Слёзы текутъ изъ глазъ бѣдной женщины... Свое желаніе имѣть дѣтей наши старыя дѣвы разряжаютъ въ кошкахъ и собакахъ. Такого суррогата образная культура непосредственныхъ чувствъ не можетъ терпѣть... Женщинѣ-якуткѣ собачки и котята не могутъ замѣнить ребенка, не могутъ наполнить пустоту ея материнскаго чувства... Взять ребенка въ пріемыши для колымской матери-якутки почти невозможно... Это можетъ удасться только богатому человѣку. Чувство матери можетъ побѣдить нужда, соединенная съ корыстью. Одной нуждѣ не побѣдить ея. Только плохая мать рѣшится разстаться съ своимъ ребенкомъ. Горе Марфы—безъ исхода, безъ надежды на исходъ. Это горе стоитъ передъ нею постоянно. Психическое напряженіе, вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія, накопляется. Психическій зарядъ настолько силенъ, наконецъ, что нуженъ незначительный толчокъ—и разряженіе готово. Такихъ фактовъ всегда много даетъ жизнь. Мужъ ея, Данила, уѣхалъ отбывать натуральную повинность. Марфа видитъ пустое мѣсто около себя. Она не чувствуетъ около себя теплаго тѣла. Предъ ней картина сна ея сосѣдокъ. Обнаженныя тѣла маленькихъ якутятъ прижались къ обнаженному теплому тѣлу матери, взаимное прикосновеніе согрѣваетъ физически, согрѣваетъ психически и мать и дѣтей. Она—бездѣтная и одинокая, одна. Одна, и нѣтъ надежды когда-либо чувствовать пріятную теплоту и ароматъ нѣжнаго дѣтскаго

тѣла... Психическій зарядъ накопился, эта мысль является запаломъ, Марфа разряжается, она менерячитъ...

Марфа—омерякъ средней величины, даже ниже средняго. Она только вздрагиваетъ, произноситъ обычное слово, рѣдко повторитъ слово человѣка. Заставить её повторить дѣйствіе невозможно...

„Э! Э! Э!.. Оставь, оставь, не хочу!“—говорятъ въ такихъ случаяхъ слабые омеряки. Этими словами, самими ими сказанными, они побѣждаютъ въ себѣ желаніе повторить слово, повторить дѣйствіе, поддаться внушенію...

3. Афанасій Сивцевъ, братъ Марфы Малой, хочетъ обзавестись семьей. Онъ ищетъ любящей дѣвушки,—дѣвушки, въ любви которой онъ былъ бы увѣренъ... Его требованія идутъ въ разрѣзъ съ традиціонными понятіями якутовъ о половыхъ отношеніяхъ.

— „Это—такъ, я его не любила, тебя люблю“ — говоритъ якутка человѣку, котораго она дѣйствительно любитъ, т.-е. съ которымъ рѣшила соединить свою судьбу,—говоритъ про того, отъ кого у нея есть дѣти, или про того, съ кѣмъ не разъ ей случалось спать и кто давалъ ей подарки.

„Это—такъ“, не любовь, а временное увлеченіе физіологической потребностью не связанныхъ никакими обязательствами лицъ,—иногда и связанныхъ, замужнихъ, но—въ крайнемъ случаѣ, у представителей свободы любви. Послѣднее проявленіе свободы любви считается предосудительнымъ и осуждается общественнымъ мнѣніемъ,—правда, не особенно строгимъ къ подобнаго рода случаямъ.

Афанасій Сивцевъ — хорошій плотникъ, трудоспособный, усидчивый. Готовъ безвозмездно оказать каждому помощь своимъ трудомъ. Онъ человѣкъ душевный, ищетъ теплоты въ человѣческихъ отношеніяхъ.. Прежде онъ менерячилъ очень рѣдко— разъ или два.

Какими предшествующими условіями сопровождалось психическое разряженіе—не знаю... Въ мою бытность на урочищѣ Родчево съ 1890 г. по 1904 годъ, Афанасій „шаманилъ“ по просьбѣ близкихъ людей, чтобы излѣчить отъ болѣзни. Онъ могъ вызвать у себя нервное разряженіе, накопивъ психическій зарядъ по заказу въ теченіе нѣкотораго времени, дня за три-четыре.

— Афанасій, я больна — скажетъ ему женщина, которая надѣется на то, что онъ не откажетъ—помоги мнѣ...

— Ладно!—отвѣтитъ Афанасій, продолжая работу и осматривая её со всѣхъ сторонъ.

Онъ будетъ работать и думать объ обратившейся къ нему женщинѣ. Если онъ къ ней расположенъ, если онъ её считаетъ почему-либо заслуживающею уваженія, онъ будетъ ду-

мать объ ней долго, думать постоянно, съ желаніемъ помочь ей. Это желаніе помочь будетъ рисовать разныя картины изъ ея жизни, изъ жизни давняго, имъ слышаннаго.. Останавливаясь постоянно и упорно на желаніи помочь, онъ, наконецъ, накопитъ достаточно психическихъ силъ сильнаго заряда. Разрядъ безсознательный, сильный направитъ онъ въ сторону больной, въ сторону изысканія средствъ къ возможному выздоровленію. Наконецъ, „Афанасій шаманитъ для Хоспохъ“ — говорятъ якуты...—Онъ не настоящій шаманъ; если захочетъ, шаманитъ хорошо, т.-е. поможетъ.

Сила психическаго разряда близкаго человѣка помогаетъ присутствующей больной... Онъ укажетъ какое-либо средство изъ практики давняго прошлаго, которое, какъ вдохновеніе, подскажетъ ему безсознательная память,—укажетъ съ вѣрою, съ силою власти...

— Возьми рябую собаку, вынь трепещущееся сердце и приложи его къ ногѣ!—прокричитъ онъ речитативомъ...

Во время „шаманства“[1]) Афанасій рѣдко предсказываетъ.

— Силъ нѣтъ, не могу,—отвѣтитъ Афанасій, не отрываясь отъ работы, если силъ дѣйствительно не окажется для накопленія зарада, или если онъ чувствуетъ, что не окажется.

Афанасій—честный якутъ. Ему за сорокъ лѣтъ. Въ послѣднее время вліяніе политическихъ ссыльныхъ сказалось на якутахъ, они рѣже прибѣгаютъ къ шаманству... Афанасій пересталъ шаманить... Многіе якуты начали давать предпочтеніе совѣтамъ доктора.

Профессіональный шаманъ умеръ въ 1892 году, а бубенъ запрятанъ неизвѣстно гдѣ; В. И. Іохельсону, члену Сѣверо-Тихоокеанской экспедиціи имени Джесупъ, не удалось его вытащить на свѣтъ Божій изъ амбара, гдѣ онъ лежитъ, дожидая шамана-профессіоналиста.

Теперешніе шаманы шаманятъ безъ бубновъ.

1900 г. Родчево.

4. Оконэ[2]) (Егоръ, кажется) Дьячковъ... Нервный молодой якутъ лѣтъ 21—22, живетъ въ 60—70 верстахъ отъ Родчева. Промышленникъ онъ плохой, предпочитаетъ путешествовать вмѣсто того, чтобы промышлять. Его двѣ сестры — хорошія промышленницы, заботливыя хозяйки, самостоятельныя, дѣльныя. Съ Оконэ плутоватые родоначальники часто берутъ натуральную

---

[1]) Вѣрнѣе—камланья. *Ред.*

[2]) Начертаніе Оконэ недопустимо въ якутскомъ языкѣ въ силу закона послѣдовательности гласныхъ, согласно которому послѣ *о* могутъ слѣдовать гласные *о* или *у*, но никакъ не *э*. *Ред.*

повинность, въ формѣ пищи, по два раза, часто его не въ очередь заставляютъ отбывать рядъ. Съ нимъ все это можно сдѣлать. Онъ производитъ впечатлѣніе человѣка неустойчиваго... Обязательствъ онъ не исполняетъ, проигрываетъ чужое...

Психическія разряженія у него часты. Шаманитъ онъ по просьбѣ. Онъ всегда заряженъ. Для заряда ему не нужно времени.

Въ дѣтствѣ, лѣтъ 12—14 отъ роду, онъ ушелъ въ лѣсъ; пропадалъ нѣсколько дней. Его нашли и, ослабшаго, привели въ юрту. Съ этого времени у него начались психическія разряженія. И теперь, смотря на него, того и гляди онъ уйдетъ. Въ лѣсъ онъ не уходитъ. Въ лѣсу онъ былъ звѣремъ,—тѣмъ звѣремъ, шкуру котораго должны натягивать на шаманскій барабанъ и котораго, понятно, не существуетъ. Шаманскій барабанъ воспроизводитъ только схему формы этого звѣря.

Шаманитъ онъ, Оконэ, всегда готовъ. У него видъ несовершеннолѣтняго.

Оконэ начинаетъ обманомъ, кончаетъ искреннимъ увлеченіемъ. Послѣ разряда онъ еще безформеннѣе,—еще болѣе напоминаетъ какого-то слизняка въ образѣ человѣка, еще болѣе приниженъ, еще болѣе жалокъ и слабъ...

Тотъ профессіональный шаманъ, который умеръ въ 1891 году [1]), былъ высокаго роста, худощавый, съ смѣлымъ плутоватымъ лицомъ. Его имя—Афанасій, онъ умеръ далеко отъ Родчева, на „лѣсной сторонѣ Колымы", въ глуши.

5. 1885 г. Декабрь. Жулейскій наслегъ. Наслежный домъ. Длинная скамейка предъ камелькомъ. Лицомъ къ камельку сидитъ жена Мины Егорова. Она возбуждена. Была крупная сцена. Скоро праздникъ Рождества. У сына и у ней рубахи порваны; къ празднику нужны новыя. Минѣ Егорову нѣтъ дѣла. Онъ не покупаетъ... Недавно онъ, Мина Егоровъ, напился пьянъ. Его напоилъ Егоръ Абрамовъ. Купить рубахъ денегъ нѣтъ, на водку есть. Нѣтъ пищи; сколько времени уже пьетъ семья выварки, ѣстъ „черный бутугасъ" (похлебку). Повернувшись спиной къ камельку, упершись на колѣни, положивъ голову на руки, сидитъ Мина Егоровъ. Около, прижавшись къ отцу между колѣнъ, стоитъ младшій сынъ Мины Егорова. Мина чувствуетъ теплоту его тѣла. Давно уже не курила жена Мины Егорова. Бѣдность, нужда гнететъ ее; она не видитъ выхода.. Тамъ, далеко въ прошедшемъ,—достатокъ, почетъ. Къ нему возвратиться нельзя. Этотъ достатокъ, почетъ былъ здѣсь, въ домѣ ихъ, въ домѣ Мины Егорова.. Это было такъ давно. Вспоминанія о

[1]) Выше: въ 1892 г. *Ред.*

немъ, объ этомъ достаткѣ, нуждою и трудомъ изгладились изъ памяти бѣдной женщины, осталось одно смутное сопоставленіе... Хотонъ, коровы, починка рваной одежды притупили воображеніе.—Нѣтъ картинъ прошлаго, некуда уйти.. Отъ коровъ, хотона въ лѣсъ не уйдешь. Хотонъ, коровы, масло, хаякъ (якутское масло)—для другихъ; выварки, черный бутугасъ и кучи старыхъ отрепьевъ рубахъ—для нея... Возмущеніе, протестъ растетъ безсознательно. Накопляется энергія бѣдной женщины для протеста, борьбы... Психическій зарядъ силенъ. Старая женщина привскакиваетъ, дрожь нервная пробѣгаетъ по всему тѣлу; Авдотья дѣлаетъ взмахъ руками. Она чувствуетъ притокъ силы, она менерячитъ. Въ ея менеряченьи нѣтъ конкретизація менеряченья колымскихъ якутовъ. Она не предсказываетъ, не говоритъ, что она—не она, что она—сильный духъ. Она просто поетъ пѣсни изъ героическихъ сказаній, отрывочно, безъ связи. Одинъ выкрикъ, одно разряженіе безъ ясныхъ образовъ..

Покойно сидитъ Мина Егоровъ... Кажется, онъ безучастенъ. Это только кажется: онъ думаетъ о выходѣ, планъ у него готовъ. Онъ поѣдетъ завтра къ богатому якуту Оросину, дастъ „кабалу“ [1]) подъ масло, подъ станочныя деньги,—возьметъ „*убаһу*“ [2]), возьметъ кирпичъ чаю, возьметъ конецъ синей дабы..

Бѣдная женщина продолжаетъ разряжаться.. Она вскакиваетъ, машетъ руками, выкрикиваетъ мужественнымъ речитативомъ безсвязно отрывочныя фразы героическихъ пѣсенъ. Опять садится, опять вскакиваетъ.

Полчаса, м. б., не много болѣе, и разрядъ оконченъ. Безпомощно, ослабѣвшая, падаетъ она на руки Мины. Мина, поддерживая, помогаетъ ей, обезсиленной, лечь на оронъ... Все это Мина дѣлаетъ невозмутимо, какъ человѣкъ свѣдущій и привычный...

Назавтра Мина Егоровъ поѣхалъ къ Оросину.. Къ ночи онъ вернулся съ „убаһой“, кирпичомъ чаю, концомъ дабы и еще, въ дополненіе, съ фунтомъ сахару, съ фунтомъ табаку. У Мины довольный, торжествующій видъ. Его жена имъ довольна.

— Мой хорошій сынъ!—говоритъ онъ, нарочно картавя сквозь стиснутые зубы страстнымъ тономъ; лаская сына, нюхаетъ его голову, достаетъ изъ кармана кусочекъ обгрызаннаго сахару, кусочекъ черстваго хлѣба—остатки угощенія у Оросина—и вручаетъ сыну, ожидающему этой подачки...

Черезъ нѣсколько дней у Мины Егорова пиръ. Убитъ „убаһа“; на поскобленномъ столѣ лежатъ вынутыя изъ котла вареныя

---

[1]) Письменное обязательство.

[2]) Убаһа—жеребенокъ.

толстыя кишки „убаhи“; лежитъ вареная печень; лежитъ „*хаса*“ [1]). Жена набрасываетъ углей въ самоваръ... Мина рѣжетъ на части кишки. Онѣ налиты кровью съ кусочками жира, взмутовленною съ мукою и солью. Онъ дѣлитъ на всѣхъ: на присутствующихъ и на отсутствующихъ, отдѣльно живущихъ членовъ семьи. Они пріѣдутъ и съѣдятъ реально свою долю. Теперь, на пиру они присутствуютъ идеально.

Тутъ же сидитъ Егоръ Абрамовъ и еще два-три якута-бѣдняка; имъ тоже отдѣляется часть... Остро наточенный, для этого случая, якутскій ножъ въ рукахъ Мины; ножъ знаетъ самъ, какую часть нужно отрѣзать почетному Егору и бѣднякамъ-гостямъ... Бѣдняки, съ плохо скрываемымъ ожиданіемъ яствъ, смотрятъ на описанный ножъ—центръ ихъ предстоящаго наслажденія... Егоръ сидитъ съ достоинствомъ, но не безъ интереса,—ему, Егору, не каждый день приходится ѣсть любимую пищу якутовъ—вареную конину. Егоръ занятъ и другой болѣе важной комбинаціей... Онъ занимается контрабандной торговлей водкой.. Теперь дѣлаетъ подсчетъ, сколько и что можно взять отъ Мины за бутылку или двѣ водки, и соображаетъ, какъ это сдѣлать. Чтобы избавиться отъ непріятности со стороны жены Мины, онъ ее угоститъ...

Наслажденіе пищей въ полномъ разгарѣ. Мина облизывается, посылая въ ротъ жирные куски кишки. Онъ виновникъ общаго наслажденія.. Всѣ невзгоды забыты. Онъ чувствуетъ себя счастливымъ... Егоръ угостилъ водкой его, Мину и его жену, съ соблюденіемъ обычая далъ и гостямъ. Незамѣтно Егоръ перешепнулся съ Миной. Послѣ пира они вышли вдвоемъ и направились въ юрту къ Егору Абрамову... Прошло менѣе часа. Жена Мины Егорова успѣла поѣсть изъ своей доли, прибрать въ амбаръ доли другихъ, отсутствующихъ. Успѣла прибрать все со стола. За дверями шумъ. Возня... Отворяется дверь. Егоръ съ трудомъ протискиваетъ сильно охмѣлѣвшаго Мину Егорова.. Шатаясь изъ стороны въ сторону, добрались друзья до орона.. Мина Егоровъ не хочетъ разстаться съ другомъ. Онъ не хочетъ выпустить его изъ своихъ пьяныхъ объятій... Мина чувствуетъ себя на верху блаженства... Навалившись на Егора, онъ сиплымъ голосомъ речитативомъ поетъ на ухо Егору пѣсню изъ якутскихъ былинъ.. Терпѣливо выноситъ это Егоръ Абрамовъ, поддакивая ему поощряющими мѣстоименіями: „Ноо! Нуу!“ Онъ сбылъ выгодно двѣ бутылки плохой водки, теперь можно перенесть маленькую непріятность въ теченіе часа-другого...

[1]) Брюшной жиръ.

Послѣ неудачной попытки опять итти къ Егору, Мину укладываютъ спать... Укладываясь, онъ бормочетъ какія-то слова... Мина Егоровъ заснулъ... Въ юртѣ тишина; съ ороновъ слышенъ храпъ всѣхъ тоновъ... Внезапно тишину нарушаетъ речитативъ-выкрикъ. Это послѣднія волны психическаго разряженія Мины Егорова. Онъ, охмѣлѣвшій, во снѣ чувствуетъ себя героемъ и безсвязно выкрикиваетъ речитативомъ слова якутской былины.

Назавтра все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Каждый будетъ тянуть свою лямку, накопляя недовольство своимъ положеніемъ, впредь до того момента, пока сила накопленнаго недовольства не выльется въ ту или иную форму психическаго разряженія...

6. 1885—86 г. Жулейскій наслегъ, Ботурусскій улусъ, Якутскій округъ.

Богатый якутъ Васильевъ женатъ на сравнительно молодой, впечатлительной якуткѣ. Ея впечатлительная натура ищетъ ласки, любви, мужъ—только животнаго удовлетворенія. Не отдавая себѣ отчета, она чувствуетъ неудовлетворенность. Неудовлетворенность накопляется, отсутствіе соотвѣтствующаго разряда въ союзѣ брачномъ даетъ другой выходъ. Желающая любви и ласки женщина идетъ въ лѣсъ, садится, въ 100—200 шагахъ отъ своей юрты, въ лѣсу подъ деревомъ. Оставшись вдали отъ юрты мужа, сама со своимъ внутреннимъ міромъ, она разряжается, изливая безсознательно, въ пѣніи сильныхъ героическихъ пѣсенъ, свою душу... Женщина, жена Васильева, менерячитъ...

У насъ, людей высшей культуры, власть факта сильнѣе каждаго отдѣльно взятаго лица... Мы далеко уже ушли отъ первичныхъ формъ. У насъ истерика и падучая уже не разряженіе; онѣ, эти формы, потеряли свою субъективную конкретность непосредственныхъ личныхъ настроеній, стали, такъ сказать, абстрактными, перешли въ болѣзни,—стали проявленіями не психическаго міра субъекта, а его нервной системы. Истерика и падучая—такіе же пережитки въ психическомъ мірѣ человѣка, какъ хвостцовые позвонки, придатокъ слѣпой кишки и т. п. пережитки въ физіологическомъ мірѣ человѣка, указывающіе на происхожденіе его отъ низшихъ органическихъ формъ. Разряженіе перешло въ заболѣваніе. Заболѣваніе слабо—помогаютъ бромистые и другіе препараты; сильно—нужна цѣлая система лѣченія.

В. Даниловъ.

ОТДѢЛЪ II.

„Два Брата".

Остяцкая легенда[1]).

Въ 350-ти верстахъ отъ Тобольска, внизъ по теченію рѣки Иртыша, есть мѣстность, называемая „Два Брата",—это двѣ горы: одна по правую сторону рѣки, другая—по лѣвую. Правая гора стоитъ отвѣснымъ утесомъ надъ самымъ берегомъ и омывается водою, отчего бываютъ частые обвалы. Лѣвая гора отъ Иртыша находится въ полуверстѣ; она представляетъ изъ себя островъ, такъ какъ притокъ Иртыша кольцомъ обогнулъ ее. Отъ стороны Иртыша эта гора имѣетъ семь уступовъ, какъ бы лѣстницу; вся гора обросла тальникомъ, лѣсомъ, разными растеніями, и очень живописна. На самой вершинѣ горы, во всю ея длину, есть три рва, или канавы, глубиною до 1-й сажени, а шириною отъ полутора до двухъ аршинъ. Эту гору Остяки называютъ „Чугасъ", или „Городъ".

На этихъ двухъ горахъ,—какъ передаетъ остяцкая легенда, —жили когда-то два князя, братья-богатыри; старшій братъ жилъ на правой горѣ, а младшій—на лѣвой; перваго звали Цингайда, а второго Теборетомъ. Старшій братъ былъ холостъ и о женитьбѣ не помышлялъ, а младшій надумалъ жениться и высматривалъ себѣ невѣсту. Жили они дружно и имѣли одинъ топоръ, который, въ случаѣ надобности, перебрасывали другъ другу черезъ рѣку.

Теборетъ былъ сильнымъ и славнымъ богатыремъ и имѣлъ много подданныхъ. Отъ нападенія враговъ его подданные защищались бревнами, которыми бросали въ непріятеля съ вершины утеса; но враги были умнѣе: они имѣли луки и стрѣлы

[1]) Легенда эта записана сельскимъ писаремъ одного изъ селъ прииртышскихъ, нынѣ уже покойнымъ Матвѣемъ Константиновичемъ Батуринымъ, отъ котораго она перешла въ собственность бывшаго издателя „Сибирскаго Листка" А. А. Сыромятникова. Съ любезнаго разрѣшенія послѣдняго мы и помѣщаемъ ее. *Хр. Лопаревъ.*

и превосходно стрѣляли, такъ что бороться съ ними Теборету было невмочь. Желая помочь этой бѣдѣ, Теборетъ собралъ на совѣтъ своихъ подданныхъ Остяковъ и шамановъ. Они посовѣтовали своему князю обратиться съ молитвой къ богу, и Теборетъ, послушавъ ихъ совѣта, принесъ въ жертву лучшаго быка и сталъ громко молиться, прося бога дать и ему какое-либо оружіе для защиты отъ врага. По окончаніи жертвоприношенія и молитвы всѣ легли спать, а на утро, когда Теборетъ вышелъ изъ своего шалаша, то увидѣлъ столъ, а на томъ столѣ лежалъ огромный лукъ и стрѣла.

Князь очень обрадовался, и, желая испробовать дѣйствіе оружія, пустилъ стрѣлу прямо вверхъ. Лишь только стрѣла взвилась, какъ поднялся сильный громъ,—такой сильный, что Чугасъ задрожалъ; всѣ страшно перепугались, даже самъ богатырь испугался. Громъ этотъ былъ слышенъ по всей окрестности и даже въ Кондѣ. Но вотъ все стихло и стрѣла упала неподалеку отъ шалаша Теборета и вся ушла въ землю, такъ что изъ земли былъ виденъ лишь маленькій кончикъ. Князь хотѣлъ ее вытащить, но не смогъ; пробовали и другіе, но тоже не могли, а потому стрѣла и осталась въ землѣ; лукъ же положили на столъ, на прежнее мѣсто.

Прошелъ день, прошла и ночь. На утро выходитъ князь изъ шалаша и видитъ, что на столѣ, вмѣсто оставленнаго лука,—лежитъ громадный мечъ съ золотымъ эфесомъ. Этотъ мечъ такъ сильно блестѣлъ, что простому человѣку смотрѣть на него было невозможно,—а если кто взглянетъ, тотъ падаетъ безъ чувствъ; на этотъ мечъ безнаказанно могъ смотрѣть только одинъ князь. На мечѣ была сдѣлана надпись: „отъ Турымъ-Санги [1]): далъ я тебѣ лукъ и стрѣлу, но ты не умѣлъ ими пользоваться и стрѣлялъ въ небо, чѣмъ оскорбилъ Турымъ-Сангу. Поэтому лукъ отъ тебя отымается, а взамѣнъ него вотъ тебѣ мечъ: имъ побѣждай враговъ“.

Прочитавъ ту надпись, Теборетъ собралъ подданныхъ и разсказалъ имъ, какъ онъ, по легкомыслію, оскорбилъ бога, и вмѣсто лука теперь получилъ мечъ. И взялъ тотъ мечъ, желая показать его народу; но при одномъ взглядѣ на мечъ всѣ попадали отъ страха, а тѣ, которые стояли поближе—оказались мертвыми. Тогда князь положилъ мечъ на столъ, а самъ сталъ молиться и принесъ богу благодарственную жертву. И съ тѣхъ поръ, какъ только непріятель нападалъ на его городъ, то князь

---

[1]) Турымъ-Санга,—это, по остяцки,—богъ.

одинъ выходилъ противъ цѣлаго войска, имѣя въ рукахъ свой чудодѣйственный мечъ. Какъ только враги увидятъ мечъ, то ближніе падаютъ, а дальніе, кто можетъ, спасается бѣгствомъ; а если князь взмахнетъ тѣмъ мечомъ, то стоящіе кругомъ падаютъ мертвыми, какъ подкошенная трава.

Вскорѣ слава про князя-богатыря и его славный мечъ разнеслась по Иртышу, по Кондѣ (притокъ Иртыша) и Оби, до самаго Обдорска.

Вздумалось Теборету жениться и пригласилъ онъ къ себѣ на совѣтъ старшаго брата Цингайду. Послѣдній очень одобрилъ намѣреніе брата и сказалъ, что очень тому радъ, такъ какъ оба они уже не первой молодости, а наслѣдниковъ не имѣютъ.

И сталъ Теборетъ собираться въ путь—искать невѣсту, а брата попросилъ остаться въ городѣ для защиты его отъ враговъ.

Теборетъ поѣхалъ въ Конду, потому что слышалъ, что у Кондинскаго князя есть красавица дочь-невѣста. Взялъ Теборетъ съ собою трехъ богатырей: Катьнаръ-Игу, который славился тѣмъ, что могъ въ одинъ присѣстъ съѣдать семь быковъ; Сотника-Игу, славнаго своею силой—онъ садился на землю, бралъ въ руки лѣсину или желѣзо, въ родѣ большого лома, и его никто не могъ сдвинуть съ мѣста; Воксаръ-Игу, который славился удальствомъ бѣгать скоро,—такъ скоро, что догонялъ лисицу.

Въ сопровожденіи этихъ трехъ витязей, а также большой свиты и народа пріѣхалъ Теборетъ въ Конду. Кондинскій князь принялъ ихъ съ большою почестью и велѣлъ заколоть большого быка, но Теборетъ сказалъ князю: „что это ты только одного быка велѣлъ заколоть?!—тутъ и одному ѣсть нечего! Вотъ этотъ молодецъ одинъ съѣдаетъ по семи быковъ за-разъ".

Появился князь и велѣлъ заколоть еще семь быковъ.

Всѣ стали ѣсть, веселиться и показывать свою удаль. Сотникъ-Ига сѣлъ на землю, взялъ въ руки ломъ и предложилъ присутствующимъ попытаться сдвинуть его съ мѣста. Но сколько ни пробовали—никто не могъ его поднять, ни каждый порознь, ни всѣ вмѣстѣ.

Тогда Воксаръ-Ига предложилъ бѣжать съ нимъ взапуски. Оказалось, что никто его не могъ догнать. Тогда выпустили черную откормленную лисицу и собакъ: собаки не могли догнать лисицы, а Воксаръ-Ига ее догналъ и поймалъ, чему всѣ очень дивились.

Когда пиръ кончился, Теборетъ сталъ сватать за себя княжну, говоря, что, если не отдадутъ добромъ, то все равно

возьмутъ ее силой. Жалко было Кондинскому князю отдавать свою дочь въ чужія руки, но видъ богатырей и ихъ угроза подѣйствовали; скрѣпя сердце, князь отдалъ дочь.

Женившись, Теборетъ собрался въ обратный путь, а Кондинскій князь, проводивъ зятя, пожалѣлъ, что отдалъ дочь, весьма досадуя на свое малодушіе. И собралъ онъ богатырей и народъ, и послалъ ихъ въ догонку къ Иртышнымъ богатырямъ, наказавъ, чтобы, когда настигнутъ ихъ, выждали ночного времени и сонныхъ перебили, а дочь привезли бы обратно домой. Но Иртышные богатыри оказались хитрѣе: они замѣтили, что Кондинскому князю жалко было отдавать дочь, потому были насторожѣ и ночью ставили караульныхъ. Караульные, какъ только замѣтили опасность, тотчасъ подняли тревогу и всѣхъ разбудили; Теборетъ взялъ свой мечъ и всѣхъ Кондинскихъ людей перебилъ, а самъ, съ женою, благополучно достигъ своего княжества.

Теборетъ очень полюбилъ свою жену, отъ нея онъ прижилъ двухъ дѣтей, сына и дочь. Прошло много лѣтъ, и дочь Теборета стала 20-лѣтней красавицей; сыну же въ то время было всего 12 лѣтъ.

Узналъ Обдорскій князь, что у его сосѣда—князя Иртышнаго—есть дочь-красавица, и поѣхалъ со свитой и народомъ сватать ту княжну.

Пріѣхали въ юрты *Сарашкія* къ богатырю Воксаръ-Игѣ и попросили его дать имъ въ проводники сына, потому что плохо знали дорогу.

Воксаръ-Ига сына отпустилъ, но заказалъ ему, чтобы онъ ихъ повелъ въ другую сторону, будто ошибочно.

Это Воксаръ сдѣлалъ для того, чтобы выгадать время, успѣть заблаговременно предупредить Теборета о прибытіи Обдорцевъ и сообщить ему цѣль этого посѣщенія.

Сказано,—сдѣлано. Сынъ Воксара повелъ обдорцевъ въ совершенно противуположную сторону и, только пройдя верстъ съ 10-ть объявилъ, что ошибся въ направленіи, а тѣмъ временемъ Воксаръ-Ига сбѣгалъ къ Теборету и разсказалъ ему обо всемъ, прибавивъ, что Обдорцы угрожаютъ взять невѣсту силой, въ случаѣ, если Теборетъ не захотѣлъ бы отдать ее добромъ.

Выслушавъ Воксара, князь тотчасъ пригласилъ къ себѣ брата и сталъ съ нимъ совѣтоваться: слѣдуетъ отдавать дочь за Обдорскаго князя, или нѣтъ. Подумавъ, Цынгайда объявилъ, что племянницу за Обдорскаго князя отдать можно, потому что князь тотъ сильный витязь, славный по всей Оби.

Рѣшивъ на этомъ, Теборетъ встрѣтилъ гостей съ большою почестью,—онъ созвалъ много витязей и богатырей и устроилъ пиръ великій.

Женившись, Обдорскій князь сталъ собираться въ обратный путь. Передъ самымъ отъѣздомъ, Обдорскому князю и его свитѣ пожелалось взглянуть на славный мечъ Теборета, но Теборетъ показать меча не хотѣлъ, отговариваясь тѣмъ, что видъ меча могъ бы повредить гостямъ. Но такъ какъ Обдорскій князь настаивалъ, то Теборетъ вынесъ мечъ, но въ чехлѣ, и, надѣвъ его, показалъ только одинъ эфесъ. Но и этого было достаточно: отъ сильнаго блеску всѣ попадали и лежали ничкомъ нѣсколько времени. Однако, очнувшись, они вновь стали просить показать имъ всю саблю, и Теборетъ, уступая ихъ желанію, вынулъ саблю до половины.

Отъ вида сабли многіе изъ простого Обдорскаго народа померли отъ страха, а князья много времени были безъ чувствъ. Очнувшись, князья стали завидовать такой саблѣ и придумывать способъ завладѣть ею.

И придумали пригласить Теборета проводить ихъ, намѣреваясь, когда послѣдній сядетъ въ лодку, столкнуть его въ воду, а такъ какъ онъ былъ въ кольчугѣ, то утопить его не представлялось трудности. Теборетъ, не подозрѣвая заговора, пошелъ проводить зятя и дочь, а сынъ его вышелъ на нижній уступъ Чугаса и сталъ на утесъ. Этотъ сынъ разстраивалъ весь планъ Обдорцевъ, а потому они придумали убить сначала сына, а уже затѣмъ утопить отца. Съ этою цѣлью они вызвались показывать свое искусство въ стрѣльбѣ, и стали стрѣлять изъ лука въ разныя стороны, а затѣмъ, будто ненарокомъ, убили молодого князя. Теборетъ вступалъ уже въ лодку, какъ услыхалъ крикъ своихъ подданныхъ, что сынъ его убитъ.

Въ страшномъ гнѣвѣ вынулъ Теборетъ свой мечъ и перебилъ всѣхъ Обдорцевъ, не пощадивъ и своего зятя. Въ живыхъ оставилъ только трехъ человѣкъ, которыхъ отпустилъ обратно въ Обдорскъ, наказавъ имъ, чтобы они передали своимъ о томъ, какъ онъ расправился съ неблагодарнымъ княземъ и его витязями.

Дочь свою Теборетъ увелъ къ себѣ и вмѣстѣ съ нею сталъ оплакивать смерть возлюбленнаго сына.

Теборетъ прожилъ до глубокой старости и больше никакихъ злоключеній не имѣлъ. А если случалось, что враги отваживались нападать на его городъ, то онъ, благодаря своему мечу, всегда ихъ побѣждалъ и прогонялъ.

М. Батуринъ.

Сибирскія пѣсенныя старины.

(Окончаніе).

60.

Не кокушечка кокуетъ во сыромъ бору,
Не дѣвонюшка слезно плачетъ,
Понапрасну слёзы льетъ.
Какъ, *говоритъ*, мнѣ не плакать,
Какъ мнѣ не тужить,
Одинъ то одинъ у насъ садъ зеленой
И сталъ онъ, *говоритъ*, садикъ подсыхать,
Одинъ-то онъ одинъ у насъ другъ любезной
И сталъ онъ, другъ, уѣзжать.
Я съ тово-то сгоря́ и кручины розгулятьца пойду,
Зайду-то я зайду на новую на пашню,
Во весь день я буду сидѣти
И на родимую на сторонку и на веселую буду глядѣти.
Со родимой со сторонки дуетъ вѣтеръ холоденъ,
Со край, говоритъ, со сторонки молодой куливеръ бѣжитъ.
Куливертичекъ ты, сизой голубчикъ,
Ты куды скоро бѣжишь?
Я говоритъ бѣгу и лѐчу,
Лѐчу къ душѣ Машѣ
И письмо Машѣ несу
Несу письмо подъ чэрнымъ сургучомъ

Д. Кеж. Заимка. Евгр. Поповъ.

61.

Куды миленькій задумалъ по дорожкѣ?
Въ чисто поле на́ лугъ на долину.
При да́линушѣ стоитъ кустъ малины,
Подойду я къ кустику поближе,
Поклонюсь пониже;
Сорву я съ кустика вѣтку,
Поставлю вѣтку въ клѣтку,
Стой-ко ты вѣточка въ клѣточкѣ,
Стой и не матайся
Жи́ви-ко ты, моя милая, не печалься,

Письмамъ ко мнѣ отвѣчайся.
Отвѣчать бы я тобѣ отвѣчала,
Писать сама не сумѣю
Писарямъ плутамъ не довѣрю,
Напишу-то я письмо ни перомъ ни чернилами,
Напишу-то я письмо горечми слезамъ,
Отошлю я письмо со друзьями,
Съ буйными со вѣтрами.

Д. Кеж. Заимка. Н. Заборцева 17 л.

62.

Ростаяжны прокляты комары!
Не даютъ то мнѣ раздѣвчо̀нкѣ ночку спать;
Чуть заснула пробудилась на расвѣтѣ молода,
Слышу-вижу на окошкѣ соловья;
Ра̀зсоловьюшко некланятьца, сидитъ,
Я младёженкя по горенкѣ хожу,
Частымъ грёбешкомъ русы волосы чешу
И ра̀скажинный день въ окошичко гляжу,
Гдѣ бы, гдѣ-бы мнѣ милова увидать
И во глаза ему, мерзавцу, попенять
„Ра̀зсукинсынъ-бездѣльникъ, пошто отъ красоточки отсталъ?
За̀чѣмъ, по̀што негодяйку любить сталъ?
Она разсука блѣдна, негодна никуда,
Лицо бѣло призогорѣлое
Очи ясны помутилися у неё-те
Чэрны брови какъ у ясна сокола“.

С. Богучаны. Марко Мутовкинъ.

63.

Я стояла примѣчала
Какъ рѣка быстро течетъ
Рѣка быстра, во̀да чиста
Какъ у милова слеза.
Не прогнѣвайся, другъ мой милой,
Што я буду говорить.
„Ты родителёвъ боишься,
Ты не хочешь миня любить.
Я не во̀всѣ дѣвка глу̀па,
Нѐ совсѣмъ я сирота̀,
Есь отецъ и есь мать,
Есь и два брата-сокола̀,
Два воро̀ные коня̀,
Два воропенькія,
Два черкацкія сѣдла̀,
Два була̀тные ножа̀,
Ужъ я етими ножами

Буду милёнка торзать —
Ты разсукинъ-сынъ мошенникъ!
На дорожкѣ догоню, (2 р.).
Твоё тѣло испорю,
Съ твово бѣла тѣла,
Пирожковъ я напечу,
Съ твой алой кро́ви
Я наливочку сварю,
Изъ твоихъ костей-суста̀вовъ
Кроваточку сдѣлаю" [1]).

С. Кежемское. Ѳекла Кокорина (подростокъ).

64.

Ужъ вы, дѣвки красныя,
Не ходите вы скоро заму́жъ!
Не ровно то замужъ выйдетца
Не ровёнъ то мужъ навяжитца,
Не ровёнъ то мужъ-неровнюшкя,
Не опуститъ погулять;
А хоть опуститъ,
Самъ съ окошичка глядитъ.
Ужъ онъ пьяница-пропоица, зеленые глаза!
Съ кабаку-то идетъ шатаетца,
На сырой землѣ валяитца,
Надо мной младой изголяитца.

С. Кежемское. Ф. Кокоринъ.

65.

Ночи мои, ночи мои были тёмныя!
Надоѣли вы, мои ночи, надоскучили,
Съ милы́мъ дружкомъ разлу́чили!
Со милы́мъ дружкомъ я разругалась, ращиталась;
Назвала я дружка горькой пьяницей,
Пьяницей-пропойникомъ,—пропилъ промоталъ
Все житье-бытье, имѣнницо;
Во кабакъ идетъ-шатаетца,
Съ кабаку идетъ-валяетца;
Надъ своёй ту жоной изголяется;
Заставляетъ онъ жону раззувать-роздѣвать;
Отворяй ко, ты, жона, воротичка,
Опускай ко ты мужа̀—разбойничка!

Д. Кеж. Заимка. Н. Заборцева, 17 л.

Сходные варіанты отмѣчены у А. Соболевскаго. („Великор. нар. пѣсни", т. V, стр. 278—279; №№ 356 (Тамбов. г.), 357 (Тульская г.), 358 (Пермская), 359 (Вятская „Хоровая"). Встрѣчается у А. Соболевскаго.

---

[1]) Поется въ Кежемской и Пинчужской в.в.

66.

У ку́бчика было у богатова
Случилось злое несчясьицо,
Вороныхъ коней поймали,
На шолковой на уздицѣ споймали;
Да молодая жона мужа спотѣшила,
Да вострымъ ножомъ серцо спорѣзала,
На ножичкѣ ретиво сердечко стрепехнулося,
Стрепехнулося,—молода жона ужа́хнулася,
Ужахнулася и усмѣхнулася:
„Што ты, мой мужъ, буйну голову повѣсилъ“?
—„Жона ты, моя курва-разбойница,
Загубила ты мою буйну головушку!“

Д. Дворецъ. Крестьянинъ-ангарецъ.

Сходныя по сюжету съ этой пѣснею отмѣчены А. Соболевскимъ. („Великорус. нар. пѣсни“, т. I, стр. 185—191; губерніи: Саратовская, Астраханская, Рязанская, Вятская, Вологодскій у., Тульская и „Пѣсенники“, 1780 и 1810 г.г.).

67.

Знать то по сѣничкамъ мнѣ не хаживати,
Старова чорта не важивати.
Прялочку взяла, на посидѣночку пошла;
Ку́ры то запѣли, я сижу таки сижу;
Вто́ры то запѣли, я не думаю ити;
Чуть зоря занялась, я млада собралась—
Прялочку подъ лавочку, за старова лягла.
Курва-жона, не сичасъ ли ты пришла?
Старой чортъ, тебѣ брезжитца:
Я хочу вставать, хочу печку топить;
Печку топить, тибѣ кашу варить,
Тибѣ кашу варить, тибя старова кормить.
Я для старова сама не лиха—
Старой дли миня таки добръ, таки добръ;
Я дли старова сама не лиха:
Петелькю на шею набрасывала,
Душѣ-милому кубцу подала:
„Милой, подтяни, душа-радость, подтяни,
Подтяни ко подтяни, душа-радость, подтяни!“
Старикъ захрапѣлъ, ровно спать захотѣлъ;
Выпучилъ глаза, ровно сердитца;
Вывалилъ языкъ, ровно дразнитца.

Д. Кежем. Заимка. Парень 17 лѣтъ.

68.

Веселый пиръ-бесѣдушка, гдѣ батюшко пьетъ;
Онъ пить то не пьетъ, родимой мой, за мною все шлетъ.
Какъ я то млада младешинька замѣшкалася,
За гусемъ и за лебедемъ, за журачкой
И за мелкой птицей, за сѣрой утицей.
А какъ журачка по бережку похаживаетъ,
Муравую травеньку пощипливаетъ,
Ключеву водицю прихлебываетъ,
За рѣченьку за быструю посматриваетъ.
Стояло тамъ селеннйцо—четыре двора,
Въ етомъ во селенницѣ—четыре кумы.
Ужъ вы, кумушки, подруженьки, голубушки мои!
Пойдете во зеленъ садъ—возьмите миня;
Вы станите цвѣточки рвать—сорвите мнѣ;
Вы станите вѣночки вить—завейте мнѣ;
Пойдете вы на Дарью рѣку—возмите миня;
Тамъ станите вѣночки бросать—бросьте-ко мой.
Всѣ вѣночки по верху воды;
У всѣхъ то милые дружья да съ Дону пришли,
А моево то дружка съ Дону нѣту-ка!..

С. Ужуръ. Анна С. и Надежда Ел. Ананьины (замужнія).

Подходящій варіантъ у А. Соболевскаго (т. II, стр. 216, № 262 и др.).

69.

Не калинушка съ малинушкой—лазоревой цвѣтъ...
Веселая бесѣдушка, гдѣ миленькой пьетъ.
Онъ пьетъ то не пьетъ, голубчикъ мой,
За мною младою шлетъ.
А я то, молода-младешенка, замѣшкалася
Не за утками, не за гусями и не за лебедямъ,
А за малою за пташкой, за журенкою.
Не журавлюшка по бережку похаживаетъ,
Камышъ-травку шелковую поклявываетъ,
Ключевой воды принйвуетъ,
Какъ за рѣченьку за быстру посматриваетъ.
По за рѣченькой по за быстрою слободка стоитъ,
Не малая ета слободушка—четыре двора,
А во етой во слободушкѣ—четыре кумы.
Вы, кумушки—голубушки, подружки мои,
Вы кумитеся любитеся—любите миня,
Вы пойдете гулять во зеленъ садъ—возьмите миня,
Вы будете со травы цвѣты рвать—сорвите-ко мнѣ,
Вы будете вѣночки свивать—и совейте-ко мнѣ,
Вы будете на головки надѣвать—и надѣньте-ко на меня.

Д. Каменка. Ао. К. Кокоринъ.

Очень сходныя съ варіантами у В. Соболевскаго (т. II, стр. 216, 219 и 222; № 262 (Тверская и Рязанская губ., Донская обл.) № 266 (губ.: Нижегородская, Вологодская и Терская обл.).

70.

Я вечоръ, млада, во пиру была,
Во пиру была, во бесѣдушкѣ:
Я не мёдъ то пила, не наливочку,
Я пила, да млада, сладку водочку,
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила, да млада, изъ полуведра,
Изъ полуведра, черезъ край до дна.
Тёмнымъ лѣсомъ шла—не бояласл,
Чистымъ полемъ шла—не шаталася,
Ко двору пришла,—пошатнулася,
За верею̀шку ухватилася.
Верея, моя верею̀шка!
Поддержи миня, бабу пьяную,
Бабу пьяную, бабу хмельную!..

Г. Енисейскъ и др. мѣста. Е. Ефимова.

Весьма сходная съ такою же пѣсней, отмѣченной А. Соболевскимъ въ II, стр. 338, № 401 („Великорус. нар. пѣсни. Другіе сходные варіанты А. Соболевскимъ взяты изъ „Пѣсенниковъ“ [1]).

71.

Ва́нюша не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ,
Чэрной шляпой принакрылся,
Горючми слезми облился,
Родной мамушкѣ взмолился:
„Ужъ ты, мать моя родима,
„На́ што на горе ро́дила,
„Недоростикомъ женила?“
Жена мужа не взлюбила,
Постелёчку жоско слала,
Взголовьицо низко клала,
Адѣльцо́ комкомъ бросала,
Мнѣ мамка не родная,
Со кровато́чки столкнула,
Ручку-ножку извихнула.

Д. Кеж. Заимка. Бр. Пудовы.

72.

Со плохово времячка въ жаръ сѣно люди косятъ,
Не опустятъ меня доброва молодца и погулять,
Хоть и опустятъ размолодчика,
Не съ кѣмъ будетъ и погулять,
Распрекрасной души Шашонки нѣтука при мнѣ,
Распрекрасна душа Шашонка живетъ на той сторонѣ,
На той сторонѣ—во новой слободѣ.
Во той было стороночкѣ горы сто́ятъ высокі,
На етихъ горахъ стоятъ лѣса́ темны,

[1]) 1810, 1819 гг. Указаны записи въ губерніяхъ: Костромской (№ 402), Тамбовской (№ 403) и Вятской (№ 404).

За етимъ было за лѣсичкомъ лужка зелены,
Въ етихъ во лужкахъ стоятъ волости новы,
Во етихъ волостяхъ стоятъ стόлы дубовы,
За етимъ за стόличкомъ сидятъ писаря молоды—
Изъ нихъ одинъ расписарчичекъ, мальчишко-молодой,
Пишетъ письмо-грамотку Шашонькѣ своей.

С. Богучаны. Кр. Еф. Мутовинъ.

73.

Зéленая ты, кедрá, стоишь,
Подъ тобою я, кедрá, сижу,
Съ милымъ рѣчи баю-говорю:
„Нόвобразной, милой дрýжокъ мой!"
Не возлюбила же Мáша миня,
Пόлюбила же Мáша старика—
Девеносто ему семь лѣтъ,
Въ рόтѣ зýбовъ нѣтъ.
Пойду съ горя утоплюся,
Пойду я въ садикъ разгуляюся,
Пойду я въ садикъ удавлюся
На частымъ ракитовомъ кусту,
На шолковомъ своемъ поясу.

С. Богучаны. Марко Мутовинъ.

74.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала:
Солоду купила, хмелю взаймы взяла,
Пива наварила, гостей назвала,
Гостей назвала—мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка незваная пришла,
Незваная пришла—снигиря привела.
Совушка по горенкѣ похаживаетъ, (2 р.).
Снигирушкѣ головушку поглаживаетъ.
Мелки пташки межъ собою говорятъ:
„Што же ты, снигирюшко, не женишься?"
—„Радъ бы я женился—да неково взять!
Взялъ бы я пернатку—да матка моя;
Взялъ бы я чечетку,—да тётка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—чекотливая она;
Взялъ бы я ворону,—толстоносая она.
Есь за моремъ перепелочка—
Она мнѣ не мать, не тётушка, (2 р.).
Я ее люблю за себя замужъ возьму!"

Г. Енисейскъ и др. мѣста. Е. Ефимова.

А. Соболевскій („Великорус. народ. пѣсни", т. III, стр. 242—243; ближе всего сходные варіанты: № 294 („Пѣсенникъ", 1780 г., ч. I), 295 („Пѣсенникъ", 1819 г., ч. II) и 296 (Владимір. губ.).

75.

Нашъ товаришъ былъ пробойной,
По бѣлу свѣту да ушолъ.
Добрыя люди доказали:
Взяли Ваню во полóнъ,
Руки, ноги заковали,
Повели Ваню вострогъ.
Видитъ домичикъ огромной,
Кругъ оградой обнесенъ,
Тамъ посаженъ злой невольникъ,
Онъ навѣки осужденъ.
Съ того горя, со кручины
Онъ лѐжился спать одинъ,
Ему снится сонъ престрашной—
Чэрной воронъ прокричалъ...
Утромъ рано пробудился,
Хотѣлъ сонъ свой разсказать...
Отворили больши окошки,
Ключъ по камару прошолъ;
Ключникъ двери отпираетъ,
Поимянно вызыватъ:
„Выходи ко, злой невольникъ,
„Выходи, Кочневъ, сюда!"
Вышолъ Кочневъ за ворота:
Окружилъ-то ево конвой,
Руки, ноги заковали
Ко чугунному столбу,
Тѣло бѣло истерзали
На кинжалахъ, на ножахъ,
Серцо ало разорвали
Но по мелкимъ по частямъ.

С. Кежма, 1907 г. Бр. Ѳ. и Кокорины.

76.

Распослѣдней вечеръ я прохлаждался
Ой да, знать, у любуши Маши своёй.
Здраствуй-огъ, Любуша, прощай, сударка!
Ой да, знать, отъ уѣду я, мальчикъ, отъ васъ.
Знать уѣду я, да больше не пріѣду,
Ой да, что на тотъ погибельный Капказъ;
Разъ на томъ ли погибельномъ Капказѣ
Ой да тамъ построенъ ново-новой большой домъ;
Разъ во етомъ то было во домичкѣ
Ой да два солдати-ка, ой братца живутъ;
Какъ одинъ отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да хотѣлъ грудь съ тоски свою сразить;
Какъ другой отъ изъ нихъ братецъ-солдатикъ
Ой да свою голову срубилъ...
Покатилася ета головка
Ой да со могучихъ съ плечъ да моихъ.

С. Кежма, 1907 г. Ѳ. Т. Кокоринъ.

Изъ якутской старины.

Объ образованіи Баягантайскаго улуса, Якутскаго округа.

Нижеприводимый, въ буквальномъ переводѣ, разсказъ принадлежитъ перу якута Баягантайскаго улуса П. Е. Готовцева и переданъ мнѣ Л. Г. Левенталемъ, моимъ сотоварищемъ по Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896 гг.). Оригиналъ озаглавленъ такъ: „Разсказъ. Отъ образованія Баягантайскаго улуса изъ размножившихся родниковъ (якута по имени) Бāі-аға и присоединившихся (къ нимъ родниковъ) другихъ улусовъ до 10-й ревизіи".

Человѣкъ по имени Бāі-аға, очень умный и разсудительный, жилъ вмѣстѣ со своими многочисленными родниками въ мѣстности, ограниченной съ востока рѣкою Алданомъ и съ запада „травянистой рѣкой", называемой Танда [1]). Имена тогдашнихъ людей, вѣроятно, были тѣ же, которыми теперь называются рѣки, рѣчки, елани и покосные участки отдѣльныхъ лицъ, въ родѣ Танда, Тандағы [2]), Хаптаны, Дадар, Улуккутчу, Мӧгютчю [3]). Повидимому, это такъ и было въ дѣйствительности.

Когда они такимъ образомъ жили-множились, русскія власти сдѣлали слѣдующее распоряженіе:

— Для уплаты податей вамъ гораздо лучше будетъ раздѣлиться на отдѣльные наслеги; въ каждомъ наслегѣ у васъ будетъ тојон (господинъ, начальникъ), такъ называемый „князецъ" [4]); затѣмъ у всѣхъ васъ должно быть одно должностное лицо—„голова"; тогда васъ всѣхъ вмѣстѣ нужно будетъ писать и называть Баягантайскимъ улусомъ.

Согласившись на это, роды, по мѣстамъ своего жительства, образовали 1-й, 2-й и 3-й Баягантайскіе наслеги, нѣкоторые—Сасыльскій наслегъ, а тѣ люди, которые пришли сюда изъ мѣстности Kіllӓм [5]), Западно-Кангаласскаго улуса, образовали Кангаласскій наслегъ. Эти пять наслеговъ составили Баягантайскій улусъ.

---

1) Притокъ Алдана.

2) Находящійся на Тандѣ.

3) Л. Г. Левенталь, въ выноскѣ къ данному мѣсту прибавляетъ отъ себя: „и такія названія, какъ Кубалāх, Хамыстāх, Хатыстāх, Турујалāх, Ытык кюбl, О јӯн кюбl, Балыктāх и т. п. Кромѣ того, Симонъ Слѣпцовъ (якутъ Баягантайскаго улуса) утверждаетъ, что много есть названій тунгусскихъ".

4) Съ 1822 г. оффиціально называется старостой.

5) Нынѣшній Кильдемскій наслегъ.

История отдѣленія Кангаласскаго наслега и присоединенія его къ Баягантайскому улусу, по слухамъ, такова. Въ Западно-Кангаласскомъ улусѣ, въ мѣстности Кильдемскаго наслега, былъ, говорятъ, правнукъ Дыгын'а, внукъ Манысыт'а [1]), сынъ Бодомы (Водуома), по имени Курджага. Этотъ Курджага, вслѣдствіе притѣсненій и обидъ со стороны русскихъ, придумалъ слѣдующее:

— Если я поселюсь (гдѣ-нибудь) далеко, лучше будетъ, да и потомкамъ моимъ до поры, до времени необходимо жить въ вольной странѣ.

Убѣдивши сколько-то народу слѣдовать за собою, Курджага, со своими пятью сыновьями и скотомъ, отправляется на р. Яну.

Во время пути родной братъ Курджаги, старшій или младшій, вмѣстѣ съ двумя или тремя домочадцами, остался на берегу Алдана, въ мѣстности, занимаемой теперь Черинтейскимъ наслегомъ Дюпсюнскаго улуса. Нынѣ, среди немногихъ ихъ потомковъ, первымъ (лучшимъ) считается Василій Петровъ Поповъ [2]), пользующійся нѣкоторою извѣстностью.

Курджага со своими родниками достигаетъ Яны, гдѣ живетъ годъ или два.

Въ это время два члена его семьи дошли до Колымы, гдѣ размножились и образовали нынѣшніе 1-й и 2-й Кангаласскіе наслеги. Теперь они народъ бѣдный, въ пользу коего по области собираются пожертвованія.

Курджага же съ Яны отправляется на р. Оймяконъ [3]), въ мѣстность, называемую „Тöрют“ [4]), съ дѣтьми и своими родниками.

Тѣ нѣсколько семействъ, которыя были не въ состояніи сопутствовать имъ, остались на Янѣ и образовали одинъ наслегъ; главный изъ ихъ потомковъ нынѣ—Николай Васильевъ, состоящій улуснымъ головою.

Курджага, достигши Оймякона, прожилъ сколько-то лѣтъ, а когда умеръ, то сыновья похоронили его на могильномъ лабазѣ (арангас). Затѣмъ, его сынъ Сöртöх вмѣстѣ съ братьями и сколькими-то людьми ушли съ Оймякона къ устью р. Татты [5]), къ людямъ, жившимъ по рѣкѣ Тандѣ. Прочіе же остались жить (осѣдлились) на Оймяконѣ. Эти пришельцы, присоединившись къ улусу и произведя благопріятное впечатлѣніе своею разсудительностью, пополучали покосныя мѣста отъ поселившихся здѣсь ранѣе людей, а нѣкоторые получили благодаря жалобамъ главнымъ начальникамъ, вѣдавшимъ покосныя мѣста,—всего 48 остожій (сѣнокосныхъ участковъ) и при этомъ еще лѣтовья. На рѣку Оймяконъ вышло изъ Борогонскаго улуса много самыхъ отважныхъ людей, которые, размножившись, образовали Борогонскій [6]) наслегъ и присоединились къ Баягантайскому улусу.

Сверхъ того, Игидейскіе роды Таттинскаго [7]) улуса жили смѣ-

---

[1]) Манысыт значитъ пастухъ.
[2]) Умеръ въ первой половинѣ текущаго десятилѣтія.
[3]) Öймöкöн—собственно верховья Индигирки.
[4]) Тöрют значитъ: начало, происхожденіе, корень.
[5]) Притокъ Алдана.
[6]) Офиціально: Оймяконо-Борогонскій.
[7]) Офиціально: Ботурусскаго.

шанно вмѣстѣ съ баягантайцами,—жили мирно, даже породнились другъ съ другомъ. Изъ тогдашнихъ ихъ людей первымъ былъ, говорятъ, Александръ Андросовъ (якутское прозвище—Балан); говорятъ, что среди якутовъ это былъ лучшій и разумнѣйшій человѣкъ. Находясь въ такихъ мирныхъ и даже родственныхъ отношеніяхъ, люди эти присоединились къ Баягантайскому улусу, а затѣмъ, еще болѣе размножившись, образовали два наслега—такъ называемые 1-ый и 2-ой Игидейскіе.

Послѣ этого, вслѣдствіе увеличенія населенія въ 1-омъ Баягантайскомъ наслегѣ, въ улусѣ прибавился одинъ наслегъ—4-ый Баягантайскій.

Всего, такимъ образомъ, стало 9 наслеговъ съ населеніемъ въ 4.337 душъ мужского пола (по 10-ой ревизіи).

Во время производства послѣдней ревизіи, въ Баягантайскій улусъ, для повѣрки, выѣзжалъ чиновникъ Поротовъ. Поѣхавши на Оймяконъ, онъ велѣлъ отрубить голову старика Курджагіи, какъ некрещенаго, и увезъ ее въ Якутскъ, говоря, что она будетъ отослана въ Россію. Неизвѣстно, была ли она куда отправлена или нѣтъ.

Можно предположить, судя по свѣдѣніямъ изъ довольно стараго архива, что, за время отъ начала образованія улуса до 10-ой ревизіи, населеніе увеличилось почти вдвое.

Если послушать старыхъ людей, то, по сравненію съ прежнимъ временемъ, люди ростомъ (костью) стали меньше, а затѣмъ и простой чисто-якутскій умъ тоже претерпѣлъ перемѣну.

Вначалѣ, при образованіи наслеговъ, за исправное взысканіе князцами съ якутовъ податей отъ императрицы Екатерины II каждымъ изъ нихъ былъ полученъ въ 1766 году въ награду кортикъ—съ тѣмъ, что, по смерти князца, сынъ его становится такимъ же князцомъ и носитъ тотъ же кортикъ, какъ награду,—и такъ изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ Баягантайскомъ улусѣ голова появляется впервые, повидимому, въ 1793 году. Ниже приведены имена головъ за столѣтіе—по 1893 годъ.

Послѣ этого, была учреждена общая для всѣхъ якутовъ такъ называемая Степная Дума, въ которой главнымъ родоначальникомъ состоялъ отъ 1-го Баягантайскаго наслега Петръ Заболоцкій. Говорятъ, что якуты отказались отъ Степной Думы, ибо ею было израсходовано много денегъ изъ суммъ, опредѣленныхъ на народное продовольствіе, что̀ видно и изъ архивныхъ данныхъ [1]).

[1]) По архивнымъ свѣдѣніямъ, въ Степной Думѣ была растрачена большая часть денегъ, собранныхъ въ количествѣ 20.000 руб. для отправки въ Петербургъ депутаціи, которая должна была ходатайствовать о нуждахъ якутскаго народа. Въ растратѣ было замѣшано много богатыхъ и вліятельныхъ якутовъ. и дѣло о ней тянулось съ начала 30-хъ до 60-хъ годовъ мин. стол. „Въ 1838 году Степная Дума была упразднена по заключенію Главнаго Управленія Восточной Сибири, хотя тогдашній якутскій областной начальникъ высказывалъ мнѣніе въ пользу сохраненія этого учрежденія. Обязанности Степной Думы были распредѣлены между Земскимъ Судомъ и инородными управами“ [см. Памят. Книжку Якут. обл. на 1896 г., вып. 1, въ статьѣ (безъ подписи) Э. К. Пекарскаго и Г. Ф. Осмоловскаго: „Якутскій родъ до и послѣ прихода русскихъ“, гл. II].

СПИСОКЪ

головъ Баягантайскаго улуса (1793—1893 гг.).

1.	Тюöкюн [1]) Чегерекяновъ [2])	6 л.
2.	Никита Готовцевъ (Сëртëковъ [3])	3 г.
3.	Александръ Готовцевъ	4 г.
4.	Семенъ Назаровъ Калининскій	4 г.
5.	Петръ Заболоцкій	6 л.
6.	Андрей Сыромятниковъ	11 л.
7.	Петръ Постниковъ	6 л.
8.	Павелъ Сыромятниковъ (Бардыкы)	8 л.
9.	Ефимъ Заболоцкій	5 л.
10.	Михаилъ Бѣлолюбскій	2 г.
11.	Савва Егоровъ	4 г.
12.	Андрей Винокуровъ	2 г.
13.	Николай Заболоцкій	8 л.
14.	Иванъ Готовцевъ	2 г.
15.	Семенъ Неустроевъ	4 г.
16.	Михаилъ Готовцевъ	2 г.
17.	Димитрій Сыромятниковъ	2 г.
18.	Егоръ Булдаковъ	3 г.
19.	Яковъ Сыромятниковъ	9 л.
20.	Иванъ Егоровъ	3 г.
21.	Козьма Калининскій	3 г.
22.	Трофимъ Неустроевъ	3 г.
23.	Прокопій Сыромятниковъ	3 г.

Эд. Пекарскій.

[1]) Тюöкюн—значитъ мошенникъ, плутъ.
[2]) Якутское прозвище Чăгăрăкăн (мышь) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.
[3]) Якутское прозвище Сöртöх (см. выше въ текстѣ) съ русскимъ окончаніемъ *овъ*.

Печорскіе стихи и пѣсни.

(*Окончаніе*).

17.

Крестникъ [1]).

Жилъ былъ убогой человѣкъ,
Въ самой крайной скудости,
Въ безконечномъ роззореньи,
Роди у его жена сына.
Жилъ онъ въ градѣ Ондабурѣ,
Пошолъ себѣ онъ кума искать.
Того позовётъ, другого позовётъ,
Никто къ ему въ кумы не идётъ,
И всякой имъ гнушаетце.
Ходилъ, ходилъ никого въ кумы себѣ не нашолъ.
И зашолъ во церковь и бачько на него
Зычнымъ голосомъ кричитъ:
„Убогой человѣкъ, нищій“...
[Опять пошолъ убогой человѣкъ кума искать,
встрѣтилъ вельможу и говоритъ:]
„Я запасъ тогда воды, попа да позвалъ-жо,
Да принёсъ-то я бладеня двоелѣтного,
Не могли мы дождать кума въ Божьи-ти церкевь-же“.
Да рѣцетъ ему мужъ яко пресвѣтлая заря:
— Я то тебя не оммàну ноньце,
Да буду-то въ церковь къ вамъ да въ божію“,
Разошлись-де они съ нимъ невидимо,
Да бѣжитъ-то убогія, глупыя,
Прибѣжалъ-то убогія, глупыя,
Прибѣжалъ-то убогія ко жены своей,
Онъ радосно сказыватъ, обращаетъ ей:
„Я нашолъ не простого да кума-жо,
А вѣдь быть ему великому вельможе-то,
Когда вы окрестите этого блоденя-жо,
Когда вы окрестите, да отмолитвите“.—
Да пошолъ-де убогія, онъ вѣдь глупыя,

---

[1]) Дер. Устье.

Да понёсъ онъ младенца малолѣтного,
Онъ бладенца понесъ на третьёмъ году,
Запасалъ же воды въ купель-жо полную,
Призвалъ попа въ церковь, свешшенника,
Обжидаютъ они сиби хресного.
Да спустиша-же кресный отецъ бладенчу-то,
Да какъ вѣдь крестить ему бладеня-то,
Онъ вѣдь спрашиватъ: „како имя нарѣкци ему?“
Нарѣкли ему имя Властеномъ-жо;
Окрестили бладеня, оммолитвовали,
Отецъ-де вѣдь кресный его батюшко,
Онъ вѣдь далъ ему семнацеть златыхъ сребренныхъ,
Разошлись они изъ церкви изъ Божiей,
Да закрыша де въ церкви потолокъ теперь,
Укатиша теперь сончо правѣдно...

(Не конченъ).

18.

Коляда [1].

Коляда Маляда,
Не подашь пирога,
Обсеру ворота.
Снѣги на землю падали,
Перепадывали,
Со небесъ Христосъ
Со ангеломъ Гаврiиломъ,
Со Иванъ Причестиломъ
Присвята Мати Марiя
Во Божiю церкву ходила,
Божьей дани насбирала,
Руки къ сердцю прижимала
И провѣтчикамъ давала.
Вы, провѣтчики Христовы,
Вы провѣдайте про то,
Вы про то, про ново,
Про Христово Рожество.
Пришло Рожество
Господину подъ окно.
Ты ставай господинъ
Розбужай госпожу
Встрѣчей Рожество
Со ладономъ, фимьяномъ,
Съ воску ярвой свѣчёй,
Хлѣбомъ солью накорми,
Путь дорожку укажи,
Отъ села до села,
Голова весела,
Серчо радуетча.

---

[1]) Авд. Алек. Чупрова, с. Устьцильма.

У нашей-то матки
Телятка-то гладки,
Жеребята прядки (*дважды*),
Скачутъ черезъ грядки,
Копытчами щелкаютъ,
Хвостёмъ не задѣваютъ,
У нашой-то матки
Молóка-ти густы,
Сметаны толсты,
Масла жолты.

19.

Снѣги [1]).

Снѣги на землю падали,
Оци на небо взирали,
Со небесъ Христосъ
Што со дѣвою Маріей
Съ Богородицею,
Што со Ангеломъ Гавриломъ,
Со Архангеломъ Михаиломъ.
Присвята Мати Марія
Ко Божьей церкви ходила,
Богу дары приносила,
Люди на ноги ставали,
Божьи дары принимали,
Проповѣдниковъ искали.
Проповѣдайте про то
Што про книжное четьё,
Про церковно про пѣтьё,
Про Христово Рождество.
Прикатилось Рожество.
Да къ Миколаю подъ окно,
Ко Евгеньевицю;
Микулай—отъ господинъ,
Да ты ставай поранѣ,
Да руки мой побѣлѣ,
Да ты стрѣчей Рожество
Божьимъ ладономъ, съ темьяномъ,
Съ воску ярова свѣчёй.
Хлѣбомъ, солью накорми насъ,
Со двора спроводи,
Отъ двора до двора,
Да голова весела,
Да серцё радуитце,
Кабы намъ пѣвчямъ
Да по рюмоцькѣ виньця,
Да по стакашку пивця,
На закуску колача.

---

[1]) П. Г. Марковъ, д. Бѣдовой.

20.

Достойно удивленіе [1]).

Достойно есть удивленіе,
Духовному веселью.
Нынѣ на небеси здѣзда евисе,
Нынѣ свѣтъ свѣта произвѣщаетъ,
Бога нашего на землю объявляетъ.
Яко душнару (такъ!) насъ идётъ спросить,
Яко смиренно на землю Господь пріидетъ,
Насъ ради родися отъ пречистой дѣвы Маріи,
И родися яко бладенецъ,
Отъ пречистой дѣвы Маріи;
Пеленами сповиванъ,
И во яслехъ смерти предположися.
Персидскіе цари восходятъ,
Трои бладенцу дары приносятъ,
Злату, ливану и смирну,
Давшее ему противну.
Ангелы на небеси зѣло девятся.
Земнѣродны человѣчи объ томъ веселятся.
Торжествуйте, ликоствуйте
Воспѣвайте, возыграйте,
Славо Богу дайте.
Дай Богъ вамъ господамъ,
Господиновымъ жонамъ здраствовати,
Многая лѣта!

21.

Холостое виноградьё [2]).

Виноградьё красно зеленое.—
Ужъ во далече, далече,
Во чистомъ поли,
Што ищэ того подальше,
Во раздольичи,
Тамъ стоялъ, постоялъ
Бѣлъ полотненной шатёръ.
Што во этомъ во шатру
Столы дубовы стоятъ,
Столы дубовыя, ножки точеныя,
Ножки точеныя, позолоченыя.
Ужъ за этими столами
Красна дѣвича сидитъ,
Авдотья Филиповна,

[1]) П. Т. Марковъ.
[2]) Ив. Алексѣев. Чупровъ, сынъ слѣпого, Устьцыльма.

Она шила вышивала
Тонко бѣло полотно,
Тонко бѣло полотно,
Бѣлобархатно.
Во первой разъ вышивала
Красно солнце съ маревами,
Со теплыми облаками;
Во второй разъ вышивала
Свѣтелъ мѣсяцъ со лучами,
Со честыми со звѣздами;
Во третей разъ вышивала
Сыры боры со лѣсами,
Сыры боры со лѣсами
Со рыскучими звѣрями,
Со черными соболями;
Во четвертой вышивала,
Синё море со волнами,
Со черныма кораблями,
Со снастями, парусами,
Съ молодыма матросами;
На серёдку вышивала
Питеръ, Москву со дворцами,
Со большима со черквами,
Храмъ Никольской
Со попами, со дьячками,
Со чудныма со крестами.
Кабы былъ, кабы жилъ на другой стороны,
Ужъ бы взялъ бы я взялъ Авдотью замужъ за себя,
Лисицами, куницами обвѣшался,
Чернымъ-то бобрамъ да опоясался,
Острымъ-то копьемъ подпирается,
Не былыма-то рѣчеми похвалеется:
„Я бы взялъ, я бы взялъ Авдотью замужъ за себя.
Што по имени Иванъ-отъ Алексѣевичъ“.
Ты давай-ко, Иванъ, пошевеливайся,
Пошевеливайся, съ нами роздѣлывайся,
Ты роздѣлайся добромъ, принеси вина ведромъ,
Намъ по рюмочкѣ подай,
По рюмочкѣ винча,
По стакашику пивча,
Чтобы бѣжали голоса,
И на закуску колача,
На забаву дѣвича.

22.

Виноградьё [1]).

Виноградьё красно зелёноё,
Ужъ мы ходимъ-ле не ходимъ по Креню городу,
Виноградьё красно зеленое [2]),

[1]) Анисимъ Вокуевъ, дер. Уегъ, Устьцилеменск. вол.
[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ужъ мы ищемъ-ле не ищемъ господиновъ дворъ,
Господина-то Григорія Ивановича.
Господиновъ-то дворъ да на семи стоялъ верстахъ;
На семи стоялъ верстахъ да о восьмидесяти столбахъ,
О восьмидесяти столбахъ, да о семидесяти шинахъ,
Ой, на кажноемъ столбикѣ по маковкѣ,
Ой, на всякой-то маковкѣ по жамчужку,
Ай, на всякомъ жамчужку по свѣчкѣ горитъ.
Во середкѣ-то стояло ищэ три терема,
Три терема да златаверховаты,
Во первоёмъ терему да красно солнышко,
Во второёмъ терему да бладъ свѣтёлъ мѣсецъ,
Во третьёмъ-то терему да цясты звѣздоцьки;
Красно солнышко да тутъ хозяинъ во дому,
Што по имени Григорей-отъ Ивановичъ;
Бладъ свѣтёлъ мѣсяцъ да тутъ хозяйка во дому,
А по имени Иринья Екимовна;
Цястю звѣздоцьки то малы дѣтоцьки,
А по имени Иванъ-отъ Григорьевичъ,
Со любимъ-то своимъ со брателкомъ,
А по имени Василей-отъ Григорьевичъ.
А хозяинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
А хозяйка во дому да какъ оладья во меду,
Малы дѣтоцьки да какъ оладыцки.
Ай во далечѣ, далечѣ во чистомъ было поли,
Ай ищэ того подалѣ на украинкѣ,
Этамъ чей-же стоитъ домъ да чей высокъ-то теремъ,
Этамъ чья-же стоитъ нова горница,
Этамъ домъ стоитъ Григорья Ивановича,
Нова горнича Ирины Якимовны.
Прикажи сударь хозяинъ ко двору притти,
Ко двору-ту притти, да на крылечко затти,
На крылечко затти, да по новымъ сѣнямъ протти,
По новымъ сѣнямъ протти, да въ нову горенку затти,
Противъ матицы стать, да помолится кабы надь,
Помолитця бы надь, да чюднымъ образамъ,
Ужъ мы крестъ-отъ кладёмъ да по писаному,
А молитву творимъ мы полну Сусову,
На вси стороны четыри поклоняемся.
Затимъ здравствуешь хозяинъ всему дому господинъ,
Затимъ здравствуешь хозяйка всему дому госпожа,
Прикажи, сударь хозяинъ, виноградьё спѣть.
А хозянъ-отъ дарилъ да золоту гривну
А хозяйка-то дарила бѣлъ-крупищатой калачъ,
Малы дѣтоцьки вси по копеецьки,
Золоту гривну мы на кабакъ снесёмъ,
На кабакъ снесёмъ, мы на вини пропьёмъ.
Бѣлъ крупичатъ калачъ на закусочку;
Эти копеецьки да ужъ мы въ церковь снесёмъ,
Въ церковь снесёмъ, да мы молебны споёмъ,

Затимъ здравствуёшь хозяинъ всему дому господинъ,
Затимъ сдравствуешь хозяйка всему дому госпожа,
Затимъ здравствуйте вси малы дѣтоцьки,
Теперь съ нами молодцами да со чесными со гостями
Со чесными со гостями, съ виноградчиками.

23.

Пустозерское Виноградьё холостое[1]).

Виноградьё красно зеленоё,
Какъ во далече, далече во чистомъ поли,
Да Виноградьё красно зеленоё,[2])
Какъ ищэ того подалѣ во раздольичи,
Какъ во этомъ во храму со слезами богомолецъ
Богомолецъ Микулай-отъ Ивановичъ,
Въ три ряды его кудерцы да завивалисе,
Во первой разъ завивались чистымъ серебромъ,
Во второй разъ завивались краснымъ золотомъ,
Во третьей разъ завивались скатнымъ жемчугомъ.
Ищэ вси ему бояра дивовались молодцу,
Да всѣ дружья, братья хресьёна позавидовали:
„Ищэ хто тя, Микулай, да хорошого спосѣялъ
Да хто Ивановиця да пригожого спородилъ.
Да ищэ хто тя, Микулай, да вотъ бѣлешенькё умылъ,
Да хто Ивановиця да буйну голову чесалъ,
Да ищэ хто тѣ, Микулай, да русы кудри завивалъ
Да ищэ хто тѣ, Микулай, да хорошого снарядилъ,
Да ищэ хто тѣ, Ивановиця, да добра коня уздалъ,
Да кто Ивановицю да шолковъ поводъ подавалъ.
Ищэ хто у тя, Микулай, да шелкову плеть подавалъ,
Хто Ивановиця съ благословеньемъ провожалъ,
Ищэ хто тя, Микулай, путь дорожку указалъ?“
Какъ отвѣтъ держитъ удалъ добрый молодецъ.
„Ужъ вы, глупые бояра, неразумны господа,
Да хорошо меня спосѣялъ сударь батюшко,
Сударь батюшко Иванъ Васильевичъ,
Пригожого спородила родна маменька,
Родна матушка Марья Владимеровна,
Буйну голову чесала да родна сестриця,
Родна сестрица Лександра Ивановна,
Русы кудри завивала да родна сестрича
Родна сестрича Агнія Ивановна,
Меня бѣлешенько умыла Камогорская вода.
Хорошого снаредила родна сестрича,
Родна сестричя Люлія Ивановна,
Какъ добра коня сѣдлалъ да родной дедюшка

[1]) Пав. Григ. Марковъ, дер. Бѣдовая.
[2]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Родной дедюшка Владымеръ Ивановичъ,
На добра коня садилъ родной дѣдушко
Родной дѣдушко Иванъ-отъ Ивановичъ.
Шелковъ поводъ подавала родна сестрича
Родна сестрича Софья Ивановна.
Шелкову плеть подавала да родна сестрича
Да родна сестрича Софья Ивановна,
Съ благословленіемъ провожалъ да родной крёснушко
Родной крёснушко Владымеръ Ивановичъ,
Путь дорожку указалъ да родной зетюшко,
Родной зетюшко Николай Өедоровичъ,
Затимъ здраствуёшь добрый молодецъ
А по имени Николай Ивановичъ.

24.

Пустозерское виноградьё дѣвіе.

Виноградьё красно зеленоё,
Какъ во далече далече, во чистомъ поли
Да виноградьё красное зеленоё [1]).
Какъ ищэ того подалѣ на украинки,
Да тутъ стояла берёза да кудреватая,
Да какъ по корешку берёза коренистая,
По середоцькѣ берёза кривлеватая,
По вершиноцькѣ берёза кудреватая,
Какъ подъ этой подъ берёзой бѣлполотняный шатёръ,
Кабы полы у шатра хрущатой камки,
Какъ подполки у шатра да рыта бархата,
Какъ сидѣла тутъ дѣвича душа красная,
Тутъ сидѣла дѣвича душа красная,
Какъ по имени Марья Васильевна
Да она шила вышивала шириночькю,
Да на первой узгъ вышивала красно солнце со лунами,
На другой узгъ вышивала свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
Свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами, со ясныма со лунами,
На третёй узгъ вышивала чисто поле со звѣрями,
Чисто поле со звѣрями со лютыма со змѣями,
На четвертой вышивала синё море съ кораблями,
Синё море съ кораблями, съ удалыми молодцами,
На середкю вышивала Божью церкёвь со крестами,
Божью церкёвь со крестами, со чудныма образами.
Тутъ ходилъ гулялъ удалъ добрый молодецъ [1])
Онъ лисичами, куничами обвѣшался
Онъ черныма соболями пріобтыкался,
Онъ вѣдь шолковой тетивкой подпоясалса,
Онъ тугимъ лучькёмъ да подпираитца,

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Не былыми словесами да похваляитца:
„Кабы былъ, кабы жилъ я на другой стороны,
На другой стороны, да на украинки,
Ужъ я эту бы берёзку по корешку ссѣкъ,
Ужъ я этотъ бы шатёръ роспиналъ бы, ростопталъ,
Ужъ я полы у шатра вси пріоборвалъ,
Я подполки у шатра по чисту полю металъ,
Да душу красну дѣвицю за себя бы замужъ взялъ,
Какъ по имени Марью Васильевну,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой во Божьей церкви пошолъ,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой золоты вѣнцы прималъ,
Ужъ я съ этой бы дѣвичой чуденъ крестъ чѣловалъ,“
Затимъ здраствуешь дѣвичя душа красная,
Какъ по имени Марья Васильевна.

25.

Пустозерское виноградьё женатое.

Виноградьё красно зеленоё.
Да ужъ мы ходимъ-ле не ходимъ ко Кремлю городу,
Да виноградьё красно зеленоё [1]).
Ужъ мы ищемъ не ищемъ господинова двора
Господина Микулая-то Ѳёдоровича.
Господиновъ дворъ да на семи стоитъ верстахъ,
На семи стоитъ верстахъ да на семидесяти столбахъ,
На семидесять столбахъ, да о восьмидесятъ тынахъ,
Какъ на всякоемъ столбикѣ по маковкѣ,
Какъ на всякой маковкѣ по жемчужу,
Да какъ на всякоей жемчужинки по свѣчкѣ горитъ,
Да этотъ чей, братцы, домъ, да чей высокъ теремъ?
Да тотъ домъ стоитъ Николая Ѳёдоровича,
Нова горнича-то Агніи Евгеньевны...
Какъ во этомъ терему, да три высокихъ терема,
Три высокихъ терема да златоверьхёваты.
Во первомъ терему да красно солнышко,
Во второмъ терему бладъ свѣтелъ мѣсецъ,
Во третьемъ терему да мелки звѣздочьки,
Да хозяинъ во дому да какъ Адамъ во раю,
Да хозяйка во дому да какъ оладья во меду,
Да мелки звѣздочьки да малы дѣточки.
Благослови сударь хозяинъ ко двору притти,
Ко двору притти, да на крылечушко затти,
На крылечушко затти, да въ нову горенку протти,
Въ нову горенку затти, да проти мотицы стать,
Да проти мотицы стать, да намъ на лавку сѣсть,
Да намъ на лавку сѣсть, да виноградье спѣть.
Они думали, гадали, больша выжлака срежали,

---

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Больша выжлака срежали, во чисто поле спушшали.
Они думали, гадали, ясна сокола срежали,
Ясна сокола срежали, по поднебесью спушшали,
Они думали, гадали, какъ черленъ карапь срежали,
Какъ черленъ карапь срежали, во синё море спушшали
Большой выжлокъ-отъ бѣжитъ, да какъ лисичь, куничь тащитъ
Какъ лисичь, куничь тащитъ Агніи на шубу,
Какъ ясенъ соколъ летитъ, да какъ бѣлу лебедь тащитъ,
Кабы нашому хозяину на почесенъ пиръ,
Какъ черленъ карапь бѣжитъ, да живота много тащитъ,
Кабы нашому хозяину на житье, на бытье.
Затимъ здраствуешь удалъ доброй молодецъ,
Какъ по имени Микулай-отъ Өедорычъ,
Со своей да молодой жоной,
Какъ по имени Агніей Евгеньевной,
Со своими-то малыми дѣтоцьками,
Да виноградье красно зелено.

26.

Колыбельная пѣсня [1]).

Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да наша вѣкошка,
Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да горожаноцька,
Ужъ ты донъ, донъ, донъ, да ужъ и гдѣ ты была?
— — — — — да въ Новомъ Городи,
— — — — — да ты кого̀ купила̀,
— — — — — да золотого коня,
— — — — — да ужъ гдѣ твой конь?
— — — — — Миколка въ клѣтку увёлъ,
— — — — — да онъ и дѣ-то ушолъ?
— — — — — Миколка на гору ушолъ.
— — — — — уже гдѣ клѣтка?
— — — — — водой потопило.
— — — — — уже гдѣ то вода?
— — — — — да быки выпили.
— — — — — да ышэ гдѣ быки?
— — — — — да быки за гору ушли.
— — — — — да уже гдѣ гора?
— — — — — да цвѣтками заросла,
— — — — — да ыка гдѣ чвѣтки?
— — — — — да дѣвки выщипали.
— — — — — да ужъ гдѣ дѣвки?
— — — — — да замужъ выскакали.
— — — — — да ихъ дѣ мужья?
— — — — — да на войну ушли.
— — — — — да у васъ дѣ-то война?
— — — — — да середи̂ говна.

---

[1]) Ксен. Поздѣева, с. Устьцыльма.

27.

„Христа славять“ [1]).

Новая радость во всемъ мірѣ;
Въ міръ намъ явился Богъ, Царь Славы,
Отъ Дѣвы Маріи въ вертепѣ родися,
Мы же тако вопіемъ, вѣрно рцемъ:
Слава въ вышнихъ Богу и на земли міръ
Торжествуйте, ликоствуйте,
Хвалу Богу дайте, воздайте, воспѣвайте:
Дай Богъ вамъ, господамъ,
Господинамъ и женамъ вкупѣ здраствовати.
Виват́ь! виват́ь! виват́ь!
На многая лѣта, въ день Христова рожденія.
Веселися день благовеешь вся день,
Хвалу Богу дайте въ пóлуночь и день.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ тя рожденнаго
Бога нашего, царя вашего,
Царь Иродъ всѣмъ возвѣстилъ,
Младенцовъ побилъ.
Билися и ругалися, яко убійцы, злы разбойницы,
Кричутъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы, отъ персіи отринули,
Голосомъ ревутъ, волосы дерутъ,
Гласы возсылаютъ, сердечно кричатъ.

28.

Славятъ [2]).

Тѣшу, потѣшу,
Хозяина повѣшу
На пиз.ій волосокъ.
Волосъ-то сорвался,
Хозяинъ оборвался
Въ каменку ногами,
Въ тынъ головой,
Въ говно бородой.

Н. Ончуковъ.

---

[1]) Въ Тамицѣ селѣ по Онежскому тракту Онежскаго у., Архангельской губ., на Рождествѣ „артель“ въ 2—4—5 человѣкъ „ходитъ славить“. Поютъ тропарь „Христосъ раждается“ затѣмъ приводимый стихъ. Записанъ въ с. Тамицѣ, отъ И. К. Герасимова 37 л.

[2]) Въ этой-же Тамицѣ, когда хозяинъ за славленье ничего не дастъ, маленькіе ребятишки, выскочивъ изъ избы въ сѣни, поютъ этотъ стишокъ. Записанъ отъ И. К. Герасимова.

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Георг. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. 82-й. Спб. 1907.

Въ Отчетѣ о дѣятельности „Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. за 1906 г.“ помѣщены некрологи: академика А. Н. Веселовскаго, почетнаго академика В. В. Стасова, членовъ-корреспондентовъ М. С. Дринова и Фр. Бартоша. Особенной обстоятельностью отличаются первые два некролога. Кромѣ обзора дѣятельности Академіи и академиковъ, отмѣтимъ также и отчеты лицъ пользовавшихся пособіемъ на научныя работы отъ Академіи Наукъ. Изъ нихъ особеннымъ интересомъ для спеціалистовъ должны отличаться: „Отчетъ Н. Н. Дурново по разработкѣ матеріаловъ по южно-великорусскому нарѣчію для діалектологической карты русскаго языка“; „Отчетъ Л. Л. Васильева“ и др.

Въ „Отчетѣ о присужденіи Ломоносовскихъ премій въ 1905 г.“ помѣщены отзывы проф. А. Будиловича на книгу С. К. Булича „Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I“; И. Бычкова—на книгу Е. И. Соколова „Библіотека Имп. О-ва Исторіи и Древностей россійскихъ. В. 2-й. Описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ съ 1846 по 1902 г.“; Н. Каринскаго—на работу Н. Дурново „Описаніе говора деревни Парфеновъ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи“, и Хр. Лопарева — на книгу А. И. Яцимирскаго „Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библіотекъ“.

Въ Отчетѣ „О присужденіи премій имени графа Д. И Толстого въ 1906 г.“ помѣщены отзывы А. И. Соболевскаго на изслѣдованіе П. Г. Васенка „Книга Степенная Царскаго Родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности. Часть I“.

И. В. Ягича—на изслѣдованіе А. М. Лукьяненка „Кайкавское нарѣчіе“, и Е. Ѳ. Карскаго на работу Я. Трусевича: „Сводъ 260 азбукъ и образцовъ кириллицы. Изъ снимковъ рукописей X — XVIII вв. русско-юго-славянскихъ“.

О работахъ С. Малевича „Бѣлорусскія народныя пѣсни“; П. К. Симони „Великорусскія пѣсни, записанныя въ 1619 — 20 гг. для Ричарда Джемса на крайнемъ сѣверѣ Московскаго Царства“, и Е. Ѳ. Карскаго „Матеріалы для изученія Бѣлорусскихъ говоровъ“—см. далѣе отдѣльныя замѣтки.

Кромѣ того, въ 82-мъ томѣ „Сборника“... помѣщены посмертные труды П. А. Сырку, съ предисловіемъ А. И. Яцимирскаго—„Карансебешскій октоихъ второй половины XIII вѣка“ и „Изъ переписки Румынскихъ воеводъ съ Сибинскимъ и Брашовскимъ магистратами“, а также—Н. К. Никольскаго „Матеріалы для исторіи древнерусской духовной письменности“.

Н. В—въ.

Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императ. Казанскомъ Университетѣ. Т. XXIII, вып. 4. Казань. 1907.

На первомъ планѣ стоитъ статья Н. Ѳ. Высоцкаго: „Лихорадка, ея происхожденіе, причины и способы ле(ѣ)ченія, по народнымъ воззрѣніямъ“.

Приведя изъ печатныхъ источниковъ общеизвѣстныя свѣдѣнія о воззрѣніяхъ русскаго народа на лихорадку и малоизвѣстныя—казанскихъ вотяковъ, авторъ касается разныхъ названій этой болѣзни у нашего простонародья и раздѣляетъ ихъ на три категоріи: 1) *картинныя*, характеризующія болѣзнь по ея припадкамъ и послѣдствіямъ (трясовица, трясь, знобуха, холодная), 2) *ласкательныя* или *родственныя* (добрая, добруха, кума, матушка, сестра, тетушка) и 3) мѣстоименіе *она*. Съ тѣмъ, что сказано у автора относительно родственныхъ названій лихорадки и связанныхъ съ ними представленій, любопытно сопоставить слѣдующее интересное мѣсто изъ „Матеріаловъ по народной медицинѣ“ А. Макаренко (Спб. 1897; отдѣльный оттискъ изъ „Живой Старины“ за тотъ же годъ), касающееся представленій крестьянъ Ужурской волости, Ачинскаго уѣзда (Енис. губ.) о „кумушкѣ“, т.-е. о лихорадкѣ:

„Воображеніе крестьянъ, несвободное отъ различнаго рода суевѣрій, представляетъ себѣ кумушку живымъ существомъ, надѣленнымъ непонятною сверхъестественною силой. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ она, одинаково съ чумой и холерой, становится видимой, принимая на себя личину женщины, сразу бросающейся въ глаза плохой одежонкой и старческимъ безобразіемъ лица. Внѣшнее безобразіе есть только оболочка того внутренняго ненасытнаго зла и неукротимой ненависти, какими полна кумушка по отношенію людей. Мучить и медленно изводить это племя—составляетъ ея единственное занятіе; созерцаніе человѣческихъ страданій и смерти, разносимыхъ кумушкой по землѣ, даетъ ей единственное наслажденіе“ (стр. 8).

Понятенъ тотъ ужасъ, который и до сихъ поръ внушаетъ лихорадка простому русскому человѣку, — понятно, почему о ней говорятъ въ третьемъ лицѣ...

„Ни при одной изъ различныхъ болѣзненныхъ формъ,—говоритъ г. Высоцкій,—теорія „вселенія духовъ“ и „одержанія“ ими не можетъ быть приложена для объясненія болѣзненныхъ явленій съ такой правдоподобностью, какъ именно при перемежающихся болѣзняхъ“ (стр. 263), въ томъ числѣ и при лихорадкѣ.

Въ концѣ статьи авторъ довольно подробно останавливается на средствахъ лѣченія, употребляемыхъ народомъ „сообразно его воззрѣніямъ на сущность лихорадки“, и раздѣляетъ ихъ на *мистическія* (моленія, заклинанія, заговоры и жертвы) и *эмпирическія*, т.-е. „тѣ народныя лѣкарства, при употребленіи которыхъ разсчитывается исключительно лишь на ихъ *физическія свойства*, способныя уничтожать или ослаблять болѣзнь“ (стр. 272). Къ числу мистическихъ средствъ авторъ относитъ и симпатическое лѣченіе лихорадки, описывая три практикующіеся въ народѣ пріема такого лѣченія: привязываніе лихорадки къ дереву, потопленіе и проклинаніе.

Таково содержаніе небольшой статьи г. Высоцкаго (стр. 249—273), носящей характеръ нѣкоторой недоконченности, какъ если бы статья почему-либо была оборвана.

Считаемъ не лишнимъ отмѣтить, къ свѣдѣнію автора, что указываемое имъ дэйякское (даякское) названіе оспы личнымъ мѣстоименіемъ третьяго лица (стр. 259 и 261) не составляетъ чего-либо изъ ряда вонъ выходящаго: словомъ „она“ называютъ оспу, между прочимъ, такія различныя въ другихъ отношеніяхъ народности, какъ евреи и якуты.

Въ разбираемомъ, вообще скудномъ матеріалами, выпускѣ „Извѣстій“ помѣщена еще маленькая, въ двѣ страницы, замѣтка *Ив. Никитина-Юрки* о чувашскомъ музыкальномъ инструментѣ—пузырѣ (шăпăр), съ тремя рисунками, изображающими игру на немъ.

Въ приложеніи законченъ составленный свящ. Ант. Ивановымъ „Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ“. Указатель снабженъ алфавитнымъ перечнемъ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ немъ, и занимаетъ всего 63 страницы мелкой убористой печати.

Э. П.

Объ остаткахъ Якутскаго острога.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Выпускъ 24. Съ 18 таблицами и 50 чертежами. Спб. 1907.

Вышедшій недавно 24 выпускъ „Извѣстій Императорской Археологической Комиссіи“ посвященъ цѣликомъ изслѣдованію *Н. В. Султанова*, озаглавленному такъ: „Остатки Якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. Спб. 1907 г.“ Какъ догадываются, конечно, читатели, дѣло идетъ объ остаткахъ такъ называемыхъ якутскихъ башенъ, судьба коихъ до сихъ поръ еще не рѣшена: продолжать ли имъ свое жалкое существованіе до полнаго саморазрушенія или же быть заблаговременно снесену путемъ продажи съ аукціона, какъ о томъ ходатайствовалъ передъ Археологической

Комиссіей одинъ изъ якутскихъ губернаторовъ? По признанію Комиссіи, „Якутскій острогъ является единственнымъ образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженій XVI—XVII в. не только въ Россіи, но и во всей Европѣ“ (стр. 116), а между тѣмъ ни у Комиссіи, ни у мѣстнаго областного начальства, ни у мѣстнаго городского управленія не нашлось сравнительно незначительныхъ средствъ (нѣсколькихъ сотъ рублей) для исправленія и поддержанія помянутыхъ башенъ. На ходатайства якутскаго губернатора объ отпускѣ средствъ хотя бы на временное поддержаніе ихъ, Комиссія, въ концѣ марта текущаго года, сообщила ему, что она вскорѣ намѣрена обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою объ отпускѣ необходимыхъ средствъ, пока же проситъ губернатора „принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія острога“.

„На этомъ переписка пока и оканчивается“ — говоритъ авторъ названной выше книги, прибавляя отъ себя слѣдующее пожеланіе:

„Будемъ надѣяться, что новый Якутскій губернаторъ *И. И. Крафтъ*, человѣкъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ Якутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанію“ (стр. 117).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Султановъ съ большимъ трудолюбіемъ воспроизвелъ, на основаніи архивныхъ и литературныхъ данныхъ, полную картину возникновенія, развитія и постепеннаго упадка Якутскаго острога, служившаго нѣкогда центральнымъ пунктомъ, изъ котораго, по выраженію автора, „русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ“ (стр. 13). Съ любовью заинтересованнаго въ дѣлѣ спеціалиста, не мало поработавшаго надъ изученіемъ памятниковъ зодчества у народовъ древняго и новаго міра, авторъ снабдилъ свою книгу 50-тью чертежами въ текстѣ и 18-тью таблицами въ приложеніи, тщательно исполненными и значительно облегчающими изученіе Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ. Хотя данная работа читается съ большимъ интересомъ и не-спеціалистомъ, но врядъ ли она можетъ дойти скоро до широкой публики въ виду вообще малой распространенности изданія, въ которомъ она помѣщена, такъ что обыкновенные читатели могутъ узнать о ней лишь случайно. Это соображеніе и побудило меня обратить вниманіе читающей публики на книгу, трактующую объ интересномъ эпизодѣ изъ русской старины. Но была для этого и другая, болѣе узкая, но достаточно важная побудительная причина: это—обратить вниманіе любителей старины на заключеніе автора, въ которомъ онъ намѣчаетъ вопросы, подлежащіе разрѣшенію на мѣстѣ, „мѣстными силами“. Въ главнѣйшемъ вопросы эти сводятся къ слѣдующему:

„1) Какова истинная длина всей стѣны (между башнями) и каковы настоящіе размѣры всѣхъ уцѣлѣвшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько наросла земля около стѣны и башенъ.

3) Былъ или нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочіе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для всхода на стѣны извнутри „города“.

6) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы проѣзжей башни „острога“.

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный выступъ.

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ“.

„Вотъ — заканчиваетъ авторъ — вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ“ (стр. 118—119).

Полагаю, что „мѣстныя силы“ не только не обманутъ надеждъ автора, но, при изслѣдованіи памятника, соберутъ и всѣ циркулирующія среди мѣстнаго населенія, русскаго и инородческаго, преданія и легенды, связанныя съ исторіей якутскихъ башенъ.

Въ самомъ концѣ книги г. Сазонова приведены еще краткія указанія на существованіе въ Колымскомъ округѣ одной полуразвалившейся деревянной башни (остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога) и въ Вилюйскомъ округѣ одной башни, старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній изъ бересты, надѣвавшихся на шею или на грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ).

Сообщаемыя свѣдѣнія авторъ разсматриваетъ не какъ „археологическій матеріалъ“, а лишь какъ „свидѣтельскія показанія“ для будущихъ изслѣдователей и оговаривается, что свѣдѣнія эти относятся къ 1887 году и въ настоящее время могутъ оказаться совершенно невѣрными, — даже болѣе: „вполнѣ возможно — говоритъ авторъ — что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда“ (стр. 153 — 154).

Нельзя не присоединиться къ пожеланію автора, чтобы мѣстныя силы „поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ уцѣлѣвшими тамъ остатками древнерусской жизни“. Жаль только, что обыкновенно мѣстныя силы вовсе не встрѣчаютъ должной поддержки въ центрахъ русской умственной жизни и вынуждены дѣйствовать исключительно на свой страхъ.

Эд. Пекарскій.

„Етнографичний збірникъ.“ Видаэ етнографічна комісія наукового товариства имени Шевченка. Т. XIX. Коломийки. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. III. У Львові, 1907. г.

Въ III-й т. „Коломийок“ помѣщено 2830 нумеровъ. Имѣется въ виду еще IV-й, послѣдній, томъ. Коломийки даннаго сборника объединяются темой: „Любов і подруже“.

И. А.

С. Малевичъ. Бѣлорусскія народныя пѣсни (Сборникъ Отд. р. я. и сл. И. А. Н. Томъ LXXXII, № 5. 1907).

Появившійся подъ такимъ названіемъ сборникъ (194 стр.), кромѣ введенія и краткаго очерка звуковъ, формъ и строя рѣчи живого бѣлорускаго нарѣчія, съ приложеніемъ небольшого словаря, заклю-

чаетъ въ себѣ одну сказку и 258 пѣсенъ, которыя распредѣлены на щедреція (3), весеннія (4), купальныя (7), лѣтнія (24), любовныя (56), свадебныя (64), семейныя (48), солдатскія (10), молодецкія (5) и шуточныя (37). Подъ каждою пѣсней обозначено селеніе, въ которомъ она записана.

Какъ видно изъ введенія, всѣ пѣсни записаны собирателемъ лично въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пяти сосѣднихъ селеніяхъ Ланьской волости, Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи отъ пожилыхъ деревенскихъ женщинъ и подростковъ. Особенности произношенія переданы фонетическимъ письмомъ. Къ сожалѣнію, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкѣ не проставлены ударенія, цѣнныя для акцентовки. Большинство пѣсенъ чисто бѣлорусскаго происхожденія, хотя въ нихъ попадается много полонизмовъ. Это, отчасти, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Ланьская волость расположена вблизи г. Несвижа, который въ теченіе многихъ столѣтій является очагомъ польскаго вліянія на окрестныхъ жителей. Остальныя пѣсни частью заимствованы отъ великоруссовъ, какъ, напримѣръ, „Ой, да ты калинушка“ (стр. 35), частью же передѣланы изъ малороссійскихъ, Изъ такихъ можно указать на любовныя пѣсни подъ №№ 21, 22. 25 и 26. Что же касается уже указанной пѣсни на стр. 35, то она и въ настоящее время почти дословно поется въ д. Паклино, Псковской губерніи и уѣзда. Для сравненія привожу ее цѣликомъ:

Раскалинушка, размалинушка,
Ты не стой, не стой
    На горѣ крутой.
Ой да не спускай листья во сине море.
Ой да какъ по синю морю
    Корабель плыветъ.
Корабель плыветъ, и вода воётъ.
Ой да какъ въ томъ кораблѣ
    Два полка солдатъ.
Два полка солдатъ, молодыхъ ребятъ,
Офицеръ маіоръ Богу молится
    Предъ иконою.
Молодой солдатъ домой просится:
— Ахъ ты офицеръ-маіоръ
    Отпусти меня домой.
Отпусти меня домой къ отцу, къ матери родной
Къ отцу, къ матери родной, къ малымъ дѣтушкамъ
    Да къ женѣ молодой.

Въ краткомъ словарѣ можно указать на нѣкоторыя неточности, напр.: „дамавѝна“—гробъ, а не могила, какъ утверждаетъ г. Малевичъ; „крамянѐцъ“—кусочекъ кремня, а не садикъ, полисадникъ; „падлѐсы“—съ бѣлымъ брюхомъ (о животномъ), а не желтоватый, свѣтло-коричневый; „пыськи“—морда, а не щеки, щечки; „цесля“—плотникъ, а не подмастерье; „цямицца“—примѣчать, присматриваться, а не скрыться съ глазъ, пропадать, исчезать; „шлягацца“—стегаться, ударяться, а не шляться, таскаться; „ялавѐцъ“—особый

видъ жестокой сухой травы, а не мелкорослый ельникъ; можжевельникъ (по-бѣлорусски—ѐльничакъ; елубвецъ). Тѣмъ не менѣе въ сборникѣ г. Малевича много данныхъ для сужденія о фонетикѣ и морфологіи бѣлорусскаго нарѣчія, не говоря уже о цѣнности чисто бытовыхъ данныхъ.

А. Сержпутовскій.

Самойловичъ, А. Памяти П. М. Меліоранскаго. Спб. 1907. Стр. 24 (Отд. оттискъ изъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общества. Томъ XVIII).

Некрологъ покойнаго профессора по каѳедрѣ турецко-татарской словесности въ Петербургскомъ университетѣ П. М. Меліоранскаго (ум. 16 мая 1906 г.), составленный однимъ изъ его учениковъ, былъ напечатанъ ранѣе въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. (1907, апрѣль). Нынѣ некрологъ появляется съ нѣкоторыми дополненіями, двумя приложеніями, содержащими библіографическій обзоръ и краткую опись бумагъ, оставшихся послѣ П. М. Меліоранскаго, и портретомъ покойнаго съ его факсимиле. Работа выполнена г. Самойловичемъ съ рѣдкою аккуратностью и вся проникнута трогательною любовью благодарнаго ученика къ своему безвременнопогибшему, на 38 году жизни, учителю-профессору, который, по свидѣтельству автора, былъ единственнымъ, послѣ академика В. В. Радлова, русскимъ туркологомъ, „*спеціально углубившимся* въ лингвистическую область науки о туркахъ“.

Живая Старина своевременно отмѣтила на своихъ страницахъ (1906, вып. III) крупную потерю, понесенную наукою турковѣдѣнія въ лицѣ покойнаго П. М. Меліоранскаго.

Э. П.

Словарь якутскаго языка, составленный Э. К. Пекарскимъ (1882—1907 г.г.) при ближайшемъ участіи прот. Д. Д. Попова и В. М. Іонова. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ 1-й (а, ӓ). Спб. 1907. [Труды Якутской Экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896). Томъ III. Часть I].

Когда въ 1899 году Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества обратился въ Императорскую Академію Наукъ съ просьбою взять на себя печатаніе Якутскаго Словаря Э. К. Пекарскаго, то Академія, вслѣдствіе прекраснаго отзыва Комиссіи, просмотрѣвшей представленную отпечатанную букву а, рѣшила взять на себя печатаніе этого обширнаго труда. По независящимъ ни отъ Академіи, ни отъ автора причинамъ, печатаніе это замедлилось, и, наконецъ, первый выпускъ (содержащій слова, начинающіяся буквами а и ӓ) вышелъ въ свѣтъ въ 1907 году.

Въ предисловіи къ своему труду Э. К. Пекарскій подробно излагаетъ причины замедленія изданія и даетъ подробное описаніе хода своихъ работъ. При этомъ авторъ, по скромности своей, больше указываетъ на заслуги своихъ сотрудниковъ, чѣмъ на собственные труды. Составленіе такого полнаго словаря было возможно только при всестороннемъ изученіи языка якутовъ, ихъ нравовъ, обычаевъ и умственной ихъ жизни. Проживая среди якутовъ, авторъ сначала

записывалъ встрѣчавшіяся ему слова только для практической цѣли и тщательно дополнялъ свой запасъ при каждомъ удобномъ случаѣ— и при разговорѣ съ якутами, и изъ печатанныхъ русскими буквами якутскихъ книгъ. Научная обработка словаря началась только послѣ того, какъ авторъ познакомился съ научно-разработаннымъ словаремъ Бётлинга. Принявъ послѣдній въ основу и дополнивъ его своими матеріалами, авторъ въ теченіе двухъ съ половиной десятковъ лѣтъ старался по возможности исчерпать все богатство якутской рѣчи. Успѣхи Э. К. Пекарскаго въ этомъ направленіи побудили протоіерея Д. Д. Попова, Вс. М. Іонова и другихъ изслѣдователей быта и языка якутовъ предоставить собранные ими матеріалы составителю словаря, такъ какъ они видѣли въ этомъ лучшій способъ для совершенствованія собственныхъ изслѣдованій.

Перечень источниковъ якутскаго словаря, приведенный въ предисловіи (стр. X—XVI), указываетъ на болѣе 100 печатныхъ и и рукописныхъ сочиненій, изъ которыхъ авторъ извлекалъ матеріалы для своего словаря. Въ словарѣ, при всякомъ словѣ, указывается сколько-нибудь значительное фонетическое отступленіе, всякое рѣдкое значеніе; при этомъ отмѣчается заглавными буквами источникъ, въ которомъ они встрѣчаются. Перечень же пособій, приведенный въ томъ же предисловіи, доказываетъ, что авторъ знакомъ съ лингвистической литературой и старался выяснить связь между якутскими словами и словами родственныхъ языковъ.

Принявъ участіе въ изданіи словаря тѣмъ, что вмѣстѣ съ авторомъ тщательно проштудировалъ каждый корректурный листъ, я могъ убѣдиться въ обширности знакомства автора со своимъ предметомъ и въ тщательной обработкѣ каждой отдѣльной статьи. Всѣ слова приведены въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ, и при каждомъ словѣ указано въ скобкахъ: 1) на различный выговоръ его, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ находилъ приведенную въ источникѣ форму невѣрною, 2) на якутскую основу, отъ которой это слово происходитъ, 3) на слова языковъ, отъ которыхъ, оно вѣроятно, происходитъ, и, наконецъ, 4) приведены всѣ синонимы, встрѣчающіяся въ якутской рѣчи. Изъ русскихъ словъ приведены, понятно, только тѣ, которыя вполнѣ усвоены якутами. Каждое якутское слово и приведенныя при немъ этимологическія указанія выведены въ отдѣльныя строчки и ясно отличаются по шрифту и по мѣсту отъ данныхъ къ нимъ объясненій. Въ объясненіяхъ къ словамъ цыфрами указано на различныя значенія (прямое и переносное), и при нихъ приведены, какъ доказательство вѣрности того или другого значенія, фразы, встрѣченныя авторомъ въ разговорѣ съ якутами или въ письменныхъ и печатныхъ текстахъ другихъ авторовъ; при этомъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, всегда указанъ источникъ, изъ котораго взята данная фраза.

Транскрипція якутскихъ словъ сдѣлана по алфавиту Бётлинга и проведена строжайшимъ образомъ: нигдѣ не встрѣчается колебанія въ передачѣ словъ, если таковое не замѣчено и въ рѣчи якутовъ. Отступленія отъ правописанія Бётлинга изложены въ статьѣ (предисловіе, стр. VII—IX), подписанной В. Іоновымъ и Эд. Пекарскимъ. Съ этими измѣненіями я не могу вполнѣ согласиться. Несомнѣнно

вѣрно, что обозначеніе нн̓ Бётлинга слѣдуетъ передать черезъ н̓н̓, такъ какъ въ выговорѣ якутовъ оба н выговариваются смягченными. Точно такъ же совершенно вѣрно, что слѣдовало ввести l̓l̓, т.-е. двойной смягченный l, котораго у Бётлинга нѣтъ. Но если вмѣсто н̓, н̓н̓, l̓l̓ въ другихъ говорахъ встрѣчаются ц, нц, lц, то и слѣдовало бы привести эти формы въ словарѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, какъ, напр., сан̓н̓ылыі и санцылыі, хаl̓l̓ājы и хаlцājы, кӳтӳмн̓ӳ и кӳтӳмцӳ. Для чего было придумывать особый знакъ, указывающій на оба выговора: санјылыі, хаlјājы, кӳтӳмнјӳ?

Еще болѣе неудобно употребленіе сложнаго знака нј и дј вмѣсто смягченнаго н̓ и д̓ для указанія на то, что они въ говорахъ чередуются съ ц, ибо этимъ нарушается правило, что каждый отдѣльный звукъ долженъ обозначаться однимъ знакомъ. Слѣдовало привести въ словарѣ обѣ формы: д̓іä и ціä, н̓ім и цім, хабд̓ы и хабцы.

Далѣе, слѣдовало бы измѣнить невѣрное начертаніе двойного чч. Такая транскрипція требуетъ выговора ᵀшᵀ ш, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности удваивается только первая часть звука ч (= ᵀᵀч), что и слѣдовало передать черезъ тч.

Но эти недостатки транскрипціи не введутъ читателя въ заблужденіе, когда онъ усвоитъ содержаніе приведенной въ предисловіи статьи.

Якутскій словарь Э. К. Пекарскаго заслуживаетъ того, чтобы быть названнымъ капитальнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу. Онъ не только является прекраснымъ пособіемъ при изученіи якутскаго языка и для пониманія якутскихъ текстовъ, но открываетъ намъ полную картину умственной жизни народа, заброшеннаго судьбою на далекій сѣверъ Азіи, насколько она отражается въ богатѣйшемъ его языкѣ. Я не знаю ни одного языка, не имѣющаго письменности, который можетъ сравниться по полнотѣ своей и тщательности обработки съ этимъ истиннымъ Thesaurus linguae Jakutorum, да и для многихъ литературныхъ языковъ подобный словарь, къ сожалѣнію, остается еще надолго pium desiderium.

В. Радловъ.

К. Иностранцевъ. Туркестанскіе оссуаріи и астоданы. Спб. 1907. — Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 1907. (Отдѣльные оттиски изъ Записокъ Восточн. Отдѣленія Императ. Русск. Археолог. Общ., т. XVII, стр. 0166—0171 и т. XVIII, стр. 064—067).

Относительно оссуаріевъ (астоданы то жъ), т.-е. такъ называемыхъ глиняныхъ гробовъ или, вѣрнѣе, костехранилищъ, въ которыхъ, согласно древнему религіозному обычаю, хранились кости покойниковъ, до сихъ поръ „наиболѣе *вѣроятнымъ* представлялось *апріорное предположеніе* о принадлежности ихъ до-мусульманскому, огнепоклонническому населенію“. Такимъ образомъ, вопросъ объ оссуаріяхъ, этихъ памятникахъ до-мусульманской эпохи западной части Средней Азіи, остается открытымъ и можетъ быть выясненъ лишь путемъ сравнительнаго изученія сходныхъ памятниковъ въ области ихъ

распространенія. Обѣ замѣтки г. Иностранцева написаны съ цѣлью, во-первыхъ, указать на необходимость „привлеченія сравнительнаго матеріала“ для выясненія вопроса и, во-вторыхъ, обратить вниманіе на нѣкоторыя данныя и извѣстія, которыя сами могутъ послужить искомымъ сравнительнымъ матеріаломъ.

Э. П.

Ц. Жамцарановъ. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Отд. оттискъ изъ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. XVII. Спб. 1907 Стр. 20+1 стр. поправокъ.

Молодой лекторъ монгольскаго языка на факультетѣ восточныхъ языковъ И. Спб. университета Ц. Жамцарановъ предпринялъ въ 1903 и 1904 гг. поѣздки для собиранія матеріаловъ устной литературы своихъ родныхъ монгольскихъ племенъ, первый разъ по порученію И. Академіи Наукъ, второй—Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи. Въ 1903 г. Ц. Жамцарановъ посѣтилъ бурятъ: эхридъ и булгадъ въ Иркутской губерніи, а въ 1904 г.—халхасцевъ въ Ургѣ. Извлеченія изъ обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ Ц. Жамцарановымъ за два года, и заключаются въ статьѣ, заголовокъ которой нами выписанъ выше.

Статья разбита на 4 отдѣла: I—добрыя пожеланія (ӯрор), числомъ 20. II — пословицы (шоjі хӯр), числомъ 21. III—загадки (тāбāрі), числомъ 30. Если при собраніи пословицъ и загадокъ не было системы, которая отсутствуетъ въ статьѣ, то этнографы объ этомъ очень пожалѣютъ: при случайномъ собираніи могутъ оказаться обойденными какъ разъ самыя интересныя группы этихъ блестокъ народной мудрости и наблюдательности. IV—пировая пѣсня.

Матеріалы напечатаны въ два столбца: налѣво монгольскій текстъ, направо—русскій переводъ. Вставочныя и пояснительныя слова заключены въ скобки, чѣмъ увеличивается точность перевода. Многочисленныя сноски къ лѣвому столбцу содержатъ лингвистическія поясненія, а къ правому—этнографическія. И въ транскрипціи текста, и въ переводѣ видна тонкая аккуратность. Обнародованіе матеріаловъ Ц. Жамцаранова полностью сулитъ много цѣннаго и интереснаго какъ для лингвистовъ, такъ и для этнографовъ. Остается пожелать, чтобы матеріалы не залеживались, а это, къ сожалѣнію, бываетъ...

Указанія на ранѣе изданныя монгольскія пословицы и загадки принадлежатъ приватъ-доценту А. Д. Рудневу, какъ видно изъ его послѣсловія къ статьѣ Ц. Жамцаранова. Это послѣсловіе содержитъ въ себѣ весьма цѣнную библіографическую справку о загадкахъ и пословицахъ бурятъ и др. монгольскихъ племенъ. Обнародованіе при случаѣ такихъ справокъ по различнымъ отдѣламъ монголовѣдѣнія, турковѣдѣнія и т. д. очень полезно и желательно, какъ подготовительная стадія для полныхъ библіографическихъ указателей литературы объ отдѣльныхъ племенахъ и народностяхъ Азіи. Именно предметная система должна быть, по нашему, положена *въ основу* подобныхъ указателей (ср. Orientalische Biblio-

graphie) [1]; потребность же въ нихъ будетъ все возрастать даже и въ такихъ небогатыхъ литературою областяхъ, какъ монголовѣдѣніе.

А. С.

Dr. Alois Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg. 1906. C. Winters Universitätsbuchhandlung, Sammlung indogermanischer Lehrbücher herausgegeben von Dr. H. Hirt, II Reihe: Wörterbücher, I Band, XLVIII + 870 S. 8°.

Позднѣе, чѣмъ подобаетъ рецензенту, мы находимъ время для оцѣнки книги, заглавіе которой нами выписано здѣсь; но на врядъ ли мы опоздали со своей рецензіей: трудъ Вальде при своемъ появленіи не только оказался на высотѣ современной этимологической науки, но подвинулъ ее впередъ значительнѣе, нежели всѣ этимологическіе словари, появившіеся за послѣднее время, вмѣстѣ. Достоинствами, благодаря которымъ этотъ трудъ можетъ считаться классическимъ, слѣдуетъ признать подробное знакомство автора: 1) съ исторіей латинскаго языка въ связи съ позднѣйшей судьбой его до развѣтвленія и образованія современныхъ романскихъ нарѣчій, 2) съ сравнительной грамматикой индоевропейскихъ языковъ и исторіей каждаго изъ нихъ, 3) обстоятельное знакомство его съ *предметами*, котораго мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не замѣчали у составителей этимологическихъ словарей (Bréal, Prellwitz, Uhlenbeck, отчасти Kluge), 4) прямо поразительное знакомство и добросовѣстность въ использованіи богатой этимологической литературы.

Всѣ эти достоинства позволяютъ намъ уже болѣе не распространяться о высокихъ преимуществахъ разбираемаго труда и только рекомендовать его лингвистамъ, филологамъ, историкамъ культуры, литературы и религіи для внимательнаго изученія. Можно также надѣяться, что словарь Вальде въ обширномъ кругу не узкихъ спеціалистовъ по данному предмету возстановитъ репутацію „сравнительнаго языкознанія", поколебленную гипотетическими наклонностями нѣкоторыхъ представителей геттингенской школы.

Послѣ сказаннаго я уже прямо перехожу къ недостаткамъ этимологическаго словаря; что таковые дѣйствительно имѣются и всетаки въ большемъ количествѣ, чѣмъ ниже найдетъ возможнымъ отмѣтить рецензентъ, — понятно всякому, кто занимался такими вопросами. Такъ Гесихіева глосса ἄβιν. ἐλάτην, οἱ δὲ πεύκην (3) объявляемая исконно-родственной лат. abies (3), должна быть признана относящейся къ эллинистической Κοινή, какъ многія глоссы Гесихія (см. Thumb, Hellenismus 217 sq.), и поэтому скорѣе всего можетъ быть причислена къ латинскимъ элементамъ въ позднѣй-

[1]) Большимъ неудобствомъ является, напримѣръ, то, что, достойный всякой похвалы, капитальный трудъ А. Е. Алекторова: „Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ" (Каз. 1900 г.) составленъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ авторовъ, такъ что для знакомства съ литературой любого вопроса о киргизахъ приходится каждый разъ перелистывать всѣ 900 съ лишнимъ страницъ указателя! Алфавитный списокъ именъ авторовъ тоже нуженъ, но его слѣдуетъ давать только какъ приложеніе къ основному предметному указателю.

шемъ греческомъ языкѣ.—Подъ словомъ alausa (17) отсутствуетъ указаніе галльскаго источника, откуда заимствовано это названіе рыбы; въ данномъ случаѣ было бы желательно замѣчаніе, что извѣстіемъ о галльскомъ происхожденіи слова мы обязаны Авсонію, Mosella 127, см. Kluge E. W.[6] 11.—Слово argilla, argīla (44) выводится изъ греч. ἄργιλος; напрасно авторъ не объяснилъ измѣненія рода въ этомъ словѣ: несомнѣнно мы имѣемъ дѣло опять съ заимствованіемъ эллинистическаго періода, когда древне-греческія feminina на—ος были замѣнены именами съ окончаніемъ—η, см. Lange, De substantivis femininis graecis secundae decl. 1 sq., Hatzidakis Einl. 23 sq., ошибочно Claussen Gr. Lehnw. im Frz. 28 sq.—Подъ словомъ baubor (63) не мѣшало бы присоединеніе къ разсматриваемой этимологической группѣ того, что приводитъ Radermacher Rh. Mus. LIX 311—313.—Слово burgus, выводимое авторомъ изъ германскихъ нарѣчій, скорѣе слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ греч. πύργος (76) см. Thumb. IF XIV 261, G. Meyer Türk. Stud. I 42, ошибочно Thumb. Germ. Abh. f. H. Paul 233.—Слово cammarus (88) правильно выводится изъ греч. κάμαρος; „удвоеніе" въ немъ согласнаго нами будетъ объяснено въ другомъ мѣстѣ, какъ проявленіе дѣйствія экспираторнаго ударенія въ эллинистической народной рѣчи (ошибочно Claussen Gr. Lehnw. 79 sq., N. Jb. f. kl. Alt. XV 411), поэтому неосновательно сомнѣніе Uhlenbeck'a Got. Wb. 2, G. Meyer'a Ngr. Stud. III 22 sq.—castanea (103) неточно выводится изъ греч. κάστανον; слѣдовало бы указать форму καστανέα.—Славянскія формы, приводимыя подъ словомъ cattus (105): котєлъ, котъка—заимствованы изъ греч. яз. и поэтому могли быть пропущены, см. М. Фасмеръ, Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ XII, кн. 2, стр. 247, гдѣ указана и литература о словѣ.—Лат. catasta (104) безъ сомнѣнія восходитъ къ κατάστα, а не cat'hasta (—безтолковая этимологія Штовассера, Progr. d. Franz-Joseph Gymn. zu Wien XXIX); при чемъ κατάστα : κατάστασι : κατάστασις получилось, какъ напр. слово περιόρα, Syme, Syllogos VIII 477 изъ περιόρασι : περιόρασις.—Слово citrus правильно получилось изъ κέδρος (см. Claussen c. l. 70 sq.) и здѣсь нѣтъ надобности прибѣгать къ „измѣненію" dr > tr, какъ это дѣлаетъ W. (122).—Слово cucuma нашъ авторъ отдѣляетъ отъ cucumis едва ли не безъ основаній: хотя W. и указываетъ для него только значеніе: „поваренная посуда", на основаніи котораго онъ уже выводитъ это слово изъ coquo (154), но въ лат. яз. имѣлось и болѣе распространенное значеніе „bauchiger Wasserkrug" („выпуклый сосудъ для воды"), сохранившееся въ романскихъ языкахъ (см. Körting[2] 284) и въ заимствованіяхъ въ греческомъ и албанскомъ языкахъ (см. G. Meyer, Ngr. St. III 34, Alb. Wb. 194, Matzenauer 227, М. Фасмеръ Изв. XII кн. 2 стр. 249). Отсюда же вполнѣ возможно сближеніе cucuma съ cucumis, которому на основаніи этимологіи W. (154) слѣдуетъ приписывать древнѣйшее значеніе „тыква" (къ значенію см. еще Гоголь, Сочиненія II 287 изд. Шенрока).—Ст.-слав. чеканъ „malleus rostratus" вѣроятно совсѣмъ не относится сюда, такъ какъ выводится изъ ср.-греч. τσόκανος, что подтверждается русск.-діал. чока́н, „ударъ" Вятск. Сб. отд. русск. яз. и слов. LXXVI, 175

и проч. (Къ этимологіи греческаго источника см. G. Meyer Ngr. St. II 89, IV 93, Schuchardt, Zeitschr. f. rom. Phil. XV 104 sq.).— Греч. γόπη „выпуклость" (160) можетъ быть понято какъ позднѣйшее измѣненіе формы κόπη въ Sandhi уже въ эллинистическую эпоху (см. M. Vasmer B Z XVI 544—549), поэтому ее рисковано считать вмѣстѣ съ Walde 160, Zupitza, K Z XXXVII 390, Sandhi'ческой дублеттой этой формы уже въ эпоху аріоевропейскаго праязыка.— Слово drungus наврядъ ли можно признать кельтскимъ (185). тѣмъ болѣе, что есть данныя, указывающія на германское его происхожденіе, см. Thumb., Germ. Abh. f. H. Paul 235 sq., Vendryes De hibern. voc. 136 (см. еще Walde 702).—dūracinus (188) авторъ правильно возводитъ къ названію города Dyrrachium, однако уже не впервые, ибо ту же этимологію далъ Reinach, Rev. ét. gr. XII 48—52, см. еще Krumbacher, B Z IX 258, G. Meyer Türk. St. I 29, Korais Ἄτακτα I 189, Miklosić Türk. El. Nachtr. II 106.—Для слова gabata W. (257) нашелъ правдоподобную этимологію; не объясненное имъ вульг.-лат gavata я считаю обратнымъ заимствованіемъ изъ ср.-греч. γαβάθα (примѣры G. Meyer Ngr. Stud. III 19).— Формы camba, gamba (259) правильно выводятся изъ греч. яз. Разные начальные согласные въ этихъ формахъ объясняетъ средствами греческаго языка M. Vasmer B Z XVI 544—549, Claussen Gr. Lehnw. 73.—Лат. gerres (265) я не въ состояніи соединить съ греч. γάρος, γάρον; это послѣднее я считаю заимствованіемъ изъ сѣверно-балканскихъ языковъ (ѳракійскаго?), въ виду начальнаго согласнаго въ ново-греч. ġάρος, см. Фасмеръ Изв. XII кн. 2 стр. 226, и сопоставляю съ ст.-слав. гаръ (*gōr—).—Слово grabātus безъ затрудненій выводится изъ греч. κράββατος, см. Claussen c. l. 79 (но Walde 273); о судьбѣ начальнаго согласнаго см. выше подъ словомъ camba и γόπη.—Слово gunna по фонетическимъ причинамъ слѣдуетъ считать не кельтскимъ (278), а славянскимъ, прошедшимъ чрезъ греческое посредство (см. M. Vasmer, B Z XVI 503 sq.).—Несмотря на разсужденія автора (324) для насъ крайне сомнительно происхожденіе сербск. слов. lopuch изъ лат. lappa.— Слово orca „китъ" точнѣе возводить не къ греч. ὄρυξ (436), а къ позднѣйшему ὄρυγα.—Слово platessa (473) W. возводитъ къ греч. πλατύς, что сомнительно, въ виду отсутствія въ греческомъ языкѣ формъ, болѣе близкихъ по звукамъ и по значенію. Я считаю латинское слово передѣлкой славянскаго плотица „leuciscus rutilus" и ссылаюсь на нѣм. Plötze (см. Brehm Tierleben, Volksausg. II 326) и новогреч. πλατίτσα (см. G. Meyer Ngr. St. II 50 sq.), какъ на свидѣтельства широкаго распространенія этого славянскаго названія рыбы, въ чемъ вижу подтвержденіе своей догадки о происхожденіи латинскаго слова изъ того же источника.—Лат. querquedula вмѣстѣ съ вульг.-лат. cercittula слѣдуетъ считать заимствованіемъ изъ греч. κερκιθαλίς (см. Claussen c. l. 30, 35 и 80); авторъ ошибочно предполагаетъ исконное родство этихъ словъ (533 и 712).—Слово runcina (533) заимствовано изъ греч. ῥυκάνη, въ чемъ насъ убѣждаетъ вульг.-лат. rucina, см. Claussen c. l. 27.—Русск. саванъ заимствовано не изъ латинскаго языка, а изъ греческаго, см. M. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 273, на что указываютъ звуки (ошибочно

Walde 536).—Ст.-слав. сакуль заимствовано также изъ греческаго языка (537) см. М. Фасмеръ Изв. XII, 2, 273.—Къ образованію лат. russus (535) изъ rudh-so вполнѣ точной параллелью является родственное съ нимъ, но не заимствованное (ошибочно G. Meyer Ngr. St. III 57, Matzenauer Listy Fil. XVII 193, Cizí slova 72) ст.-слав. русъ (см. Pedersen JF V 39, 41 и 58).—Русск. самвикъ заимствовано изъ греч. σαμβύκη, неточно W. 543.—Лат. spelunca (588) уже Claussen 33 правильно объяснилъ изъ σπήλυγγα : σπῆλυξ. — sporta (590) W. Schulze Sitzungsb. d. Berl. Akad. 1905 стр. 726 сл. объясняетъ этрусскимъ посредствомъ изъ греч. σφυρίς.—Слово tessera (625) безъ затрудненій можетъ быть возведено къ эллинистическому τέσσερα получившемуся изъ τέσσαρα путемъ ассимиляціи (см. Dieterich, Untersuchungen 4 sq., Nachmanson 146, Mayser 14 и 57, G. Meyer Gr. Gr.[3] 261 и 499).—Къ слову verbena я присоединяю темное мѣсто въ Carmen arvale : stā verber; въ stā я вижу форму iniunctivi „да возвысится“, а verber сопоставляю съ др.-верх.-нѣм. rēba, въ которомъ вижу сохраненіе древнѣйшаго значенія: „виноградная лоза“ (см. 658).—Слово viverra отъ славянъ попало къ римлянамъ чрезъ греческое посредство, см. M. Vasmer B Z XVI 554 (иначе W. 679).—mulus едва ли правильно нашъ авторъ сближаетъ съ алб. mušk, хотя для послѣдняго имѣется другая этимологія (см. G. Meyer Alb. Wb. 293, JF I 322 sq.), подтверждаемая свидѣтельствами древнихъ авторовъ, см. Schrader Reall. 205 sq.—Слово remulcum (520 сл. и 712 сл.) нашъ авторъ объясняетъ средствами латинскаго языка, хотя Claussen 110 доказалъ его греческое происхожденіе.—Русск. берлога W. 220 sq. сближаетъ съ лат. fiber „бобръ“; между тѣмъ славянское слово заимствовано изъ нѣм. Bärloch, см. Фасмеръ Виз. Врем. XIII 457, G. Meyer Ngr. St. II 44, Karłowicz Slownik wyrazów s. v.—Слово ковшъ W. 157 считаетъ источникомъ литовскаго kaušas; но послѣднее можетъ быть сопоставлено съ греч. καυκίον, др.-инд. kóças, др.-норд. hauss „черепъ“ см. Uhlenbeck Et. Wb. d. ai. Spr. 66 sq.; къ переходу значенія черепъ > сосудъ см. Schrader Reall. 277 sq., Walde 114. Въ такомъ же случаѣ слово ковшъ слѣдуетъ признать заимствованнымъ изъ литовскаго языка (см. еще Погодинъ Извѣстія отд. русск. яз. и слов. X, кн. 3, стр. 13).—Слово плита слѣдуетъ считать исконнославянскимъ, вопреки мнѣнію нашего автора (327), съ правильнымъ соотвѣтствіемъ слав. *i* индоевр. *in* (о чемъ Lorentz Archiv f. slav. Phil. XVIII, 99 сл. Vondrák. B B XXIX 201—225), въ то время какъ ст.-сл. плинъта заимствовано изъ греч. языка (см. М. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2, стр. 265).—Съ лат. talea (614) авторъ сравниваетъ ст.-сл. талиꙗ, но послѣднее опять несомнѣнно должно быть признано заимствованіемъ, см. Фасмеръ Изв. XII, кн. 2 стр. 280, Leskien JF XIX 207.

М. Фасмеръ.

Журналы за 1907 годъ.

Византійскій Временникъ, т. XIII, в. 3-4 (1906г.). Библіографія. Россія и Западная Европа. Б. Филологія и исторія литературы. *М. Фасмера.*— В. Исторія и географія. *А. Васильева.*—Г. Искусство и археологія. *Д. Айналова* и *Е. Рѣдина.*—Славянскія земли. *Г. Ильинскаго*—Греція и Турція. *А. Пападопуло-Керамевса* — Syrie. *J. Guidi.* — Arabica. *И. Крачковскаго.* — Египетъ и Абессинія. *Б. Тураева.*

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серія. №№ 1-18 *Приложенія къ протоколамъ засѣданій Академіи.* Темы на соисканіе премій имени Михельсона въ 1907-1909 гг. (стр. 16).—Транскрипція русскихъ собственныхъ именъ, принятая Имп. Академіею Наукъ (стр. 35).—*Н. К. Никольскій.* Проспектъ изданія памятниковъ Русской литературы до-монгольскаго періода (стр. 199).—Протоколъ засѣданія Малорусской комиссіи по вопросу о системѣ правописанія для изданія „Словаря украинскаго языка“ (стр. 233).—*П. Стебницкій.* По вопросу объ украинскомъ правописаніи (236).—Записка объ изданіи памятниковъ Русской литературы съ древнѣйшаго времени (стр. 241).— Записка объ ученыхъ трудахъ проф. Н. П. Дашкевича (стр. 477).—Записка объ ученыхъ трудахъ В. М. Истрина (стр. 481).—Положеніе о преміи имени С. Н. Шубинскаго (стр. 795).—Некрологи: В. В. Стасова. Чит. *Н. П. Кондаковъ.* (стр. 271).—А. Биленштейна. Чит. *К. Г. Залеманъ* (стр. 695).—*В. В. Радловъ.* Отчетъ о командировкѣ для обозрѣнія Этнографическихъ Музеевъ. (стр. 743).—*А. А. Шахматовъ.* Какъ назывался первый русскій святой мученикъ? (стр. 261)—*Его-же.* Южныя поселенія Вятичей. (стр. 715).—*Ѳ. Е. Коршъ.* Опыты объясненія заимствованныхъ словъ въ русскомъ языкѣ (стр. 755).—*Ю. А. Кулаковскій.* Стратегика императора Никифора Фоки. (стр. 34).— *К. Г. Залеманъ.* Списокъ Персидскихъ рукописей и книгъ, пріобрѣтенныхъ отъ И. И. Десницкаго. (стр. 43).—*Его-же.* Списокъ Персидскихъ рукописей Л. Ѳ. Богданова. (стр. 799).—*Его-же.* Замѣтки по Манихейской письменности. I-II. (стр. 175 и 531).—*П. К. Коковцевъ.* Нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней съ христіанско-сирійскими надписями изъ Средней Азіи. Съ двумя таблицами. (стр. 427.).—*Ѳ. Э. фонъ-Леммъ.* Отрывки библіи на Сахидскомъ нарѣчіи. III. (стр. 45.).—*Его-же.* Мелкія замѣтки по Коптской письменности. I—XXV (стр. 141 и 495).— *С. Ѳ. Ольденбургъ.* Краткая опись составленнаго д-ромъ Кохановскимъ собранія древностей изъ Турфана (стр. 805).—*В. В. Радловъ.* Уйгурскій текстъ XII вѣка (стр. 377).—*Ѳ. И. Щербатской.* О приписываемомъ Майтрейѣ сочиненіи Abhisamayalamkara (стр. 115.).

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи. Вып. 21. (Съ 9 табл. и 30 рис.). *А. Л. Бертье-Делагардъ.* О Херсонесѣ. Крестообразный храмъ. Крещальня.— Крѣпостная ограда. **Прибавленіе къ вып. 21.** Археологическая хроника и библіографія (за 2-ю половину 1906 г.). **Вып. 22.** *П. Покрышкинъ.* Церкви Псковскаго типа XV—XVI столѣтій по восточному побережью Чудского озера и на р. Наровѣ (съ 1 табл. и 47 рис.).—*Н. Макаренко.* Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Полтавской губ. въ 1906 г. (съ 64 рис.).—Попеченіе о памятникахъ старины въ европейскихъ государствахъ. Перев. съ англійск. *П. Латышева.* **Вып. 24.** *Н. В. Султановъ.* Остатки якутскаго острога и нѣкоторые другіе памятники деревяннаго зодчества въ Сибири. (Съ 18 табл. и 50 чертеж.).

Извѣстия на Етнографическия Музей въ София, кн. I. Вмѣсто прѣдговоръ.—*Д. Мариновъ.* Боенецъ.—*Его-же.* Патерица.—*Его-же.* Еньѝ, Еньо, Енья или Еньова бульа.—*Его-же.* Кукови или кукери.—*П. Койчевъ.* Българската куща, памятници и художествени богатства на България.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанск. Унив., в. 4. *Н. Высоцкій.* Лихорадка, ея происхожденіе и способы лѣченія по народнымъ воззрѣніямъ. — *Л. Люперсольскій.* Изъ воспоминаній о с. Мещеряковѣ. — *Н. Катановъ.* Памяти Сергѣя Михайловича Шпилевскаго. — *И. Никитинъ-Юрки.* Чолъ-Йоба (каменный столбъ).—*Его-же.* Пузырь-шапаръ. — *Н. Петровскій.* По поводу новаго изданія „Путешествіе въ Персію“ Г. Тектандера.—*Свящ. А. Ивановъ.* Указатель книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ на русскомъ языкѣ о чувашахъ, въ связи съ другими инородцами Средняго Поволжья, съ 1754 по 1906 годъ.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н., т. XII, кн. 3. *Н. Трубицынъ.* Александръ Николаевичъ Веселовскій.—*А. Никольскій.* Сказаніе о двухъ Новгородскихъ чудесахъ изъ житія святаго Іанна Предтечи и Крестителя Господня.—*Э. Вольтеръ.* Латышскіе отрывки.—*А. Погодинъ.* Къ вопросу о русскихъ словарныхъ заимствованіяхъ изъ финскаго языка.—Библіографія. *Ю. Поливка* на „Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov".—*Н. Виноградовъ* на „Труды второго областного Тверского Археологическаго Съѣзда".

Narodopisný Věstnik. (Этнографическій Вѣстникъ Чешско-славянскій). **№ 9—10.** *Янъ Тыкачъ.* Ленъ и льняной промыселъ въ околицѣ Чешской-Требовой.—*Ю. Горакъ.* Этнографическіе матеріалы изъ края по-Сазавскаго. Сказки, пѣсни и т. д.— *В. Тилле.* Словацкія сказки изъ Краковanъ (окр. Питра).—Рецензіи на четыре работы.—Полемика по поводу Этнографической карты Моравіи.—Этнографическія мелочи.—Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ. **1908, № 1.** *І. Копачъ.* Чепцы въ Гумполецкомъ краѣ (съ рис.).—*В. Вавра.* Горжички. Къ народной медицинѣ.—Рецензіи на четыре работы. — Этнографическія мелочи. — Извѣстія изъ этнографическихъ обществъ и музеевъ.—Приложеніе. *І. Кубинъ.* Чешскія сказки изъ Кладскаго края.—Оглавленіе и указатели за 1907 годъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 3. *А. Лукьяненко.* О языкѣ Несторова житія препод. Ѳеодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ.—*А. Ветуховъ.* Заговоры, заклинанія, обереги и т. п. Заговоры отъ болѣзней, рѣже встрѣчающихся.—*В. Бобровъ.* Русскія народныя сказки о животныхъ.—Труды Московской Діалектологической комиссіи. Сводъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіей. Краткая программа по собиранію особенностей русскихъ говоровъ. Владимірская губ., Калужская губ.—обработаны *Н. Дурново.*; Нижегородская губ. - *Ушаковымъ;* Курская губ.—*И. Тарабаринымъ* и *Н. Дурново.*—*А. Соболевскій.* Новыя данныя о муромскомъ говорѣ.—*В. Францевъ.* Проф. Янъ. Гебауеръ (некрологъ).—*Е. Корскій.* А. А. Кочубинскій (некрологъ).—Замѣтки. Критика и библіографія.

Старые Годы, № 11. Хроника. *М.* Новый кладъ.—Библіографія. *Бар. Н. Врангель.* Вновь появившіяся книги по вопросамъ старины и искусства. **№ 12.** Хроника. *С. М.* Разрушеніе Самаркандскихъ мечетей. Приложеніе. *Бар. А. Фелькерзамъ.* Алфавитный указатель золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ.

Україна, № 10, *І. Стешенко.* Історія української драми. Розділ V.—*В. Даниловъ.* Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго и его литературной дѣятельности.—Библіографія.—По журналамъ.

Н. В.

Новости литературы.

Адресъ-календарь и Памятная книжка Могилевской губерніи на 1907 г. Могилевъ.

Аллемановъ, Д. и *Звѣревъ, А.* Современное нотописаніе греческой церкви. Спб. 58 стр.

Baye, baron de- Au Nord de la Chaîne du Caucase. Paris.

Берсъ, А. А. Естественная исторія чорта (его рожденіе, жизнь и смерть). Религіозно-историческое изслѣдованіе. Спб. 1908.

Бобчевъ, С. Българската челядна задруга. Историко-правни студии. София. 207 стр.

Борисовъ. А. А. У самоѣдовъ. Отъ Пинеги до Карскаго моря. Путевые очерки художника. Съ автобіографической замѣткой и съ 36 снимками съ картинъ автора. Спб.

Васильевъ, Л. Л. Къ характеристикѣ сильно акающихъ говоровъ. Варшава. 22 стр.

Ветуховъ, А. Заговоры, заклинанія, обереги и другіе виды народнаго врачеванія, основанные на вѣрѣ въ силу слова. (Изъ исторіи мысли). Вып. I—II. Варшава. 522+VII.

Византійскій Временникъ. Т. XIII, в. 3 и 4. Спб. XXXV+521—734+I+II++213 стр.

Временникъ дьяка Ивана Тимофеева. Спб. 216 стлб.

Вульфсонъ, Э. С. Какъ живутъ сарты. Изданіе А. С. Панафидиной. Москва. 1908.

Его же. Эсты, ихъ жизнь и нравы. Москва. 1908.

Гнѣдичъ, П. Исторія искусствъ. Вып. X. Съ 6 раскраш. табл., 3 рисунками на цвѣтномъ фонѣ и 175 рисунк. въ текстѣ. 3-е изданіе. Спб.

Григорьевъ, А. Подлинная карта Сибири XVII в. (Работы Семена Ремезова). Спб.

Драгомановъ, М. Розвідки про Украïнську народню словесність і письменство. Т. IV. Львів. 399 стр. Съ 18 рис.

Древности. Труды Имп. Московск. Археол. О-ва. Т. XXI, в. 2. М.

Древности. Труды Комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. И. М. А. О-ва.

Древняя высшая магія. Теорія и практическія формулы. Переводъ съ французскаго И. Антошевскаго, подъ редакціей И. К. Свешотна. Спб.

Ежегодникъ Казанскаго Городского Научно-Промышленнаго Музея. Казань.

Етнографічний збірник, т.т. XIX и XXIII.

Жаковъ, К. Ѳ. Ніеганелла. (Сказаніе о Злѣ). Спб. 1908.

Жамцарановъ, Ц. Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ. Спб. 20 стр.

Ждановъ, И. Н. Сочиненія, Томъ 2-й. Спб. IV+610+I стр.

Записки Имп. Новороссійскаго Университета. ТТ. CVII, CVIII. Одесса.

Записки Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей. Т. XXVII. Одесса.

Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Имп. Русск. Археолог. О-ва. Т. VII, в. 2. Спб.

Записки Уральскаго О-ва Любителей Естествознанія. Т. XXVI. Съ 42 карт. и 1 табл. рис. Екатеринбургъ.

Zbornik za narodni život i običaje južnich slavena. Кн. XI, sv. 2. U Zagrebu.

Иверсенъ, В. М. Нѣсколько рѣдкихъ и интересныхъ русскихъ монетъ изъ собранія В. М. Иверсена. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ. V серія. Т. XXV, № 5. Спб.

Извѣстія Имп. Академіи Наукъ, VI серія. №№ 17 и 18. Спб.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1907 г. Тома XII-го книжка 3-я. Спб.

Извѣстія Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ. Т. XII. стр. 254 + альбомъ. Софія.

Иностранцевъ, К. Къ изученію оссуаріевъ. Спб. 4 стр. + 1 табл.

Его-же. Туркестанскіе оссуаріи и астоданы. Спб. 8 стр.

Iochelson, W. The koryak religion and myths. New-York. 1905.

Красновъ, А. Н. проф. Курсъ землевѣдѣнія. (Въ двухъ частяхъ). Спб. 1908.

Козьминъ, Николай. Кургоминскіе причеты (свадебныя причитанія Кургоминской волости Шенкурскаго у.)- Архангельскъ. 23 стр. 16°

Кузьминъ, С. Россія и русскій народъ въ характеристикѣ М. П. Погодина. Спб. 1908.

Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Ѳедора Козьмича. Спб.

Лукьяненко, А. М. О языкѣ Несторова житія преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго по древнѣйшему изъ дошедшихъ списковъ. Варшава.

Лядовъ, Анатолій (переложилъ). 35 пѣсенъ русскаго народа для одного голоса съ сопровожденіемъ фортепьяно, изъ собранныхъ въ 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовымъ, Ѳ. М. Истоминымъ и Ѳ. И. Покровскимъ въ губ. Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской. Изд. съ Высочайшаго соизволенія пѣсенною Коммисіею И. Р. Г. О-ва. S. l. et a. 28 стр. 4°.

Македоновъ, Л. В. Населеніе Кубанской области по даннымъ вторыхъ экземпляровъ листовъ переписи 1897 г. Екатеринодаръ.

Матеріалы по археологіи Кавказа. В. XI. М.

Матеріалы по изученію Дальняго Востока. Вып. XII. Харбинъ.

Матеріяли до Украïнсько-руськоï етнольогiï, т. IX. Дитина в звичаях і віруваннях украïнського народа. Львів. 144 стр.

Миллеръ, В. Татскіе этюды. Ч. II. Опытъ грамматики татскаго языка. М. IX + 64 + 11 стр. (Труды по востоковѣдѣнію Лазаревск. Инст. Восточныхъ языковъ, вып. XXVI).

Мошковъ, В. А. Новая теорія происхожденія человѣка и его вырожденія, составленная по даннымъ зоологіи, геологіи, археологіи, антропологіи, этнографіи, исторіи и статистики. Т. I. Происхожденіе человѣка. Варшава. 1907. 239 стр.

Нагуевскій, Д., проф. Изъ польской нумизматики и археологіи. Казань. 1908.

Новая повѣсть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и Великомъ государствѣ Московскомъ. Спб.

Обзоръ Подольской губерніи за 1905 г.

Образцы народной литературы Тюркскихъ племенъ, изданные В. Радловымъ. Ч. IX. Нарѣчія урянхайцевъ (сойотовъ), абаканскихъ Татаръ и карагасовъ. Тексты, собранные и переведенные Н. Ѳ. Катановымъ. Тексты. Спб. I+VI+XXXII + 668 + XLVIII стр.

Тоже. Переводы. Спб. I + VI + XXV + 658 + I стр.

Отчетъ Имп. Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей за 1906 г. (67-й). Одесса.

Памятная книжка Енисейской губ. на 1907 годъ. Красноярскъ.

Памятная книжка Псковской губ. на 1907 г. Псковъ.

Памятная книжка Тульской губ. на 1907 г. Тула.

Пекарскій, Э. Краткій русско-якутскій словарь. Якутскъ. 147 стр.

Пермскій Научно-Промышленный Музей. Краткій указатель. (Извлеченъ изъ путеводителя по Музею *И. Г. Остроумова*). Пермь. 16 стр. 16°.

Петровъ, А. Очерки соціальнаго быта современной Японіи. (Изв. Восточнаго Института, т. XV, в. 6). Владивостокъ.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. XVII. Западно-русскія лѣтописи. Спб.

Положеніе о Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. М. S. l. et a.

Попруженко, М. Св. Козьмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. Спб. XVI+86 стр.+II табл. фототип.

Поржезинскій, В., проф. Введеніе въ языковѣдѣніе. Пособіе къ лекціямъ. Москва.

Пришвинъ, М. Въ краю непуганныхъ птицъ. Очерки Выговскаго края. Съ 66-ю рисунками. Спб.

Путеводитель по Дашковскому Этнографическому Музею. М.

Радловъ, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ племенъ. Т. IV, в. 3. Спб.

Ренанъ, Эрнестъ. Исторія израильскаго народа. Томъ II. Перев. съ франц. Е. П. Смирнова (Исторія происхожденія христіанства. Т. II). Изданіе Н. Глаголева. Спб.

Риттихъ, А. Западно-русская граница и русская народность. Спб.

Розовъ, А. Значеніе грамотъ XIV и XV вѣковъ для исторіи малорусскаго языка. Кіевъ. 20 стр.

Рѣдинъ Е. К. Памяти профессора И. В. Помяловскаго († 28-го сентября 1906 г.). Харьковъ. 1908.

Рѣчи, произнесенныя 15 мая 1907 г. при погребеніи заслуж. ординарн. профессора Имп. Новороссійскаго университета *А. А. Кочубинскаго*. Одесса. 15 стр.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 82-й. Спб.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н. Т. 83. Спб. II+II+I порт.+88+23 табл.+I+62+ +I+43+4 табл.+I+150+I+304 стр.

Свешотна, И. К. Ключъ къ тайнамъ египетской астрологіи и подробныя правила и наставленія къ составленію гороскоповъ. Спб.

Справочная книжка Самаркандской области. 1907 г. в. IX. Самаркандъ.

Статистическій обзоръ Псковской губ. за 1906 г. Псковъ.

Такъ называемое иное сказаніе. Спб. 144 стлб.

Тектандеръ, Георгій. Краткое и правдивое описаніе путешествія изъ Праги черезъ Силезію, Польшу, Москву, Татарію къ царскому двору въ Персію въ 1602—1604 гг. Нѣмецкій текстъ по изданію 1608 г. съ предисловіемъ В. А. Францева. Прага. 1908.

Труды Вятской ученой архивной Комиссіи, за 1907 г. 40 + IV + 70 + 103 + 2 стр.

Труды Оренбурской Ученой Архивной Комиссіи. Вып. XVIII. (указат. къ вв. I—XVIII.). Оренбургъ.

Труды Троицко-Савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва. Т. VIII, вв. 1-3. Спб. 1906.

Указатель къ первымъ осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Изд. Имп. Археографич. Комиссіи. Отд. II. Указатель географическій (А.—Ѳ). Спб.

Успенскій, В, и *Писаревъ, С.* Лицевое житіе преподобнаго Іоасафа, царевича Индійскаго. (Фотографическое воспроизведеніе рукописи изъ библіотеки царя Алексѣя Михайловича). Спб. 1908.

— Основаніе московскаго Успенскаго собора и преставленіе святого Петра митрополита. Фототипическая выпись изъ Лицеваго Царственнаго Лѣтописца XVI—XVII в.в.). Спб. 1908.

Фасмеръ, М. Къ вопросу о языкѣ древнихъ македонянъ. (Отт. изъ „Ж. М. Н. Пр.", стр. 22-35).

Его-же Филологія и исторія литературы (библіографія). Отт. изъ XIII т. „Визант. Врем." 37 стр.

Филевичъ. И. П., проф. Изъ исторіи карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г. (1848—1866). Варшава.

Чтенія въ Императ. О-вѣ Исторіи и Древности Россійскихъ при Московскомъ Унив. Кн. 2 и 3.

Шахматовъ, А. А. Южныя поселенія вятичей. Спб. стр. 715—729. Отт изъ „Изв. И. А. Н.").

Яварскій, Ю. А. Новая гипотеза о происхожденіи т. наз. Грюнвальдской пѣсни. Кіевъ. 25 стр.

Н. В.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Какъ перестали убивать стариковъ въ Малороссіи.

При раскопкѣ кургановъ въ мѣстечкѣ Воронежѣ Черниговской губерніи старикъ рабочій, Яковъ Шевченко, разсказалъ слѣдующую легенду:

Въ прежнее время не было обыкновенія дожидаться, когда старый человѣкъ умретъ своею смертью. Ежели который станетъ никуда негоденъ, такого убивали, чтобъ даромъ хлѣба не ѣлъ; садили на лубокъ, везли куда нибудь за огороды и добивали довбней. Разъ повезъ одинъ человѣкъ своего батька за огороды, съ нимъ увязался хлопчикъ небольшой, внучекъ, значитъ, того, старичка.

— Вы, тату, говоритъ, лубокъ назадъ возьмите, я васъ тоже на немъ, когда выросту, повезу..,

Подумалъ тогда тотъ человѣкъ: нехорошо это убивать стариковъ; придетъ время повезутъ и меня... а развѣ нельзя безъ этого?.. Можно бъ оставить стараго: пусть бы жилъ... да люди больно надоѣдаютъ,—„скоро, говорятъ, стараго на лубкѣ отвезешъ? пора бъ уже, давно пора?..“ Что тутъ дѣлать? И надумалъ сынъ спрятать батька въ погребъ и кормить его потихоньку, чтобъ люди не видали. Такъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ подошелъ голодный годъ. Съѣли люди весь хлѣбъ, стали питаться желудями, лебедой да сосновой корой. Пришелъ сынъ къ старому отцу въ погребъ и сталъ его спрашивать:

— Что дѣлать, тáту? Нечѣмъ тебя кормить... Придется отвезти васъ на лубкѣ... Приходитъ весна, а сѣять нечего, доведется на будущій годъ безъ хлѣба сидѣть...

— Дѣлай какъ лучше,—отвѣчалъ отецъ,—хочешь посадить меня на лубокъ, сади, твое дѣло; только на всякій случай исполни такой мой совѣтъ: раскрой ты крышу, собери солому и раструси ее по

полю. Послушался сынъ отца. У людей поля голыя, а у нашего человѣка колосится на нивѣ рожь. Стали его спрашивать люди, гдѣ онъ взялъ сѣмянъ.

— Я вамъ признаюсь, добрые люди, сказалъ нашъ человѣкъ,— я своего батька не убивалъ,—онъ у меня въ погребѣ сидитъ, я ему туда пить-ѣсть ношу. Это батько мнѣ посовѣтовалъ, чтобъ я разкрылъ крышу и раструсилъ солому по полю, а въ соломѣ оказались зерна, вотъ они и взошли.

— Ага, вотъ что! сказали люди... Надо, видно старыхъ людей держать для *добраго совѣта*. Да и Богъ тому помогаетъ, за кого старые люди Богу молятся. И съ той поры перестали старыхъ людей на лубкѣ отвозить.

Ив. Абрамовъ.

Этнографическія мелочи.

Изъ Кадниковскго уѣзда.

Загадки.

1) Печь-перепечь, полна печь пироговъ, промежу пироговъ,— большой коравай. (Небо и въ немъ мѣсяцъ и звѣзды).

2) Стоятъ вилы, а на нихъ-то коробъ, на коробу-то городъ, въ городѣ-то роща,въ этой рощѣ звѣрье гуляетъ (человѣкъ: вилы—ноги, коробъ—туловище, городъ—голова, роща—волоса, а звѣри—вши).

3) Два жучка въ мучкѣ катаются, а не смѣшаются. Есть у меня возжечки, кругомъ поля встанутъ, а вокругъ головы не встанутъ. (Глаза).

4) Есть у меня Дарья да Марья, да двѣ Пелагіи, да сукинъ сынъ и повозникъ съ нимъ. (Лошадь, дровни и сѣдокъ).

5) Взойду я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюй-лю-лю, утѣшу я, утѣшу старца въ кильѣ, младенца въ зыбкѣ, красную дѣвушку въ терему. (Звонарь, колокольня и колокола).

6) На улицѣ столбомъ, а въ избѣ скатертью. (Чадъ въ комнатѣ).

7) — Сова-ты, сова, полно по морю летать, полно золото имать!— „Мовчи же ты космачъ и тебѣ не миновать.“ (Сова—клюка, золото— горячіе угли въ печи, космачъ — помело).

8) Сидитъ курица съ золотыми яйцами. (Печурка съ горячими углями).

9) Сорока въ кустъ, Алексій за хвостъ. (Сорока—сковорода, Алексій—сковородникъ).

10) Стоитъ Прошка на одной ножкѣ, крошенину крошитъ. (Свѣтецъ, въ который воткнута горящая лучина, отъ которой падаютъ угли).

11) День корпитъ и ночь корпитъ, одно утро спитъ (Заслонка у печи, которая день и ночь бываетъ приставлена къ печи, только утромъ убираютъ).

12) Къ верху дыра и къ низу дыра, а посрединѣ огонь да вода. (Самоваръ).

13) Рыба въ морѣ, а хвостъ на волѣ. (Ковшъ повѣшенный къ кадкѣ и опущенный въ воду).

14) Баба-яга—раскоматая нога, весь міръ кормитъ, а сама голодна (Соха).

15) Лежитъ красавица—лицомъ въ подлавицу (Топоръ, который крестьяне, обыкновенно, кладутъ въ избѣ подъ лавку).

16) Пять, пять овецъ зародъ ощипали, да пять, пять овецъ труху обирали. (Пряденье нитокъ).

17) Съ локоть мохнато, да съ локоть голова, да съ локоть въ гузно ушла. (Веретено съ навитыми нитками).

18) Самъ худъ, а голова съ пудъ. (Безмѣнъ).

19) Церковка—соловейкова, не я тебя глажу, сама гладка. (Бутылка съ водкою).

20) Въ лѣсѣ оно и съ лѣсомъ ровно, а не видно его. (Сердцевина).

21) Есть у меня брусъ, во всю Русь, какъ-бы руки да ноги, такъ вора-бы связалъ, а ротъ да глаза, все-бы разсказалъ. (Дорога).

22) Что въ сундукѣ не запереть? (Солнце).

23) Что чаще лѣсу? (Мелкія звѣзды въ небѣ).

24) Что краше солнца? (Хлѣбъ).

25) Что на гвоздь не повѣсить? (Яйцо).

26) Что безъ отвѣту? (Скотъ).

27) Что безъ голосу? (Рыба).

28) Что безъ дороги? (Птица летитъ).

29) Что безъ умолку? (Рѣчка журчитъ).

30) Что въ избѣ за медвѣжій глазъ? (Сукъ въ стѣнѣ).

31) Не помню, не вижу и не знаю. (Не помню, какъ родился, не вижу, какъ росту, и не знаю, когда умру).

32) Въ дряхлой избушкѣ жили пусто да ничего, избушка стала рушится, пусто вышло въ двери, а ничего въ окно; кого задавило въ избушкѣ? („Да").

А. Неуступовъ.

Умерла правда...

Въ Глуховскомъ и смежномъ съ нимъ Кролевецкомъ уѣздахъ вы нерѣдко услышите въ крестьянскомъ разговорѣ выраженія: „Позвонили по правдѣ..." „Умерла правда..." Выраженіе „позвонили по правдѣ" возникло недавно и вотъ по какому случаю. Судились въ волостномъ правленіи два сосѣда. Судъ виновнаго оправдалъ, а праваго присудилъ къ наказанію. Идетъ по улицѣ невинно осужденный и опустилъ въ раздумьи голову. Встрѣчаетъ его псаломщикъ:

— Что ты, — спрашиваетъ, — не веселъ, буйну голову повѣсилъ?

„Такъ и такъ, отвѣчаетъ невинно пострадавшій, думаю, гдѣ бы правду на свѣтѣ сыскать..."

— Лучше не ищи, не сыщешь,—отвѣчаетъ псаломщикъ,—потому умерла правда.

— Вѣрно, что умерла! Такъ надо бы по ней позвонить, все равно, какъ бы по покойнику...

— Что-жъ,—согласился псаломщикъ,—пожертвуй на церковь зелененькую, такъ пойду до батюшки за разрѣшеніемъ.

Батюшка сказалъ, что за зелененькую позвонить можно. Псаломщикъ полѣзъ на колокольню и скоро надъ селомъ понеслись глухіе и печальные переливы похороннаго перезвона.

— Кто это, братцы, умеръ нынче?—стали спрашивать на селѣ—слышь по душѣ трезвонятъ!

— Это правда умерла!—разъяснялъ всѣмъ невинно осужденный мужикъ,—по ней вотъ и трезвонятъ.

Съ тѣхъ поръ и пошло: „позвонили по правдѣ!" „умерла правда!"

Прибавляютъ еще къ этому, что нашелся другой совѣстливый мужикъ, который захотѣлъ воскресить правду. Поспорилъ разъ онъ со своимъ сосѣдомъ за землю, потомъ помирился. „Однако,—говоритъ,—давай посудимся, какъ судъ постановитъ, кто изъ насъ правъ, кто виноватъ". Незадолго до суда пошелъ совѣстливый къ главному судьѣ и проситъ:

— Господинъ судья, сдѣлайте такъ, чтобъ я былъ правъ, а Яковъ виноватъ.

— А что дашь?

— Пять рублей дамъ.

— Мало. Давай двадцать пять!

На томъ и порѣшили. Выдалъ Иванъ судьѣ двадцать пять рублей, а отъ него получилъ расписку. Вотъ разобралъ судъ ихъ дѣло и говоритъ:

— Ты, Иванъ, правъ, а ты, Яковъ, виноватъ.

Тогда выступилъ Иванъ впередъ и говоритъ:

— Хотя вы дѣйствительно такъ присудили, господа судьи, а только виновенъ я, а не Яковъ, и мы уже съ нимъ помирились. А чтобы меня сдѣлать правымъ такой-то судья съ меня хабара взялъ двадцать пять рублей, и въ томъ у меня расписка есть! Правду говорятъ,—закончилъ онъ,—что позвонили по правдѣ, только я ее воскресить желаю!..

Ив. Абрамовъ.

Хроника.

30-лѣтіе Императорскаго Спб. Археологическаго Института и ученой дѣятельности директора его Н. В. Покровскаго. 15 января исполнилось 30-лѣтіе со дня основанія Имп. Спб. Археологическаго Института. Передъ молебномъ священникъ кронштадтскаго собора Поповъ сказалъ слово о значеніи Археологическаго института для изученія Россіи. Затѣмъ Н. В. Покровскій прочелъ историческій очеркъ института, оттѣнивъ въ особенности труды его перваго директора Н. В. Калачева и послѣдующихъ—П. Е. Андреевскаго и А. Н. Труворова. Въ настоящее время причиной, стѣсняющей дѣятельность института и развитіе его библіотеки и музея, остаются недостаточность средствъ и отсутствіе собственнаго помѣщенія, заставлявшее институтъ перекочевывать съ Васильевскаго острова на Ивановскую, Садовую и т. д. За время своего существованія институтъ далъ 23 выпуска съ 1.046 окончившими курсъ. Князь П. А. Путятинъ и К. А. Шапошниковъ особо охарактеризовали свѣтлую личность Н. В. Калачева, а П. С. Яковлевъ (перваго выпуска) очертилъ въ отдѣльности профессорскую дѣятельность Бестужева-Рюмина, И. И. Срезневскаго, А. Н. Майкова, А. Ѳ. Бычкова, Е. Е. Замысловскаго и Н. В. Покровскаго. Затѣмъ депутаціями были прочтены и поднесены привѣтственные адресы: отъ совѣта Императорскаго московскаго археологическаго института—ген. Глазовымъ, отъ Императорскаго русскаго военно-историческаго о-ва—ген. Скалономъ, отъ Костромской ученой архивной Комиссіи—членомъ ея Н. Н. Виноградовымъ и отъ нынѣшнихъ слушателей института—поручикомъ л.-гв. Московскаго полка Карамышевымъ. Въ заключеніе, отъ нынѣшнихъ и бывшихъ слушателей института, профессоровъ и почитателей Н. В. Покровскаго, профессоръ Шляпкинъ прочелъ и преподнесъ грамоту, составленную языкомъ 17 столѣтія (Никоновской лѣтописи и Степенной книги). Грамота въ бархатномъ бюварѣ съ печатью и заключена въ дорогой серебряный ларецъ въ русскомъ стилѣ 17 вѣка, по рисунку академика Парланда, работы Оловянишникова. Также Н. Н. Виноградовымъ былъ поднесенъ адресъ и отъ Костромской ученой архивной Комиссіи, которая въ въ лицѣ юбиляра чествовала своего земляка.

12 ноября исполнилось **70-лѣтіе** государственной службы и непрерывной научной дѣятельности выдающагося археолога и историка **И. Е. Забѣлина**, состоящаго товарищемъ почетнаго предсѣдателя Историческаго музея въ Москвѣ. Вся его жизнь была посвящена изслѣдованію русской старины и главнымъ образомъ бытовой стороны древней русской жизни. Результатомъ этого изслѣдованія были слѣдующіе крупные труды: „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст.“, „Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.“, „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, „Матеріалы для

исторіи, археологіи и статистики г. Москвы", „Исторія города Москвы". Кромѣ этихъ трудовъ Забѣлину принадлежитъ масса статей, помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ. И. Е. Забѣлинъ состоитъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ, почетнымъ докторомъ русской исторіи и имѣетъ рядъ премій за научные труды.

15 октября исполнилось **25-лѣтіе** профессорской дѣятельности академика Императорской Академіи Наукъ и профессора Спб. университета, доктора славяно-русской филологіи **А. И. Соболевскаго**. Въ теченіе своей многолѣтней учено-профессорской дѣятельности проф. Соболевскій написалъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: „Лекціи по исторіи русскаго языка", „Общеславянскія измѣненія звуковъ", „Статьи по славянскому языку", „Образованность Московской Руси XV—XVIII вѣковъ", „Звуки церковно-славянскаго языка", „Великорусскія народныя пѣсни", Церковно-славянскія стихотворенія конца 9-го и начала 10-го вѣковъ", „О типѣ Ильи Муромца", „Къ вопросу о финскомъ вліяніи на великорусское племя", „О малорусскихъ думахъ", „Очеркъ русской діалектологіи", „Слѣды литовскаго вліянія на славянскіе языки", „Замѣтки по исторіи русской драмы", „Свѣтская повѣсть и романъ въ древне-русской литературѣ" и мн. др.

23-декабря исполнилось **35 лѣтъ** со дня полученія **А. Я.** Гаркави званія доктора исторіи Востока. А. Я. Гаркави, выдающійся современный оріенталистъ, родился въ 1839 г. и происходитъ изъ древней еврейской семьи. За диссертацію „Сказаніе мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ" въ 1868 году получилъ степень магистра исторіи Востока. Въ 1872 г. защищалъ диссертацію „О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индоевропейцевъ и хамитовъ", за что и получилъ званіе доктора исторіи Востока. Въ настоящее время г. Гаркави состоитъ библіотекаремъ Императорской публичной библіотеки. Въ цѣломъ рядѣ описаній, подробныхъ катологовъ, статей и брошюръ А. Я. опубликовалъ цѣнные результаты своего изученія собранія библіотеки семитическихъ рукописей. Между прочимъ имъ изучена извѣстная коллекція Фирковичей. Къ этой же категоріи работъ примыкаетъ и предпринятое имъ изданіе цѣлой серіи хранящихся въ публичной библіотекѣ памятниковъ средневѣковой письменности. Кромѣ отдѣльно вышедшихъ изслѣдованій А. Я. написалъ болѣе 100 различнаго рода мемуаровъ, этюдовъ и сообщеній на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и древне-еврейскомъ языкахъ, которые поставили его въ ряду наиболѣе выдающихся современныхъ оріенталистовъ.

† **А. Биленштейнъ. 1826—1907.** 23-го іюня скончался въ Митавѣ, на 82-мъ году отъ роду, пасторъ Dr. А. Биленштейнъ, состоявшій съ 1890 г. членомъ-корреспондентомъ Академіи.

Онъ родился 20-го февраля 1826 г. въ Митавѣ, гдѣ отецъ его, Johann Andreas Bielenstein, состоялъ пасторомъ при городской латышской церкви; въ 1827 г. онъ былъ назначенъ барономъ von der Ropp, владѣльцемъ имѣнія Neu Autz въ Курляндіи, на должность пастора этого прихода.

До 1840 г. сынъ воспитывался дома, а на 15-мъ году отъ роду вступилъ въ извѣстную гимназію Schulpforta близъ Наумбурга и пробылъ въ ней пять лѣтъ въ семействѣ одного изъ учителей, германиста Коберштейна. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этого ученаго, въ лекціяхъ котораго должное мѣсто было отведено исторіи образованія родного языка, наряду съ классическимъ направленіемъ всего обученія въ alma Portensi, возбудили въ юношѣ ту склонность къ филологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, которая сказывается во всей научной дѣятельности Биленштейна. Но и другими качествами, способствовавшими его успѣхамъ, онъ обязанъ воспитанію въ Пфортѣ: строгой умственной дисциплиной и неустаннымъ трудолюбіемъ. Пробывъ съ 1846 по 1850 г. на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго Университета и выдержавъ въ 1851 г. консисторіальный экзаменъ, молодой кандидатъ былъ назначенъ для практическаго подготовленія (praktisches Jahr) къ пастору von Raison въ Gross-Autz'ѣ. Когда въ томъ же году отецъ умеръ, сынъ былъ выбранъ на его мѣсто въ Neu-Autz'ѣ и вступилъ въ 1852 г. въ эту должность, которую занималъ въ теченіе 15-ти лѣтъ. Служебныя обязанности по небольшому приходу оставляли достаточно досуга для научныхъ занятій, которыя, нося сначала богословскій характеръ, скоро сосредоточились на изученіи языка, быта и исторіи того племени, забота о духовномъ благѣ и развитіи котораго была поручена молодому пастору. Какъ членъ Латышско-Литературнаго Общества въ Митавѣ, Биленштейнъ охотно отозвался на предложеніе переиздать латышскую грамматику Hesselberg'а, но вскорѣ убѣдился, что для добросовѣстнаго исполненія этой работы необходимо предварительно изучить научно этотъ языкъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ онъ посвятилъ этой задачѣ,—и плодомъ его изслѣдованій явился трудъ, который навсегда будетъ служить основаніемъ для изученія латышскаго языка, а въ то же время обезпечилъ автору видное мѣсто среди лучшихъ языковѣдовъ. Это сочиненіе—„Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen, erklärend und vergleichend dargestellt“, увѣнчанное Академіею въ 1860 г. половинною Демидовскою преміею, вышло въ свѣтъ въ 1863—64 гг. и было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ со стороны столь компетентныхъ ученыхъ, какъ Шлейхеръ, Поттъ, Боппъ и др. Для практическихъ цѣлей Биленштейнъ издалъ впослѣдствіи: „Lettische Grammatik“, 1863 и „Die Elemente der lettischen Sprache“, 1866. Въ 1864 г. предсѣдатель Латышско-Литературнаго Общества, пасторъ R. Schulz, сложилъ съ себя эту должность, и преемникомъ его, какъ достойнѣйшій кандидатъ, сдѣлался Биленштейнъ, которому суждено было управлять дѣлами общества въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ. Это время по справедливости слѣдуетъ считать самымъ плодотворнымъ и блестящимъ въ исторіи почтеннаго общества, учрежденнаго уже въ началѣ прошлаго столѣтія въ интересахъ распространенія просвѣщенія среди латышской народности. Въ 1867 г. Биленштейнъ переселился въ г. Доблен на должность пастора нѣмецкаго прихода, на которой состоялъ до выхода въ отставку въ 1905 г. и переѣзда въ Митаву. И здѣсь не прекращалась его плодотворная научная и литературная дѣятельность, а кругъ его изслѣдованій постепенно расширялся. Изъ многочисленныхъ трудовъ его упоми-

немъ только болѣе крупные: изслѣдованіе о народныхъ сказкахъ латышей (1874 г.), собраніе народныхъ пѣсенъ (1875 г.), сборникъ тысячи загадокъ (1881 г.) и исправленіе, по порученію Лифляндскаго Синода, латышскаго перевода Библіи, духовныхъ пѣсней и катехизиса, которые читаются нынѣ въ установленномъ Биленштейномъ текстѣ. Но и исторія и археологія латышскаго племени привлекли къ себѣ вниманіе неутомимаго изслѣдователя. Раскопки древнихъ городищъ, въ которыхъ онъ принималъ живое участіе, возбудили вопросъ о доисторической топографіи края; но при скудныхъ литературныхъ свѣдѣніяхъ главнымъ источникомъ для подобнаго рода изслѣдованій должны служить мѣстныя названія, восходящія обыкновенно до весьма древнихъ временъ, и филологическій ихъ разборъ. Предпринять такой разборъ могъ только столь глубокій знатокъ латышскаго языка, какъ Биленштейнъ, которому не были чужды и нарѣчія финскихъ племенъ балтійскаго края. Самъ онъ разсказываетъ, что работалъ болѣе тридцати лѣтъ надъ вторымъ большимъ сочиненіемъ, изданнымъ Академіею при живомъ участіи покойнаго А. А. Куника: „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert", 1892. Смѣло можно утверждать, что ни для одной изъ многочисленныхъ областей Россійской имперіи, въ которой чередовались различныя племена, не существуетъ подобнаго образцоваго изслѣдованія. Послѣдній капитальный трудъ покойнаго ученаго, „Die Holzbauten und Holzgeräte der Letten", издается также Академіею, которая почтила пишущаго эти строки порученіемъ наблюдать за его печатаніемъ. Весною нынѣшняго года вышла первая часть, незадолго до кончины маститаго автора, уже съ начала девяностыхъ годовъ страдавшаго постепеннымъ ослабѣніемъ зрѣнія, такъ что онъ не былъ въ состояніи исполнять письменныя и корректурныя работы. Этотъ трудъ въ теченіе многихъ лѣтъ исполняла для него вѣрная его сотрудница—племянница покойнаго, г-жа Анна Шпонгольцъ, заслуги которой для науки равняются ея заслугамъ по отношенію къ ея покойному дядѣ.

Членамъ Отдѣленія памятно, какая опасность угрожала послѣднему труду Биленштейна, неоцѣнимому по богатству свѣдѣній и широтѣ взгляда въ изложеніи, когда два раза въ 1905 г., 1-го августа и въ началѣ декабря, шайки взбунтовавшихся латышей нападали на Добленскій пасторатъ и сожгли церковный архивъ и большую часть бумагъ и книгъ пастора[1]. Къ счастью, рукопись второй части сочиненія „Die Holzbauten" осталась невредимой.

Понятно удрученіе, охватившее почтеннаго старика вслѣдствіе грубѣйшаго поступка неблагодарности со стороны представителей племени, образованію и изученію котораго была посвящена вся его жизнь, поступка, который онъ простилъ, но забыть не могъ. Тѣмъ не менѣе Биленштейнъ не безъ основанія озаглавилъ свою автобіо-

---

[1]) См. письма пастора Биленштейна ко мнѣ, отпечатанныя при протоколахъ Историко-Филологическаго Отдѣленія отъ 7 октября 1905 и 18 января 1906.

графію, вышедшую въ 1904 г., „Ein glückliches Leben“ [1]). Да, счастливо протекала жизнь его, въ скромномъ пасторатѣ, въ кругу любящей семьи и единомыслящихъ друзей, среди служебныхъ занятій и научныхъ стремленій, которыя сблизили его съ лучшими представителями современной науки и доставили ему на долгое время почетное имя между ними. Но не менѣе дорогой будетъ память пастора Биленштейна для родины, глубокая любовь къ которой руководила всею долголѣтнею его дѣятельностью. И она вправѣ гордиться такимъ сыномъ, ибо въ томъ, какъ онъ развился и кѣмъ онъ былъ, онъ обязанъ въ немалой мѣрѣ своей родинѣ. Have, pia anima! (Съ разрѣшенія автора перепечат. изъ „Изв. И. А. Н)“.

Акад. К. Г. Залеманъ.

† **Гейнрихъ ф. Влислоцкій** родился 9 іюля 1856 г. въ г. Кронштадтѣ въ Трансильваніи, получилъ среднее образованіе въ евангелической гимназіи (Houtevus-gymnasium). Въ 1875 г. поступилъ въ университетъ Клаузенбургскій. Здѣсь онъ преимущественно изучалъ у профессоровъ Гуго Мельтцля германскую филологію и нѣмецкую литературу, у Самуила Брассай—санскритъ. Онъ поражалъ своихъ учителей и товарищей своею робкою застѣнчивостью и исключительнымъ одиночествомъ. Спрятавшись у ниши окна въ коридорѣ, онъ поджидалъ профессора и вслѣдъ за нимъ входилъ въ аудиторію, не вмѣшиваясь въ бесѣды студентовъ. Эта замкнутость и одиночество породили о немъ цѣлый рядъ легендъ, но онѣ были не искусственною сдержанностью, а его природною наклонностью, дошедшею со временемъ до умственнаго заболѣванія. Въ 1879 г. онъ окончилъ свое университетское образованіе. Тогда же профессора Мельцль и Брассай стали издавать „Zeitschrift für vergleidende Literaturgeschichte“ (Временникъ сравнительной исторіи литературъ). Тогда же открылось Влислоцкому обширное поле дѣятельности. По совѣту Мельцля онъ сталъ заниматься цыганскимъ языкомъ и собираніемъ ихъ пѣсенъ. Онъ не удовольствовался изученіемъ языка по книгамъ, а всѣ свои молодые годы посвятилъ непосредственному личному общенію съ трансильванскими цыганами. Онъ проводилъ въ ихъ таборахъ и перекочевкахъ цѣлые годы и, пользуясь ихъ дружбою и довѣріемъ, узналъ всѣ ихъ сокровенныя тайны, дѣлилъ съ ними всѣ ихъ невзгоды и, ставши „братомъ“ кочующихъ цыганъ, проводилъ съ ними зимой и лѣтомъ отъ восьми до десяти мѣсяцевъ непрерывно, въ грязной ихъ обстановкѣ, одно время сидѣлъ съ ними въ тюрьмѣ. Бабы разсказывали ему сказки, дѣвушки пѣли ему пѣсни, а старики передавали ему свои заговоры, заклинанья и разныя особенныя тайны. Результатомъ этихъ наблюденій и записей былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ книгъ и статей въ нѣмецкихъ, мадьярскихъ, англій-

---

[1]) Ein glückliches Leben. Selbstbiographie von Dr. A. Bielenstein, Pastor zu Doblen in Kurland. Mit dem Porträt des Verfassers in Photogravure. Riga. 1904; на стр. 465 сл. списокъ печатныхъ трудовъ автора.—Ср. еще: Pastor Dr. August Bielenstein. Ein Nachruf von H. Diederichs. „Rigasche Zeitung“, 1907 (4 и 5 Juli, №№ 152 и 153).

скихъ и французскихъ журналахъ. Его выдающіеся труды, при всей строгой научности, нерѣдко читаются какъ романы. Вотъ ихъ заглавія: Heideblüten, Volks-Lieder die transylvanischen Zigeuner, Die Sprache d. transylvanischer Zigeuner; Märchen u. Sagen d. transylv. Zigeuner, Volksdichtungen d. siebenbürg. u. südungar. Zigeuner; Vom wandernden Zigeunervolke, Volksglaube u. religiöser Brauch d. Zigeuner; Märchen u. Sagen d. Bukowinaer Siebenbürger Armenier; Aus d. inneren Leben d. Zigeuner (признается самымъ важнымъ трудомъ Влислоцкаго).

Гансъ Ф. Гельмольтъ, редакторъ Всемірной исторіи (Weltgeschichte) пригласилъ Влислоцкаго къ участію въ его изданіи о болгарахъ, финнахъ, гуннахъ, мадьярахъ, румынахъ. Въ серединѣ 90-хъ гг. Влислоцкій посылалъ Гельмольту свои статьи, но подъ конецъ въ письмахъ своихъ къ нему сталъ жаловаться на слабость зрѣнія, а затѣмъ изъ писемъ его стала обнаруживаться и слабость его памяти. Наконецъ подруга его жизни увѣдомила Гельмольта о постигшей Влислоцкаго душевной болѣзни. Онъ прожилъ въ такомъ положеніи еще 8 лѣтъ и недавно скончался въ Бетлеѣ-Сентъ-Миклотѣ.

Онъ пользовался большимъ уваженіемъ не только среди членовъ основаннаго въ Англіи въ 1855 г Gipsy-lore society и особенно австр. Эрцгерцога Іосифа (цыганскаго протектора κατ' ἐξοχήν), но и редакторовъ и сотрудниковъ журналовъ, нѣмецкихъ, мадьярскихъ и англійскихъ по сравнительному языкознанію и фольклору, гдѣ помѣщались статьи покойнаго ученаго, такъ много сдѣлавшаго для изученія цыганскаго языка и быта, нравовъ, обычаевъ этого своеобразнаго племени.

(Изъ Кельнск. газеты, лѣтн. №№ 1907 г.)

† Во Франціи скончался видный византологъ августинецъ **Жюль Паргуаръ**. Онъ принималъ дѣятельное участіе, между прочимъ, въ „Византійскомъ Временникѣ" и въ „Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ". Участвовалъ онъ также и въ громадномъ научномъ предпріятіи — „Словарь христіанской археологіи и богослуженія".

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. Въ засѣданіи 26 октября 1907 года *Э. К. Пекарскій* прочелъ вторую главу изъ „Набросковъ о якутахъ Якутскаго округа" покойнаго В. Ф. Трощанскаго, автора „Эволюціи черной вѣры у якутовъ".

Программа:

Зимнее жилище—юрта или балаганъ. Внѣшняя и внутренняя обстановка жилища. Каминъ. Культъ огня. Роль хозяйки, какъ хранительницы очага. Мебель юрты. Хозяйственный инвентарь якутской семьи: посуда, одежда, разныя хозяйственныя принадлежности. Наружность якутовъ и якутокъ. Два физическіе типа якутовъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ засѣданіи 2 ноября было прочитано сообщеніе *А. К. Сержпутовскаго* „Суевѣрія и предразсудки Полѣсскихъ бѣлоруссовъ„.

Программа:

Топографическія условія мѣстности. Замкнутость жизни народа. Суевѣрія и предразсудки, какъ остатки языческихъ переживаній. Взглядъ на господствующія въ мірѣ двѣ силы: добрую и злую. Колдуны и колдуньи, какъ руководители злой силы. Суевѣрія и предразсудки, связанные съ постройкой жилищъ, съ занятіями, съ главнѣйшими событіями жизни и т. п. Заключеніе. (Были показаны діапозитивы).

9 ноября чл.-сотрудникъ *А. А. Макаренко* сдѣлалъ сообщеніе: „Канунъ по Сибирскимъ селеніямъ".

Программа:

Канунъ какъ обрядовое пивовареніе. Давность его въ Сибири. Цѣль, техника и организація кануна по фактамъ настоящаго и прошлаго времени. Случаи разложенія и исчезновенія этого обычая. Религіозно-мірской характеръ кануна. Отношеніе къ нему властей свѣтскихъ и духовныхъ. (Были показаны діапотизивы).

Въ засѣданіи 28 ноября были заслушаны два сообщенія: 1) чл.-сотр. *Л. Л. Васильева*. „Къ харастеристикѣ сильно-акающихъ говоровъ: предлоги *вы, кы, сы*. 2) чл.-сотр. *Н. Н. Виноградова*. „Заломы и пережины" (Изъ области народныхъ вѣрованій).

30 ноября и 14 декабря *В. И. Анучинъ* дѣлалъ сообщеніе: Енисейцы (Енисейскіе остяки. Результаты экспедиціи 1905—1907 гг.). Объ этомъ сообщеніи будутъ даны болѣе подробныя свѣдѣнія.

Общество Любителей Древней Письменности. Въ засѣданіи 7 декабря были прочитаны доклады *Д. Ѳ. Кобеко*. „Духовное завѣщаніе княгини Мареы Татевой" и *С. В. Смоленскаго* „О трехголосныхъ кантахъ и псальмахъ по рукописямъ конца XVII и нач. XVIII в.". Послѣдній докладъ сопровождался пѣніемъ хора.

Въ засѣданіи 11 января *А. А. Титовъ* сообщилъ объ исчезнувшемъ музеѣ въ Смоленскѣ, а г. *Георгіевскій* объ распроданныхъ изъ Сольвычегодскаго собора иконахъ „Строгановскаго письма".

Имп. Русское Археологическое О-во. Въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 22 ноября были выслушаны сообщенія:

1) *А. Н. Самойловича*: Поѣздка въ Туркестанъ въ 1906—1907 г. (20-го іюля 1906 г.— 21-го января 1907 г.).

2) *Н. Я. Марра*: Еще о словѣ „*челеби*".

3) *А. Д. Руднева*: Новыя данныя по манджурской діалектологіи.

Имп. Академія Наукъ. Въ Общемъ Собраніи 6 октября читано подписанное академиками А. А. Шахматовымъ, Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, А. С. Лаппо-Данилевскимъ, Ѳ. Е. Коршемъ и С. Ѳ. Ольденбургомъ и адъюнктомъ М. А. Дьяконовымъ заявленіе нижеслѣдующаго содержанія: „Изслѣдованіе географической номенклатуры, которое, по единогласному утвержденію изслѣдователей, можетъ дать обильные и прочные научные результаты, находится у насъ въ Россіи почти въ зачаточномъ состояніи. Правда, можно

указать на рядъ попытокъ, предпринятыхъ единичными усиліями тѣхъ или иныхъ ученыхъ, подвергшихъ своему изслѣдованію тотъ или иной районъ съ цѣлью опредѣлить по топографическимъ названіямъ его историко-этнографическое прошлое, но эти попытки были неудачны потому, что для рѣшенія подобныхъ вопросовъ необходима совокупная работа нѣсколькихъ спеціалистовъ-языковѣдовъ. Намъ незачѣмъ указывать на важное значеніе для историковъ и этнографовъ разработки географической номенклатуры Россіи. Но мы думаемъ, что разработка ея будетъ поставлена цѣлесообразно и дастъ достовѣрные результаты только въ томъ случаѣ, если за нее возьмется ученое общество или Академія Наукъ. Опредѣлить методъ изслѣдованія, сосредоточить необходимый для изслѣдованія матеріалъ, освѣтить добытыя данныя всестороннимъ лингвистическимъ изученіемъ—все это требуетъ напряженнаго вниманія и просвѣщенныхъ указаній ученой коллегіи. Академія Наукъ болѣе, чѣмъ какое-либо иное ученое общество, могла бы стать центромъ подобныхъ изученій, какъ потому, что она заключаетъ въ своемъ составѣ ученыхъ языковѣдовъ, такъ и потому, что ей скорѣе, чѣмъ другому ученому обществу, обезпечена помощь со стороны различныхъ спеціалистовъ, а также русскихъ и иностранныхъ ученыхъ коллегій. Въ виду этого нижеподписавшіеся обращаются къ Общему Собранію съ просьбой избрать изъ своей среды Комиссію для предварительной разработки вопросовъ, связанныхъ съ организаціей изученій, встрѣчающихъ несомнѣнное сочувствіе въ нашей ученой средѣ". Положено передать это заявленіе на разсмотрѣніе особой Комиссіи, членами которой избраны академики А. А. Шахматовъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Ѳ. Е. Коршъ, С. Ѳ. Ольденбургъ и А. И. Соболевскій и адъюнктъ М. А. Дьяконовъ.

Въ засѣданіи **Историко-Филологическаго Отдѣленія** Имп. Академіи Наукъ 3 октября академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ, какъ временно завѣдующій Музеемъ Антропологіи и Этнографіи, довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что баронъ Эрнестъ Эдуардовичъ фонъ деръ Брюггенъ и Оскаръ Ивановичъ Іонъ принесли въ даръ Музею Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго двѣ коллекціи изъ быта народа Сакаи (оранъ-батинъ) султанства Сіакъ на островѣ Суматрѣ.

Русское О-во Нормальной и Патологической Психологіи. Засѣданіе 13 ноября. Докладъ *И. М. Трегубова*. Духоборы, ихъ ученіе, исторія и современная жизнь. Содержаніе: Сектанство, какъ народная соціально-религіозная лабораторія. Духоборчество, какъ соціально-религіозная лабораторія русскаго народа. Ученіе духоборовъ. Возникновеніе духоборчества, его распространеніе и гоненія противъ него. Переселеніе духоборовъ въ Таврическую губернію на молочныя воды при Александрѣ I. Сиротскій домъ. Изгнаніе духоборовъ изъ Таврической губерніи на Кавказъ при Николаѣ I. 40-лѣтнее благоденствіе духоборовъ. Дальнѣйшій ростъ духоборческой общины. Полное обобществленіе имущества, отказъ отъ военной службы и сожженіе оружія. Новыя гоненія, тюрьмы и ссылки. Переселеніе въ Канаду. Современное положеніе духоборческой общины

въ Канадѣ. Новыя духоборческія теченія въ Россіи и ихъ глубокій интересъ, для психологовъ, соціологовъ и политиковъ.

Харьковское Историко-Филологическое О-во. Въ засѣданіи О-ва 4 января Д. П. Миллеръ сдѣлалъ интересный докладъ объ этнографическомъ составѣ Харькова въ XIX в. Въ началѣ прошлаго столѣтія Харьковъ былъ по населенію почти украинскимъ городомъ, но уже въ 1818 году замѣченъ былъ его наклонъ къ обрусѣнію, которое стало быстро развиваться съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ усиленіемъ торговли и промышленности. Въ частности переводъ базара на Благовѣщенскую леваду повелъ къ обрусѣнію Панасовки, М.-Х.-А. жел. дороги къ обрусѣнію Холодной горы, удлиненіе конки приводитъ къ обрусѣнію Основы. По переписи 1897 г. въ Харьковѣ изъ 80 тыс. мужчинъ великороссовъ было 58 т., малороссовъ 22 т. женщинъ—великороссокъ 50 т., малороссокъ 20 т., причемъ курьезно, что все духовенство зачислило себя въ великороссы. Въ общемъ великороссовъ 58 % и малороссовъ около 25%.

Проф. Сумцовъ, соглашаясь съ выводами докладчика, замѣтилъ, что можетъ наступить предѣлъ, за которымъ пойдетъ уже сознательное наверстаніе утраченнаго націонализма, особенно, когда въ обществѣ выростетъ сознаніе, что денаціонализація идетъ рука объ руку съ деморализаціей, съ упадкомъ нравовъ и увеличеніемъ преступности, причемъ тѣ окраины, гдѣ болѣе всего обнаруживается денаціонализація, даютъ наибольшее число преступныхъ соціальныхъ элементовъ.

Проф. Данилевичъ указалъ на любопытное явленіе, что прилегающія къ Кіеву малорусскія села лучше подгородныхъ харьковскихъ сохраняютъ свою національность и объяснилъ это явленіе сравнительно большимъ въ Харьковѣ вліяніемъ торговыхъ и промышленныхъ слоевъ, въ особенности, пришлыхъ рабочихъ и приказчиковъ.

Проф. Сумцовъ добавилъ, что сильное обрусѣніе Харькова находитъ себѣ объясненіе въ его географическомъ положеніи въ раіонѣ стараго великаго муравскаго шляха, связывающаго Москву съ Крымомъ. Великорусская волна двигалась и двигается на югъ преимущественно черезъ Харьковъ и естественно осѣдаетъ въ немъ въ большомъ количествѣ.

Спб. Университетскій Студенческій Географическій Кружокъ. Въ засѣданіи 6 ноября *Э. К. Пекарскій* прочелъ „Якуты". Этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы). Въ засѣданіи 20 ноября *Л. Д. Соболевъ* дѣлалъ сообщеніе: „Дальній Востокъ". Географическо-этнографическій очеркъ. (Были показаны діапозитивы).

Въ г. Полтавѣ, при церковномъ историко-археологическомъ Комитетѣ открыто древлехранилище, содержащее въ себѣ свыше 500 предметовъ мѣстной церковной старины.

Тульская Епархіальная Палата Древностей. (Отчетъ за 1905 и 1906-й годы). Какъ въ предыдущіе, такъ и въ 1905 и 1906-й годы, Тульская Палата Древностей продолжала пополняться многими и

разнообразными памятниками старины и разнаго рода книгами. Многія изъ таковыхъ поступленій были вкладомъ жертвователей, сочувствующихъ цѣлямъ Палаты, а многое было пріобрѣтено покупкой—на средства, доставленныя почетными попечителями Палаты. Болѣе интересны (за отчетный періодъ) слѣдующія пріобрѣтенія:

Изъ с. Городищъ, Каширскаго у. Деревянный потиръ, съ изображеніемъ Деисуса.—Деревянная ложка съ изображеніемъ св. Димитрія Царевича, украшена бисеромъ и цвѣтными камешками. Съ подписью: Горатъ Угличъ. 1705.—Икона Успенія Пр. Богородицы, рѣзанная изъ слоновой кости, съ таковымъ же орнаментомъ.—Икона „Соборъ Архистратига Михаила и Гавріила, и прочихъ безплотныхъ силъ“, принадлежавшая И. И. Бѣляеву. Писана по заказу въ Калугѣ 1794 г.—Потиръ серебр. XVIII-го вѣка, принадлежавшій церкви с. Бѣлымова Бѣлев. у.—Серебряный стаканчикъ 1744 г. съ эмблемами льва и птицы.—Глиняный кувшинъ съ рельефными изображеніями утренней и вечерней зари.—Печатная пряничная доска.—Донце пряхи съ рѣзнымъ изображеніемъ сказки.—Шкатулка рѣзная изъ кости.—Татарская серебр. подвѣска съ двумя самоцвѣтными камнями.—Ружейный кремневый замокъ, работы мастера Лебедева.—Икона-картина „Судъ надъ Христомъ у Пилата“.—Курокъ къ кремневому замку пистолета, съ золотой насѣчкой.—Пять маленькихъ бронзовыхъ наконечниковъ стрѣлъ (Изъ Керченскихъ раскопокъ).—Гравюра съ изображеніемъ Св. Исаака Сирина,—съ Аѳонской рукописи 1353 г.—Икона-картина на доскѣ: „Горы Синайскія“.—Четырехконечный тѣльный крестикъ съ замкнутыми концами (въ кругъ), серебряный.—Пара серебр. серегъ съ жемчужинками и червлеными бусами.—Рѣзная изъ кости коробочка.—Долото изъ желтаго кремня.

Всероссійская Кустарная Выставка. Съ октября 1907 г. по январь 1908 была устроена въ Спб. вторая Всероссійская Кустарная выставка. Цѣлью ея было:

а) представить возможно полную картину народнаго труда;

б) способствовать широкому сбыту кустарныхъ издѣлій, а также прійти на помощь населенію губерній, пострадавшихъ отъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, продажею мѣстныхъ крестьянскихъ работъ;

в) знакомить кустарей съ образцами иностранныхъ кустарныхъ и художественно-промышленныхъ издѣлій;

г) содѣйствовать распространенію среди кустарей какъ старинныхъ русскихъ, такъ и новыхъ современныхъ рисунковъ.

Экспонаты Всероссійской Кустарной Выставки были представлены слѣдующими группами:

1-я группа. По обработкѣ дерева. Изготовленіе корзинъ и плетеной мебели. Столярно-мебельное производство. Токарный промыселъ. Бондарное производство. Рогожный промыселъ.

2-я группа. По обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Ткацкій промыселъ. Изготовленіе шерстяныхъ издѣлій. Шерсто-валяльное производство. Изготовленіе вязаныхъ издѣлій. Сѣтко-вязальное производство. Изготовленіе кружевъ. Веревочно-прядильное производство.

3-я группа. По обработкѣ металловъ. Ножевое и замочное производство. Гвоздарное производство. Выдѣлка цѣпей и металлическихъ полотенъ. Изготовленіе металлической посуды и утвари.

4-я группа. По обработкѣ минераловъ. Гончарный промыселъ. Гранильное производство. Обработка простого камня.

5-я группа. По обработкѣ животныхъ веществъ. Кожевенное производство. Скорняжно-шубный промыселъ. Сапожное и шорное производство. Производство издѣлій изъ рога. Издѣлія изъ щетины и волоса.

6-я группа. Издѣлія изъ смѣшанныхъ матеріаловъ. Производство музыкальныхъ инструментовъ. Иконописный промыселъ. Производство игрушекъ и елочныхъ украшеній. Ювелирное производство. Лаковыя издѣлія.

Кромѣ того на Выставкѣ былъ устроенъ художественно-промышленный отдѣлъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія группы: 1. Предметы русской старины. 2) Издѣлія художественной промышленности, могущія служить улучшенными образцами для кустарей. 3. Работы художниковъ. 4. Художественныя модели. 5. Рисунки и чертежи.

И наконецъ—иностранный отдѣлъ, имѣющій одну группу: Кустарныя издѣлія.

При Выставкѣ издавался „Вѣстникъ Всерсссійской Кустарной Выставки съ художественно-промышленнымъ и иностраннымъ отдѣлами".

Абиссинская выставка открыта была 6-го декабря въ С.-Петербургѣ. Всѣ коллекціи вывезены изъ страны черныхъ христіанъ Эфіопіи. Коллекціи распредѣлены въ образцовомъ порядкѣ и на ихъ систематизацію, очевидно, потрачено не мало усилій. Въ первой комнатѣ поражаетъ своей простотой и проникновенной мистичностью церковная утварь абиссинцевъ. Живопись оригинальна и самобытна. Вторая комната рисуетъ внутренность дома богатаго абиссинца. У костра сидятъ хозяинъ и слуги, на стѣнахъ висятъ охотничьи принадлежности, шкуры убитыхъ животныхъ и кухонная посуда. Третья комната представляетъ тронный залъ абиссинскаго императора. Всѣ главныя комнаты абиссинской выставки сообщаются коридорами, въ которыхъ выставлены всевозможныя мелкія вещи, рисующія бытъ абиссинцевъ.

Глуховская старина. Г. Глуховъ, Черниговской губ., игравшій такую крупную роль въ исторіи Украйны, обогатился археологическимъ музеемъ, содержимымъ на средства уѣзднаго земства. Музей пополняется довольно быстро и обѣщаетъ занять одно изъ видныхъ мѣстъ среди провинціальныхъ музеевъ, распространеніе которыхъ такъ желательно. Самымъ богатымъ собраніемъ старины въ г. Глуховѣ, является собраніе П. Я. Дорошенка, состоящее изъ старыхъ бумагъ, книгъ по исторіи Малороссіи и коллекціи художественныхъ и бытовыхъ предметовъ.

Среди бумагъ имѣются подлинные универсалы гетмановъ Богдана Хмельницкаго, Дорошенко, Брюховецкаго, Многогрѣшнаго, Самойловича, Скоропадскаго, Апостола и Разумовскаго. Въ библіотекѣ, между прочимъ, имѣется полный экземпляръ журнала „Основа", всѣ изданія „Исторіи Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго, всѣ сочиненія Костомарова, Максимовича, Кулиша, „Записки о Малороссіи" Я. Марковичъ СПБ. 1798 г., „Энеида" СПБ. 1809 г. Первое изданіе „Кобзаря" 1840 г. и т. д. Изъ оригинальныхъ портретовъ назовемъ

портретъ архимандрита Мельхиседека Значко-Яворскаго, умершаго въ началѣ XIX в. въ Глуховскомъ Петро-Павловскомъ монастырѣ и послѣдняго генеральнаго обозначго С. В. Кочубея, умершаго въ 1779 г. и т. д.—Необходимо упомянуть еще о древнѣйшихъ памятникахъ старины, имѣющихся въ изобиліи въ Глуховскомъ уѣздѣ,—о курганахъ, содержащихъ остатки трупо-сожженій. Пробныя раскопки, которыя велись здѣсь пишущимъ эти строки лѣтомъ 1907 г., показали, что курганы М. Воронежа Глуховскаго уѣзда принадлежатъ къ древнѣйшему въ Россіи типу т. н. „дьякова городища" VI—VIII в. по Р. Х.—Раскопки ихъ обѣщаютъ интереснѣйшіе результаты.

Нашъ сотрудникъ *А. А. Макаренко*, посвятилъ въ газетѣ „Рѣчь" (1908, №№ 3 и 5) сибирскимъ инородцамъ двѣ статьи: „**Вымираніе сибирскихъ инородцевъ**" и „**Отчего вымираютъ наши сѣверные инородцы**". Заглавія статей вполнѣ опредѣляютъ ихъ содержаніе. Констатировавъ еще разъ, между прочимъ и на основаніи личныхъ своихъ изслѣдованій инородческой жизни во время проживанія и путешествій на сѣверѣ Сибири, неудержимое угасаніе инородческаго племени, предоставленнаго исключительно самому себѣ въ борьбѣ со всевозможными неблагопріятными условіями его жизни, авторъ останавливается и на выясненіи причинъ этого никѣмъ неоспариваемаго явленія. Прежде всего, авторъ указываетъ „на утѣсненіе въ гражданскихъ и земельныхъ условіяхъ и эксплоатацію инородцевъ, чинимыя въ самыхъ широкихъ размѣрахъ", а затѣмъ на полное безучастіе властей вообще къ нуждамъ инородцевъ (№ 5). Въ силу наличности этихъ причинъ численное уменьшеніе замѣтно не только среди бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ, но оно, по свидѣтельству автора, коснулось даже инородцевъ осѣдлыхъ. „Счастливое исключеніе представляютъ буряты, якуты и отчасти калмыки и киргизы", что авторъ склоненъ объяснить „расовой устойчивостью, климатомъ, особенностями бытового устройства, занятій, а также развитіемъ собственной медицины, какъ, напр., у бурятъ" (№ 3).

Свои положенія авторъ иллюстрируетъ очень яркими примѣрами изъ собственныхъ наблюденій и печатныхъ источниковъ и горячо взываетъ о необходимости „двинуть инородческій вопросъ хотя бы въ печати", и тогда—надѣется авторъ—„ему найдется коренное рѣшеніе. И пока этого не сдѣлаютъ, большой грѣхъ будетъ лежать на Россіи" (№ 5).

В. Замысловскій, проживлій это лѣто въ Сѣверномъ Горномъ Округѣ Енисейской губерніи (Вост. Сибирь), привезъ свѣдѣніе о томъ, что въ глубинѣ золотопромысловой тайги, по „Чилимбѣ", **вымерла отъ черной оспы** тунгузская семья Курочкиныхъ въ количествѣ восьми человѣкъ. Хоронилъ чужой тунгузъ. При помощи *ножа* копалъ онъ для мертвыхъ могилы. И такъ какъ это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда почва еще въ достаточной степени промерзлая, то могилы не могли получиться достаточной глубины: ноги нѣкоторыхъ мертвецовъ, по словамъ посѣтившихъ мѣсто происшествія русскихъ, тор-

чали наружу; а одинъ умеръ въ полусидячемъ положенiи за „чайникомъ“. Картина представилась потрясающая. Добросердечному тунгузу удалось съ невѣроятными трудностями и рискомъ для собственной жизни похоронить семь человѣкъ, восьмого не смогъ: „самъ захворалъ, говоритъ, и Богу заказалъ, чтобы не сердился на меня за это...“ Оставшiеся безъ призора олени Курочкина разбрелись по тайгѣ.

Путешествiе. Дѣйств. чл. Имп. Русск. Географ. О-ва, извѣстный путешественникъ, полковникъ П. К. Козловъ телеграммой сообщилъ О-ву, что 28 декабря онъ выступилъ въ путь изъ Кяхты съ верблюжьимъ караваномъ.

„Справка о народѣ „Нах-самар-ях“. Подъ такимъ заглавiемъ въ № 23 „Православнаго Собесѣдника“ за 1907 г. Настоятель Обдорской миссiи игуменъ Иринархъ помѣстилъ небольшую замѣтку, въ которой онъ доказываетъ, что открытый въ 1894 г. въ Обдорскомъ краѣ заслуж. проф. А. И. Якобiемъ народъ „Нах-самар-ях“ есть не что иное, какъ обсамоѣдившееся племя остяковъ. Интересуясь провѣркой сообщенiя проф. Якобiя миссiонеръ во время своихъ поѣздокъ по Обдорскому краю въ 1898—1900 гг. употреблялъ, по его словамъ, всѣ усилiя „разыскать слѣды этого народа. Но сдѣлать этого... не удалось. Всѣ поиски... ограничились лишь нахожденiемъ тамъ безоленныхъ самоѣдовъ, или обсамоѣдившихся остяковъ, проживающихъ полуосѣдлой жизнью круглый годъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ р. Надыша и называющихъ себя „Пiано-хасово“,—„лѣсными людьми“. Говорятъ они особымъ самоѣдскимъ говоромъ. Ничего объ народѣ „Нах-самар-ях“ не узналъ миссiонеръ и отъ торговцевъ (русскихъ и зырянъ) Обдорскаго края, „знающихъ чуть ли не поименно всѣхъ инородцевъ“. Бывшiй въ Обдорскѣ въ 1898—1899 гг. членъ экспедицiи графа Зичи лингвистъ Iосифъ Папай, говоря объ открытомъ проф. Якобiемъ народѣ нах-самар-ях, замѣчаетъ, что это лишь названiе группы самоѣдовъ: *рiяхъ*—народъ, но *орi-ахъ*—самоѣдъ, *ньюхось*—соболь, слѣдовательно, *няхъ са-марiахъ*—соболиные самоѣды, живущiе въ районѣ, гдѣ много соболя (см. Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго музея 1902 г. Выпускъ XIII. Хроника музея за 1899 г.). Очевидно проф. Якобiй встрѣтился съ группой инородцевъ самоѣдовъ или остяковъ, назвавшихъ себя нах-самар-ях, какъ намъ приходилось встрѣчаться съ инородцами, называвшими себя пiано-хасово. Послѣднiе по словопроизношенiю самоѣды или объсамоѣдившiеся изъ проживающихъ въ Енисейской губернiи Юраковъ,—родственнаго самоѣдамъ народа, причисленныхъ по платежу ясака къ Обдорску, первые же должны по данному ими себѣ прозвищу принадлежать къ объсамоѣдившимся остякамъ. Это мнѣнiе наше находитъ себѣ оправданiе въ томъ, что проф. Якобiй вверхъ по р. Надышу подымался не далѣе 90 верстнаго разстоянiя, гдѣ и водрузилъ въ знакъ своего пребыванiя на первомъ встрѣтившемся кедрѣ крестъ, вывезенный нами въ Обдорскъ и помѣщенный въ Музеѣ Обдорскаго Братства св. Гурiя. Мѣстность по р. Надышу, посѣщенная проф. Якобiемъ, извѣстна вдоль и поперекъ всѣмъ и каждому изъ Обдорскихъ тор-

говцевъ и миссіонеровъ и поэтому если бы тамъ жилъ какой-либо особый народъ, то обдорскимъ обывателямъ онъ былъ бы извѣстенъ. Остяки же въ этой мѣстности проживаютъ, только говорятъ они по самоѣдски.

По даннымъ миссіонерскихъ отчетовъ, за последнее время замѣчается сильное отатариваніе черемисовъ Царевококшайскаго у. и чувашъ Казанской губ.

Крещенское купанье. „Ряз. В." передаетъ, что въ Рязани до сихъ поръ еще сохранился обычай купаться въ прорубяхъ на Крещенье. Въ этомъ году такихъ любителей сильныхъ ощущеній нашлось до 50 человѣкъ. Въ почтительномъ разстояніи отъ мѣста, отведеннаго для крестнаго хода, устроена прорубь, аршина два въ діаметрѣ. И какъ только раздались выстрѣлы пушки, возвѣщавшей о погруженіи на водосвятіи креста въ воду, какъ купальщики одинъ за другимъ, держась за веревку, полѣзли въ прорубь.

Рѣдкая коллекція русскихъ модъ. На Фарфоровомъ заводѣ исполняется цѣлый рядъ статуэтокъ, изображающихъ всѣ перемѣны модъ въ Россіи, начиная съ царствованія императора Николая I, по настоящее время.

Въ настоящее время начато печатаніемъ въ типографіи Имп. Академіи Наукъ обширное и многотомное изданіе **„Славянской Энциклопедіи"**.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ по предложенію акад. А. И. Соболевскаго постановило ходатайствовать объ увеличеніи средствъ Отдѣленія для составленія и изданія **діалектологическихъ и этнографическихъ картъ Россіи.**

Предположено въ ознаменованіе 70-лѣтія со дня рожденія маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника Г. Н. Потанина издать въ честь его **сборникъ статей по живой старинѣ и по этнографіи.** Имп. Русское Географическое О-во предоставило для этого ближайшій томъ Записокъ по этнографіи. (См. далѣе приглашеніе къ участію въ сборникѣ).

Въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ К. Ѳ. Жаковъ представилъ свой отчетъ о лѣтней поѣздкѣ на сѣверъ Россіи подъ заглавіемъ: „Докладъ. Къ вопросу **о составѣ населенія въ восточной части Вологодской губерніи"**. Докладъ этотъ положено напечатать въ приложеніяхъ къ Отчету о дѣятельности Отдѣленія за 1907 годъ.

Нижегородская ученая архивная комиссія постановила издать **біографическій словарь дѣятелей нижегородскаго Поволжья.** Въ словарь должны быть внесены всѣ люди Поволжья, имена кото-

рыхъ дороги странѣ и человѣчеству, которые родились и дѣйствовали въ предѣлахъ нижегородскаго Поволжья, которые родились въ немъ, но работали внѣ, или отдавали свои силы Поволжью, лица, случайно посѣщавшія Нижній-Новгородъ, заглядывавшія въ край и и оставившія по себѣ печатные матеріалы. Относительно каждаго лица должны быть помѣщены: 1) краткая біографія, 2) списокъ печатныхъ трудовъ и 3) біографическія данныя о жизни и дѣятельности. Въ словарь войдутъ: государственно-административные дѣятели, дѣятели церкви, сектантства, старообрядчества, общественные— земскіе и городскіе, науки, литературы, искусства, педагоги и др.

Обширный, задуманный Н. М. Лисовскимъ трудъ: „библіографія русской библіографіи“, который будетъ заключать въ себѣ полный переченъ всѣхъ русскихъ библіографическихъ указателей, каталоговъ и т. п., близокъ къ окончанію.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ Указатель къ „Историческому Вѣстнику“ за 25 лѣтъ.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ въ переводѣ на русскій языкъ книга маркиза А. де-Кюстинъ „La Russie“. Книга, впервые появившаяся въ печати на французскомъ языкѣ въ 1842 году, даетъ описаніе быта и порядковъ Россіи въ половинѣ прошлаго столѣтія.

По ходатайству еп. Якутскаго Макарія Св. Синодъ разрѣшилъ увеличить неоффиціальный отдѣлъ „Якутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ включеніемъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ въ историческомъ, этнографическомъ и бытовомъ отношеніи, а также дневниковъ священниковъ и миссіонеровъ.

Вышли первые два выпуска XXII-го тома польской библіографіи Эстрейхера.

Въ началѣ этого года будетъ издаваться еврейская энциклопедія.

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ.*

Въ видахъ достиженія возможной полноты настоящаго отдѣла, редакція усердно проситъ гг. секретарей ученыхъ обществъ и учрежденій, въ кругъ дѣятельности которыхъ входятъ работы этнографическаго характера, присылать отчеты и разнаго рода сообщенія печатныя и рукописныя о дѣятельности обществъ.

Желательны также и вырѣзки изъ газетъ.

Редакція получила нижеслѣдующее извѣщеніе, которое считаетъ долгомъ перепечатать полностью для свѣдѣнія гг. читателей журнала.

У небольшого кружка лицъ возникла мысль ознаменовать минувшій въ 1905 году день 70-ти лѣтія со дня рожденія нашего маститаго изслѣдователя живой старины и путешественника *Григорія Николаевича Потанина*, изданіемъ въ честь его сборника статей по живой старинѣ или по этнографіи.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Русское Географическое Общество предоставило для означенной цѣли въ наше распоряженіе одинъ, ближайшій, томъ Записокъ по этнографіи.

Просимъ Васъ, Милостивый Государь, не отказать увѣдомить по нижеслѣдующему адресу:

1) Желаете ли Вы принять участіе въ означенномъ сборникѣ, доставленіемъ статьи, размѣромъ не болѣе одного или двухъ печатныхъ листовъ (отвѣтъ о согласіи, по возможности, до 15—28 ноября).

2) Въ случаѣ Вашего согласія, доставить Вашу статью въ возможно непродолжительномъ времени (не позже 1 февраля 1908 года) по адресу:

Прив.-Доценту Андрею Дмитріевичу Рудневу.

Моховая ул., д. 17, кв. 7. С.-Петербургъ.

В. И. Ламанскій.
Ѳ. И. Щербатской.
С. Ф. Ольденбургъ.
П. К. Козловъ.
Д. А. Клеменцъ.
А. Д. Рудневъ.

[Къ этой „Молитвѣ святого священномученика Кипріана“ позднѣйшей рукой, писарскимъ почеркомъ присоединенъ рядъ апокрифическихъ молитвъ, употребляемыхъ въ качествѣ заговоровъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней и на разные случаи человѣческой жизни.

Любопытно, что почти рядомъ помѣщены три „Сна Пресвятой Богородицы“. Это показываетъ, въ какихъ разнообразныхъ редакціяхъ и какъ широко распространено въ народной массѣ это произведеніе].

№ 110. Сонъ Пресвятыя Богородицы.

На горахъ, горахъ три ангела въ головахъ... (далѣе неразборчивое мѣсто). Спрашиваетъ Іисусъ Христосъ: „Мати моя возлюбленная, спишъ, али такъ лежишъ?“ Отвѣчаетъ пресвятая Богородица: — сплю я, такъ лежу, вижу я сонъ необышенъ, весьма престрашенъ: ведутъ Тебя, истиннаго Христа, въ нетлѣнной ризѣ, на престолъ голову положили, копьемъ голову изпроломали, потекла изъ Тебя, истиннаго Христа, кровь и вода. На начали[1]) мы Тебѣ, истинному Христу, воскреснути, но Ты въ третій день воскресся, на небеса вознесся, всѣмъ слѣпымъ и ухраннымъ [2]) на удивленіе, міру на сохраненіе, душамъ на спасеніе. Аминь.

№ 111. Сонъ Пресвятыя Богородицы.

„Мати моя возлюбленная, гдѣ ты была-побывала?“ — Въ городѣ Вохлѣемѣ, во святой оградѣ, въ Божьей церкви, у истиннаго Христа за престоломъ. Видѣла я сонъ про Христа, про своего Сына милаго: кабы взяли Христа со креста, понесли Христа со креста на капаристое древо, руцѣ и нозѣ гвозьемъ пригвоздяли, святое лицо оплевали, копьемъ ребра прободали, на главу обручъ накладывали, изъ святого лица кровь проливали. Выди же, кровь, водою святою, намъ на исцѣленіе, душамъ нашимъ на спасеніе. Положили Христа въ новую гробницу, въ чистую плащаницу, тридевять локтей землей засыпащи, хрящами завалящи.

Ходятъ три жены Мироносицы, слезно плачутъ и рыдаютъ, истиннаго Христа ищутъ. Сослалъ Господь, истинный Христосъ,

---

[1]) Нужно—не чаяли.
[2]) Очевидно не разобранное слово.

трехъ ангеловъ съ небесъ: подьте, снесите женамъ мироносицамъ, не жалко вы плакали, слезно рыдали,—въ третій день Христосъ воскресиетъ. Заутряшши, просыпяшши, святая плащаница раскрывавши, Христосъ изъ гроба востававши, въ адовы двери входящи, изъ аду праведниковъ и праведницъ выводящи. Тогда аде простоняше. „Не стони же ты, аде, и не сокрушайся, будешь ты, аде, наполненъ попами, дьяками и мудрыми мудроками, поучеными людьми: архиреями, архимадритритами, колдунами, портещиками, неправедными судьями и нищей братіей!“.

Рѣчаетъ Господь Богъ, истинной Христосъ: „Кто этотъ сонъ на списокъ спишетъ, или наизустъ перейметъ, въ томъ домѣ Владычица почиваетъ съ треия ангелами, тотъ домъ спасенъ и сохраненъ будетъ, и помилованъ: отъ огня отъ пламени, отъ вора, отъ разбойника, отъ колдуна и отъ портешшика, отъ болѣзни, отъ скорбости и отъ всякіе немощи. Кто этотъ сонъ станетъ по трижды въ день читати, на главѣ держати и въ чистотѣ носити, тотъ человѣкъ отъ Бога спасеніе получитъ; куда этотъ человѣкъ ни пойдетъ, ни поѣдетъ, прочитаетъ этотъ сонъ, поутру ставши, при вечерѣ, спать ложавши, и середи дни бѣлаго — дастъ ему Богъ, истинный Христосъ, въ торгахъ-товарахъ большія прибытія, на водѣ плавающимъ — погодьё хорошее, коню — легость, самому — здоровье. Пойдетъ человѣкъ въ лѣсъ, прочитаетъ этотъ сонъ, не будетъ ему въ лѣсу заблужденья. Пойдетъ человѣкъ въ пиръ, прочитаетъ этотъ сонъ, во пиру ни бѣды, ни напасти, ни колдуна, ни портешшика. Пойдетъ этотъ человѣкъ передъ судью, вельмогу, прочитаетъ этотъ сонъ, и во всемъ получитъ въ судѣ свое дѣло. Закроетъ Господь Богъ, истинной Христосъ, отъ муки вѣчныя, отъ кромы кромѣшныя во вѣки аминь.

№ 112. Похвала Пресвятой Богородицѣ.

Ангельское удивленіе, Апостольская преславная похвала, пророческая высокая проповѣдь, святителямъ изрядное украшеніе, мученикамъ крѣпкое утвержденіе, инокамъ спасеніе, Богу присвоеніе, чистымъ матерямъ дѣвственнымъ тихое веселіе, младенцамъ мудрость и наказаніе, вдовѣ и сиротѣ кормительница, труждающимъ благое покоище, посникамъ изнемогающимъ воздержность, плѣннымъ избавленіе, нагимъ одѣяніе, болящимъ здравіе, обидящимъ [1]) покровительница, въ бѣдахъ

[1]) Нужно читать—обидимымъ.

сущимъ скорая помощница, молитвенница о душахъ нашихъ; въ путяхъ легкое прихожденіе, въ заблужденіи нетрудная наставница, по морю плавающимъ, не бурями обуреваемая [1]), тихое пристанище, ненадежнымъ надѣяніе. Ты—мати чадолюбивая, Богоизбранная отроковица, Богообрядная невѣста, чистая, непорочная, начало закона, стопа непоколебимая, глубина неизмѣримая, благодать неизчерпаемая, несвѣдомое чудо, родшая Іисуса Христа, царя и Бога нашего, грозная огненная колесница, нося въ кіотѣ Духа Святого, тѣла Христова, еретикамъ пагуба, мечу ярость... Спаси, Господи, и сохрани мора и прещенія Духа Святого тѣла Христова... Ты—чаша и чара разстворенная, нѣже вина и елея, Духа Святого... Спаси, Господи, и сохрани обитель и домъ сей. Ты еси—изъ Царицъ Царица, небеснаго Царя Мати, всѣхъ творяй [2]) святая-святѣйшая, на небеси ухвалимая, по землѣ славимая, ангельскаго ума палата, Духа Святаго кадило благоуханное, порфира боготканная, багряница небеснаго престола, звѣзда свѣтлозарная, небеснаго орла гнѣздо, орлица богоглаголивая, тихая и смирная... Спаси и сохрани грады наши, страны наши, святыя церкви Сына твоего единороднаго отъ нашествія иноплеменники, междоусобныя брани. Подай, Господи, для растворенія воздуха, земныхъ плодовъ твоихъ, младенцевъ напитай, юныя наставь, младость мою поддержи и сохрани. Препояши меня, Господи, поясомъ своимъ, силою честнаго и животворящаго Креста, предстательствомъ пророка предтечева, крестителя Господня Іоанна. Помилуй насъ, Господи, всякаго бого-отвѣта [3]) недоумѣющаго сію Ти молитву, яко Владычицѣ, грѣшніи приносимъ: помилуй насъ!

№ 113. Молитва Архистратигу Михаилу Грозному воеводѣ небесной силы.

О, Господень великій архангеле Михаиле, у Господа Бога великій царь безначальныхъ! призываю тебя, архангела Михаила, къ рабу твоему (или рабѣ твоей имя рекъ) на помощь мою, взяти мя отъ врагъ моихъ, видящихъ и невидящихъ! О, господине великій архангеле Михаиле, излей мира благаго на раба своего; демону сокрушителю запрети всѣмъ врагамъ твоимъ,

[1]) Нужно читать: и бурями обуреваемымъ.
[2]) Очевидно—тварей.
[3]) Слѣдуетъ читать: бо отвѣта.

борющихъ вся [1]) со мною, сотвори, яко овцы, сокруши, яко прахъ предъ лицо ветра! О, господине великій Михаило Архангелъ, шестокрылатыя первый князь воевода небесной силы, херувимы и серафимы! О, господень великій архангеле Михаиле, чудной хранитель, изрѣченной буди мнѣ помощникъ во всѣхъ бѣдахъ, скорбѣхъ и печаляхъ, пустыняхъ, на рѣкахъ и на моряхъ! О, господине архангеле Михаиле, избави меня отъ прелести дьявольскія, призываема [2]) святое имя твое, внегда услыши молитву мою, ускори на помощь мою! О, господень великій архангеле Михаиле, покорившихся притивящаго [3]) силою честнаго животворящаго Креста господня, пресвятыя Богородицы, святыхъ ангеловъ, святыхъ апостоловъ, святаго славнаго пророка, крестителя предтечева, Іоанна, святаго великаго Николая чудотворца, Иліи пророка, Никиту, Остафія, святыхъ великомученикъ и всѣхъ святыхъ, избави отъ труса, потопа, отъ огня, меча, отъ глада и губительства и помилуй мя.

№ 114. Свитокъ Іерусалимскій.

Списокъ [4]) сей свитокъ съ Іерусалимскаго знаменья отъ Господа нашего Іисуса Христа. Быстъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ явленіе предивное, во святѣй Божіей церкви гласъ глаголетъ невидимо къ людямъ; спадетъ [5]) съ небеси камень малъ, бѣлъ, студенъ, тяготы его никто же повѣдать не можетъ. Спаде тотъ камень въ 1-мъ часу нощи. Патріархъ Іерусалимскій со всѣмъ освященскимъ соборомъ надъ онымъ камнемъ пѣли молебны по 3 дни и по 3 нощи, а въ 4-й день тотъ камень распадеся по Божьему повелѣнію надвое и обрѣте въ немъ тотъ списокъ, писанный рукою самого Іисуса Христа. Тако глаголетъ Господь: послушайте, людіе мои, человѣколюбія моего Божественнаго писанія и наказанія моего, и Я къ вамъ Отца вашего небеснаго исповѣдую. Азъ есмь Господь Богъ Вашъ, Творецъ небу и земли, и вы людіе мои. Пишу вамъ 1-е и 2-е наказаніе: поживите въ любви и въ совѣтѣ и дѣлайте правду между собою, вдовъ и сиротъ не обижайте и не грабите чужого имѣнія, у васъ и своего много. А вы возлю-

[1]) Вмѣсто—борющимся.
[2]) Вмѣсто—призывающа.
[3]) Нужно читать: покори вся противящіяся.
[4]) Вмѣсто—списанъ.
[5]) Вмѣсто—спаде.

били блудъ и чистоту [1]) тѣлесную, воровство, обиду и неправду между собою; нищимъ и убогимъ милостину не творите и не милуете ихъ, за что и сами не помилованы теперь будете отъ Бога. Аще ли вы отъ сего вспокаетесь, словесъ моихъ и наказанія послушаете, то Азъ дамъ вамъ царство небесное и покой вѣчный, и теплоту и сходовъ [2]) на землю, и всего изобильно будетъ больше прежняго. Не бойтесь Мя, небо и земля мимо идетъ, словеса моя не пройдутъ. А если же вы отъ злыхъ дѣлъ вашихъ не отстанете и словесъ моихъ и наказанія моего не послушаете, то я васъ буду гладомъ морить и повѣтріямъ злымъ и войнами карать. Сошлю на васъ невѣрные языки и возстанетъ царство на царство, цари на царей, короли на королей и пролiютъ кровь вашу и порубятъ крещеніе ваше. Отецъ возстанетъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата и возненавидятъ сестра сестру, не возлюбятъ и поревнуютъ другъ на друга. Сошлю моръ на человѣки и на скоты ваша и будетъ кровопролитіе великое, на земли валяться будутъ трупы и никто ихъ подбирать не будетъ. Тогда коней борзыхъ... [3]) ни славы, ни богатства не будетъ; не будетъ тогда рыбы въ моряхъ и звѣрей въ лѣсахъ и земля будетъ пуста, аки вдова, не дастъ плода своего, возрастетъ трава и родитъ быліе. Аще кто посѣетъ сто мѣръ, а соберетъ едину, и пищу отъ васъ отниму, и воды изсушу солнечнымъ окомъ, рѣки изсохнутъ и источники водяные. Тогда не напьетесь отъ водъ и отъ рѣкъ, и отъ морей, и проточинъ, все будетъ сухо за умноженіе грѣховъ вашихъ. Пущу на васъ птицы черныя крылатыя, двуеглавыя, главы у нихъ львовы, а крылья орловы, власы женскія: тотъ часъ поѣдятъ сердца ваша за неправду и за непослушаніе ваше и будутъ клевать главы ваша и пить кровь вашу, станутъ раскапывать гробы умершихъ отцовъ своихъ и матерей, и сродниковъ, и будите проситься: пріимите и насъ къ себѣ, уже мы не можемъ терпѣть страха Божія и куда укрыться отъ сихъ лютыхъ звѣрей. Тогда отвращу лицо свое отъ васъ и не послушаю вашего ни плача, ни рыданія. Слѣпые душегубцы, отъ діавола есть родились, а не отъ Бога. Послушайте, людіе мои, человѣколюбія моего и сего Божественнаго писанія, и наказанія моего! Азъ заповѣдую вамъ многія заповѣди, и вы не вѣруете. Лѣта, времена и дни ваши скончеваются, судъ Божій готовится, судеб-

[1]) Вмѣсто—нечистоту.
[2]) Не разобранное слово.
[3]) Не разобранное мѣсто.

ныя книги разгибаются и вся вольная дѣла ваша являются. Грядетъ Господь судити живыхъ и мертвыхъ и воздастъ комуждо по дѣломъ его. Праведнымъ царство небесное, а грѣшнымъ мука вѣчная. Нищихъ-братію мою возлюбите и милостыню имъ сотворите, странныхъ и убогихъ въ домы своя вводите, напойте ихъ и накормите, больныхъ и въ темницахъ суть [1]) посѣщайте. Смотрите на невѣрные языки: и тѣ творятъ милостыню, не знающіе Бога по своей вѣрѣ, а вамъ данъ Божій законъ и крещеніе Христово. Вы моему закону не вѣруете, словесъ моихъ и наказанія моего не слушаете. Азъ долготерпѣливъ и многомилостивъ Господь, не до конца прогнѣваюсь на васъ окаянныхъ и жду вашего покаянія и обращенія. Посла бы васъ окаянныхъ погубити до конца, всякаго человѣка на земли согрѣшающаго, но еще молится за васъ окаянныхъ мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, и ангели, ваши хранители, умилосердились на васъ окаянныхъ. Неудобно есть верблюду сквозь игольныя уши пройдти и разбойнику внидти въ царство небесное. Горе тому священнику, которой въ воскресеніе Христово не служитъ Божественной литургіи и сего Божественнаго писанія не читаетъ предъ народомъ въ воскресные и праздничные дни; дѣтей своихъ духовному страху и закону Божію не учатъ. Горе имъ будетъ, которые не посылаютъ дѣтей своихъ Богу молиться. Горе пьяницѣ, христіанамъ называются, а по вся дни, аки свинья въ калу валяется. Горе тому человѣку кто изъ устъ своихъ скверно глаголетъ и матерно бранится. Горе тѣмъ будетъ, кои блудъ творятъ—мужіе съ чужими женами, а жены съ чужими мужьями. Горе игрокамъ и плясунамъ, и кто осуждаетъ. Горе тѣмъ будетъ, кои воскресенье Христово и праздники Господни не почитаютъ, и труды прилагаютъ, и желаютъ себѣ прибытку, и тотъ человѣкъ собираетъ на главу свою вѣчный огнь, и погубитъ у себя всѣ шесть дней въ недѣлѣ. Воскресеніе Христово дано на опочеваніе человѣкамъ и скотамъ. Горе, которые среду и пятницу и великіе посты не почитаютъ. Въ среду жидове совѣтъ сотвориша, како бы убить Господа нашего Іисуса Христа; въ пятокъ былъ распятъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, на крестѣ и въ тотъ же день сотворилъ перваго человѣка на землѣ Адама—для того и должно почитать всякому православному христіанину среду и пятницу.

Послушайте, людіе мои, Божественнаго писанія моего, глаголетъ Господь. Богу нашему слава, честь и держава нынѣ и

---

[1]) Вмѣсто—сущихъ.

присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Пишу къ вамъ такожде и наказаніе писаніемъ моимъ. Кто глаголитъ, ложь есть сей свитокъ, тотъ человѣкъ проклятъ и наслѣдитъ муку вѣчную, а себѣ смерть горькую въ животъ вѣчный. Аминь.

№ 115. [Сонъ Пресвятыя Богородицы].

Опочивала еси Владычица наша, пресвятая Богородица, во святомъ градѣ Виѳлеемѣ Іудейстемъ, и пріиде къ ней Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра, и рече ей: Аминь, аминь, глаголю тебѣ, о, мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, опочивала еси во святомъ градѣ Виѳлеемѣ Іудейстемъ, и что ты во снѣ своемъ видѣла еси? реки ми истинну правду. И рече ему пресвятая Богородица устами своими пречистыми: О, сыне мой возлюбленный, Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра, очи мои предражаются, но и гортань моя не отверзается глаголати истинну правду. Спала есть во святемъ градѣ Іудейстемъ въ мартѣ мѣсяцѣ и видѣла еси сонъ про тебя, сына Божія, зѣло страшенъ и ужасенъ; якобы тебя у жидовъ поймана и связана, приведена къ Понтійскому Пилату игеймону и распята на горѣ Голгофѣ на трехъ древахъ: на капаристѣ, певкѣ и кедрѣ. Медіемъ [1]) ко кресту пригвожденну и тростію по главѣ ударену, уста желчіемъ напоенны и терновъ вѣнецъ на главу твою Божію возложенъ, и въ ребра твои Божіи бысть прободенъ, и абіе изъ реберъ твоихъ святыхъ истекала кровь и вода на исцѣленіе христіанамъ и на спасеніе душамъ христіанскимъ.

Въ началѣ бысть заушенъ и палицею біенъ и повелѣша тебѣ зрети лицомъ въ западъ, и въ то время солнце померче и луна въ кровь превратися, и церковная завѣса раздрася съ нижняго края до верхняго, и земля потрясеся, и камни распадеся, и гробы отверзошася, и многіе тѣлеса усопшихъ святыхъ возсташа, и бысть отъ 9-го часу тьма по всей земли. А въ третій день воскресе Христосъ отъ мертвыхъ и взнесся на небо, и сяде одесную Бога Отца. Аминь.

Возглагола Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, Спаситель всего міра: Аминь, глаголю тебѣ, Мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, приснодѣва Марія, воистинну праведенъ и неложенъ сонъ твой Богородицынъ.

Аще кто его въ дому своемъ держать и имѣть въ чистотѣ

---

[1]) Вѣроятно—гвоздіемъ.

будетъ, къ тому дому не прикоснется ни огнь, ни тать, ни разбойникъ и по водамъ тихое пристанище, и въ бесѣдѣ честенъ. Аще кто его въ путь съ собой возметъ и имѣть будетъ въ чистотѣ, къ тому человѣку не прикоснется діавольскій нечистый духъ, ни злый человѣкъ. Аще которой человѣкъ при смерти своей помянетъ или прочитаетъ, или кому дастъ прочитать, и кто съ вѣрой послушаетъ сего Божественнаго писанія, тотъ человѣкъ муки вѣчной и огня палящаго, и тартарара преисподняго избавленъ будетъ. Аще кто его хочетъ читать, тому человѣку самъ Іисусъ Христосъ во всякомъ ему дѣлѣ подастъ и отъ грѣховъ его избавитъ.

Аще коя беременная женщина будетъ родить и болѣзни ея, а сей листъ будетъ имѣть или кого заставить прочитать, или положить въ головахъ его своихъ, тогда легко ей родить будетъ отроча; избавить ея Господь Богъ всякіе скорби и болѣзни, и отъ всякаго недуга.

Въ скоту приплодъ, въ хлѣбѣ спорина, въ продажахъ талантъ, въ торговлѣ счастіе, въ дѣлахъ господне благословеніе. Аще который сему листу будетъ вѣрить и при себѣ имѣть будетъ, или кто напишотъ, или кто съ вѣрою послушаетъ сего Божественнаго писанія, посылаетъ по дальнымъ странамъ, и тотъ человѣкъ имѣть себѣ будетъ отпущеніе грѣховъ, и восріимутъ душу его ангелы господни изъ тѣла его, и донесутъ до царствія небеснаго Аврааму въ рай.

Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIX.

[Всѣ ниже помѣщенные заговоры и молитвы записаны мною въ Шунгенской волости, Костромского уѣзда, въ с. Сельцѣ (Никольское тожъ), что за р. Воржею, и въ деревняхъ: Пашутинѣ, Новленскомъ, Скрываловѣ, Митинѣ, Губачевѣ, Саковѣ, Стрѣльниковѣ, Оганинѣ и Палачевѣ, въ 1899—1906 гг., отъ разныхъ лицъ, преимущественно отъ женщинъ и дѣвушекъ. Подъ вліяніемъ образованія (молодое поколѣніе все грамотно) вѣра въ заговоры уже значительно утратилась, и лѣтъ 5—6 тому назадъ умеръ послѣдній колдунъ (вѣрнѣе—считавшійся таковымъ), „Олѣша Федоровъ“. Да и самые заговоры, которые мнѣ удалось записать, являются уже значительно разложившимися. Они интересны лишь, какъ послѣдній этапъ въ этомъ отношеніи. Еще нѣсколько лѣтъ и въ данной мѣстности исчез-

нутъ всякіе слѣды заговоровъ, какъ въ настоящее время иссякла всякая вѣра въ ихъ цѣлебное значеніе.

Совсѣмъ не такъ обстоитъ дѣло съ приводимыми мною образцами апокрифическихъ спасительныхъ молитвъ, имѣющихъ размѣръ и часто риѳму. Всѣ эти и подобныя имъ молитвы очень сильно распространены среди женскаго населенія нашей волости (а также, насколько мнѣ извѣстно, и многихъ другихъ мѣстностей). Онѣ пользуются большимъ уваженіемъ, ихъ считаютъ гораздо важнѣе всѣхъ церковныхъ молитвъ и стараются обязательно читать прежде всего утромъ, на ночь, или въ какомъ-либо другомъ подходящемъ случаѣ. Фонетическія особенности не сохранены, такъ какъ говору жителей Шунгенской волости мною посвящена особая работа [1])].

№ 116 [Утренняя молитва].

Господи, благослови,
Господи, спаси,
Господи, помоги!
Печать Христова,
Духа Святова.
Спасъ на рукахъ,
Богородица предъ глазахъ, [2])
Ангели охраняютъ,
Врага [3]) отгоняютъ.
Ангелъ мой,
Хранитель мой,
Сохрани меня,
Соврѣпи меня
На днешній день,
На доброе дѣло,
На святую молитву,
На Христову милостину.
Врагъ-сотона,
Отступись отъ меня.

[1]) *Николай Виноградовъ.* О народномъ говорѣ Шунгенской волости, Костромского уѣзда. Часть I. Фонетика. Сборникъ Отдѣленія русскаго яз. и словесности Имп. Акад. Наукъ, т. LXXVII; отд. отт. Спб. 1904 г. IV + 100 стр.

[2]) Произносятъ именно такъ.

[3]) Говорятъ: врага, чернаго, темнаго, избѣгая названія діаволъ, чертъ.

Нѣтъ тебѣ во мнѣ—
Ни части,
Ни мѣста,
Ни радости!
Есть мнѣ заступа,
Есть мнѣ укрѣпа:
Гробъ Господень,
Никита мученикъ,
За Христа мучится,
За меня муку терпитъ,
За насъ грѣшныхъ Бога молитъ.

Аминь.

№ 117. [Утренняя молитва].

Красно солнышко восходитъ,
Самъ Іисусъ Христосъ выходитъ,
Крестъ, еваньелье выноситъ.
Благослови, милосливой Господи,
По сырой землѣ пройти,
Таланъ-долю найти,
Ко Лукѣ, ко Марку,
Ко Михайлу Архангелу,
Ко Матушкѣ Пресвятой Богородицѣ
Въ пресвѣтлый рай взойти.

Аминь.

№ 118. [Вечерняя молитва].

Солнце на закатѣ,
Ангелъ на отлетѣ...
Господи, Господи,
Послать Тебѣ нечего:
Ни поста, ни молитвы,
Ни денныя, ни нощныя.
Запиши меня, Господи,
Въ животную книгу;
Помяни меня, Господи,
Егда пріидеши во царствіи Твоемъ!

Аминь.

№ 119. [Молитва на сонъ грядущимъ].

Никола въ зголовахъ,
Богородица въ ногахъ,
Справа Іоаннъ Богословъ,
Слѣва другъ Христовъ,
Надо мной чуденъ крестъ
На семьдесятъ семь верстъ.
Ангелъ мой,
Хранитель мой,
Сохрани мое тѣло,
Просвѣти мою душу,
На́ день, полу́день,
На́ ночь, полу́ночь,
Безъ грѣха на спасенье.
Во вѣки вѣковъ
Аминь.

№ 120. [Молитва ото всякія бѣды и напасти].

Врагъ-сотона,
Откачнись отъ меня,
Есть у меня
Крестъ честной,
Вѣрющій и крѣпущій,
И на (в) землѣ не удержанный.
[Не окончена].

№ 121. [Отъ порѣзовъ и всякихъ ранъ].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану, благословясь, выйду, перекрестясь, изъ избы въ ворота, за чистое поле, на синее море, на окіянъ. На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ каменна гробница; на той гробницѣ сидитъ красная дѣвица; красная дѣвица шьетъ и зашиваетъ иголкой и ниткой, и чистымъ шолкомъ шемаханскимъ кровавыя раны, бойныя жилы. Надъ той дѣвицей летитъ черный вранъ. Ты, вранъ, не каркай, а ты, кровь, не капай ни отъ пули бойной, ни отъ стрѣлы летячей, ни отъ ножа востраго, ни отъ копья булатнаго. Ключъ, замокъ. Аминь. Аминь. Аминь.

Читать надъ раненымъ мѣстомъ трижды.

№ 122. [Присуха].

Господи, благослови, истинный Христосъ. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), не благословясь, пойду, не перекрестясь, изъ избы не дверью, изъ воротъ не въ поле, сквозь полъ въ подполье, на закатъ красна солнышка, на восходъ ясна мѣсяца; пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), въ лѣсъ къ бѣлой березѣ, сдеру бѣлое бересто, брошу въ пещь огненную. Какъ то бересто на огнѣ горитъ и тлѣетъ, и пылаетъ, такъ бы и у рабы Божіей (или раба Божія, имя рекъ), сердце бы тлѣло и горѣло, и пылало бы ко мнѣ, рабу Божію (или рабѣ Божіей, имя рекъ) во вѣки вѣчные, до отвороту, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

№ 123. [Присуха].

Господи Исусе, Христе, Сыне Божій. Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Лягу я, рабъ Божій или раба Божія, (имя рекъ), благословясь, встану, перекрестясь, пойду изъ избы дверьми, изъ сѣней воротами, въ чистое поле, на быстрыя рѣки. На быстрыхъ рѣкахъ стоятъ заливные луга, на тѣхъ лугахъ подкошóная трава, подъ Божьимъ солнцемъ сохнетъ и вянетъ. Какъ на быстрыхъ рѣкахъ луговая трава подкошоная сохнетъ и вянетъ, такъ же бы и у рабы Божіей (или у раба Божія имя рекъ) сердце сохло и вяло, и ныло, и тосковало объ рабѣ Божіемъ (или рабѣ Божіей имя рекъ) въ вѣки вѣчные; отнынѣ и по вся вѣки, до Страшнаго Суда. Аминь. Слово мое крѣпко. Ключъ, замокъ. Шарамаву баша. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 124. [Присуха].

Господи, благослови! Господи, Исусе, Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, честнымъ Крестомъ оградясь, Богородицѣ помолясь и поклонясь; выйду изъ воротъ на улицу, óтводомъ въ чистое поле, въ широкое раздолье, подъ востокъ, подъ западъ, подъ полдень и подъ полуночь. Есть въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ двѣнадцать вѣтровъ, двѣнадцать буйныхъ братьевъ. Я вамъ, братья вѣтры, покланяюсь и помаляюсь: Ой вы, двѣнадцать братьевъ вѣтровъ, подсобите и помогите мнѣ, рабу Божію (или рабѣ Божьей, имя рекъ), сни-

мите съ меня тоску, печаль и сухоту несусвѣтимую, отнесите и напустите на рабу Божію (или раба Божія имя рекъ), чтобы сохла и тосковала она по мнѣ, по рабѣ Божіемъ (или рабѣ Божіей имя рекъ), жить бы не могла, ни пить, ни ѣсть, смертной тоской бы тосковала, а сухоты бы не избывала, въ банѣ бы не замыла и водой не отлила. Во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 125. [Присуха].

Читать „Да воскреснетъ Богъ" и т. д. до средины. Господи, благослови, истенной Христосъ. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь и перекрестясь, въ чистое поле, на синее море. Въ синемъ морѣ морская рыба. Закину неводъ, вытяну рыбу морскую. Какъ тяжело морской рыбѣ безъ воды жить, такъ бы тяжело было и рабѣ Божіей (или рабу Божію, имя рекъ) безъ раба Божія (или рабы Вожіей, имя рекъ) жить. Ни день бы она передневала, ни ночь бы она переночевала, спала бы—не засыпала, въ ѣдѣ бы не заѣдала и въ питьѣ бы не запивала. Въ морѣ рыба съ рыбой сходится, такъ бы и раба Божія (имя рекъ) со мной сходилась и отъ меня бы не отходила, смотрѣла бы, не насмотрѣлась, баяла, не набаивалась [1]) и любовь бы ко мнѣ имѣла всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Читать „Да воскреснетъ Богъ" отъ средины до конца.

№ 126. [Отъ притокъ и призоровъ].

Помяни, Господи, царя Давыда и всю кротость его! Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), на зарѣ, о вечерней порѣ, благословясь и перекрестясь, Господу-Богу помолясь, выйду въ чистое поле, на синее море. Въ чистомъ полѣ, на синемъ морѣ есть тридевять колдуновъ и колдуницъ, тридевять еретиковъ и еретицъ, тридевять вѣдуновъ и вѣдуницъ напускаютъ на меня, раба Божія (имя рекъ), вѣтры и притки, призоры разные. И взойду я, рабъ Божій (имя рекъ), на Сіонскую гору, и стану я, рабъ Божій (имя рекъ), на желѣзномъ току подъ мѣднымъ потолкомъ; и одѣнусь я, рабъ Божій (имя рекъ), небесной высотою, подпояшусь свѣтлою зарею вечернею и утреннею, осыплюсь частыми звѣздами и умоюсь свѣжею водою—отъ полуденнаго вѣтра, отъ вечерняго вѣтра и отъ утренняго вѣтра, и

[1]) Говорила, не наговаривалась.

отъ ночного вѣтра; отъ денной притки, отъ ночной притки, отъ вечерней притки, отъ утренней притки и отъ полуночной, и отъ полуденной притки, и отъ призоровъ, и прикосовъ всякихъ и отъ всѣхъ злыхъ людей. И никто бы мнѣ ни въ чемъ не повредилъ, не изурочилъ, не обаялъ. Слова мои крѣпки накрѣпки всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь Царю Небесному. Аминь.

№ 127. Отъ порчи.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Крестъ — креститель, крестъ — святитель, крестъ—красота церковная, крестъ—хранитель всея вселенныя, крестъ—демоновъ прогнаніе, крестъ—бѣсамъ язва. И нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ калитку, въ чистое поле, на синее Окіанъ-море. На томъ синемъ Окіанъ-морѣ, въ чистомъ полѣ стоитъ бѣлая кужлеватая береза—сама матушка Пресвятая Богородица. Ей я, рабъ Божій (имя рекъ), покорюсь и помолюсь, на всѣ стороны поклонюсь: Пречистая мати, Пресвятая Богородица Дѣво, помоги, пособи мнѣ, рабу Божію (имя рекъ), отговаривать притчи и призоры, вѣтряные переговоры, нутряные переломы, съ кости, съ мозгу, съ бѣлой жилы, изъ ясныхъ очей, съ ретива сердца, со буйной головы, изъ тридесяти костей, изъ тридевяти жилъ, изъ единой становой жилы, изо всего стану человѣческаго у раба Божія, или у рабы Божіей (имя рекъ). Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Ключъ словамъ, замокъ мыслямъ. Аминь. Аминь. Аминь.

№ 128. [Отъ порчи у дѣтей].

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь. Встану, не благословясь; пойду, не перекрестясь; изъ избы не дверями, со двора не калиткой, не въ чистое поле, не подъ свѣтлый мѣсяцъ, не подъ часты, мелки звѣзды, не на утренней зарѣ, не на вечерней. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ) съ озера на озеро, съ рѣки на рѣку, съ ключа на ключъ. Въ тѣхъ озерахъ и въ рѣкахъ, и на ключахъ, вода живая, текучая и палючая. Той водой обливаю и окропляю я, рабъ Божій (имя рекъ), пенья и колоды, сухія кочки и бѣлыя камени; смываю и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же умою и окропляю, и помазую сего раба Божьяго, младенца (имя рекъ), отъ худой худобы, отъ хворой хвороты, отъ лихой лихости, отъ

матрней думы, отъ отцовскихъ мыслей, отъ всякаго зглазу и призору, и озепу, и обáю, отъ всякаго лихого человѣка, отъ дѣвки простоволоски, отъ бабы паларотки и отъ всякаго сустричнаго и поперечнаго. Будьте вы, мои слова, крѣпки, въ ключи и въ замки, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Для излѣченія порчи у дѣтей нужно на зарѣ (утренней или вечерней—безразлично) сходить на рѣку къ тому мѣсту, гдѣ двѣ рѣки встрѣчаются (къ устью), или же на три рѣки; въ случаѣ крайности—на три озера, или на три ключа. Итти на рѣку молча, не кланяясь, не отвѣчая на привѣтствія и не оглядываясь. Придя къ рѣкѣ, почерпнуть, трижды выливая, воды и тѣмъ же порядкомъ вернуться домой. Дома вода со всѣхъ трехъ источниковъ собирается въ одно мѣсто, и затѣмъ ею умываютъ трижды ребенка, читая вышеупомянутый заговоръ. Если это средство не поможетъ, то нужно читать „Купреяновы молитвы“ [1]).

№ 129. [Отъ лихорадки].

Написать на бумажкѣ три раза подъ рядъ:

Саторъ арепо тенетъ опера ротасъ.

Прочитать это три раза, не дыша, и съѣсть съ Исусовой молитвой.

№ 130. [Чтобы скотина велась].

Новокупку, приведя домой, становятъ въ воротахъ; на порогъ постилаютъ поводъ, на которомъ вели купленную скотину, и перегоняютъ ее черезъ поводъ со словами:

Дворовый хозяинъ, прими скотинушку, полюби нашу новую животинушку!

Послѣ этого машутъ поводомъ на всѣ четыре стороны.

№ 131. [Чтобы у ребенка были крѣпкіе зубы].

Мышка, мышка, нá тебѣ зубокъ костяной, а мнѣ (или, если ребенокъ малъ и не можетъ пролепетать весь заговоръ самъ, то за него говоритъ мать: а младенцу такому-то) дай стальной:

Затѣмъ зубъ бросается подъ печку.

---

[1]) См. ранѣе № 109.

№ 132. [Чтобы курица была носчѣе].

Когда молодка снесетъ первое яйцо, то хозяйка беретъ его и проводитъ имъ трижды вокругъ головы мужа, приговаривая:

Сколько у... (имя хозяина) на головѣ волосьевъ, столько бы у рябушки (чернушки и пр.) зародышковъ, а у меня грошиковъ.

Первое яйцо должно быть отдано въ церковь.

№ 133. [Чтобы спина не болѣла отъ полевыхъ работъ].

Увидя въ первый разъ весною пролетающихъ журавлей, нужно лечь на траву и семь разъ перекувыркнуться черезъ голову, или перевернуться съ боку на бокъ, приговаривая:

Журавель, журавель,
У тя шея коломъ,
А у мея (меня) спина колесомъ,
А не крюкомъ.

Спина во время полевыхъ работъ будетъ „быть пружинная".

№ 134. [Отъ порѣза, поруба и т. д.].

Господи, благослови, истенной Христосъ, помоги началъ положить [1]). Аминь.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота̀, въ чистое поле. Въ чистомъ полѣ течетъ тридцать три рѣки и двѣ рѣки, и едина рѣка — *Черна-Смородина*. По той рѣкѣ, Черной Смородинѣ, бѣжитъ легкая малая лодка. Въ той легкой малой лодкѣ сидитъ старъ, матеръ человѣкъ; голова у него бѣла, борода сѣда, везетъ онъ наго, сине, мертво тѣло; въ рукахъ онъ держитъ длинну, востру саблю булатную. Той вострой саблей булатной сѣчетъ и рубитъ онъ сине, наго мертвое тѣло. Съ того мертва, синя, нага тѣла кровь не течетъ и не канетъ. Такъ же бы и у раба Божія (имя рекъ) изъ раны кровавой кровь не текла, не канула и никакой бы сухоты и ломоты не было. Слово мое крѣпко и твердо, аки столобъ мѣдянъ, верея желѣзна. Изъ ключа въ ключъ, изъ замка въ замокъ. Всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Аминь. Аминь Царю Небесному.

Говорить трижды и каждый разъ сплюнуть трижды черезъ рану.

[1]) М. б. слова „началъ положить" ранѣе относились къ извѣстному циклу молитвъ, произнести которыя и значило „положить началъ".

I. Распредѣленіе заговоровъ по содержанію.

II. Распредѣленіе заговоровъ по мѣстности.

Костромской губ., Солигаличскаго у. №№ 29 — 31, 47 — 53, 70—71.

" " Бѣлорѣченской вол. (Костр. у.). №№ 97—106.

" " Шишкинской вол. (Костр. у.). №№ 54—60, 76—79, 97—105 [1]).

" " Шунгенской вол. (Костр. у.) №№ 68—69, 116—134 [2]).

Олонецкой губ., Петрозаводскаго у. №№ 32—44.

---

[1]) Д. Семилово.

[2]) С. Сельцо; дд. Губачево, Митино, Новленское, Оганино, Палачев , Пашутино, Саково, Скрывалово, Стрѣльниково.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVI годъ изданія 1907

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

XVI годъ изданія 1907

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVI году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Програма журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVI годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнаревъ и К°), Фонтанка, 117.